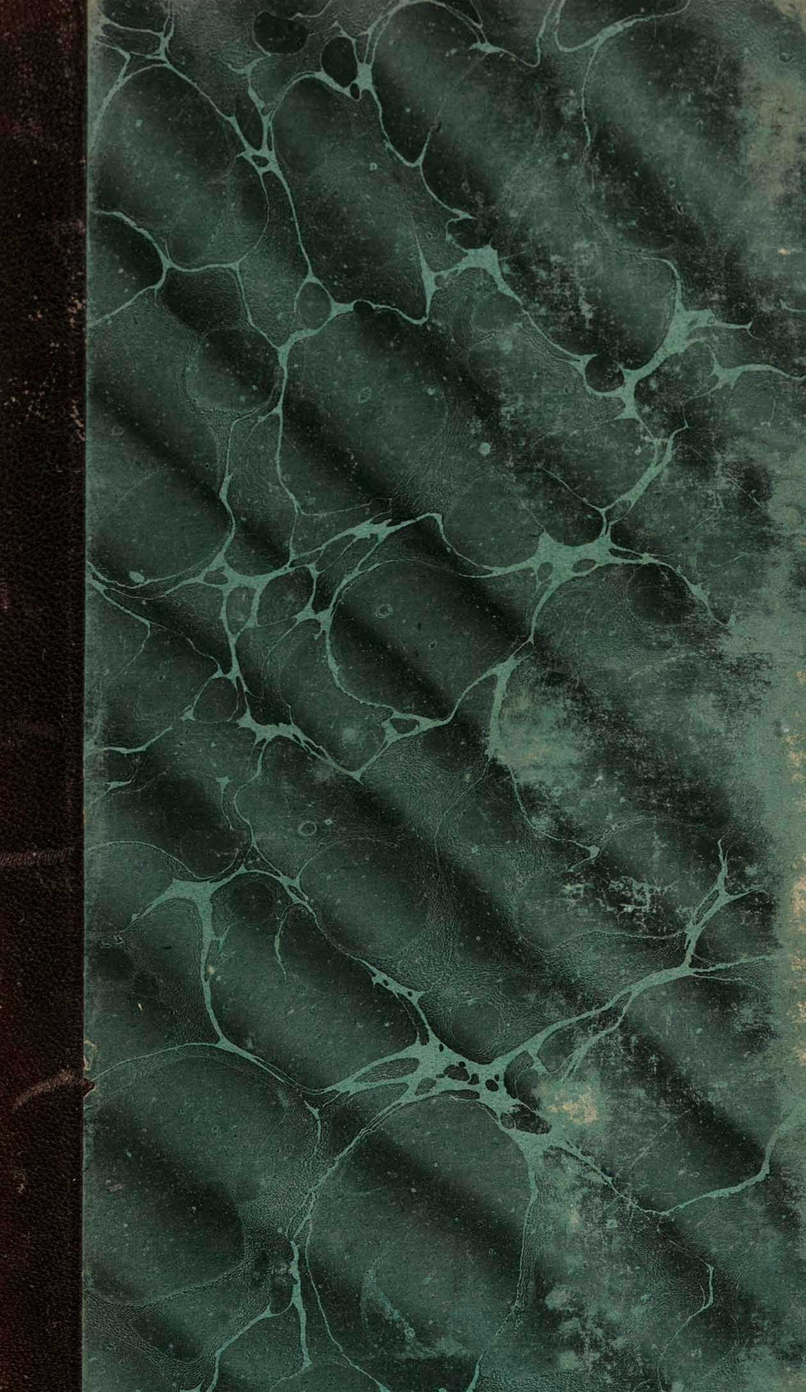
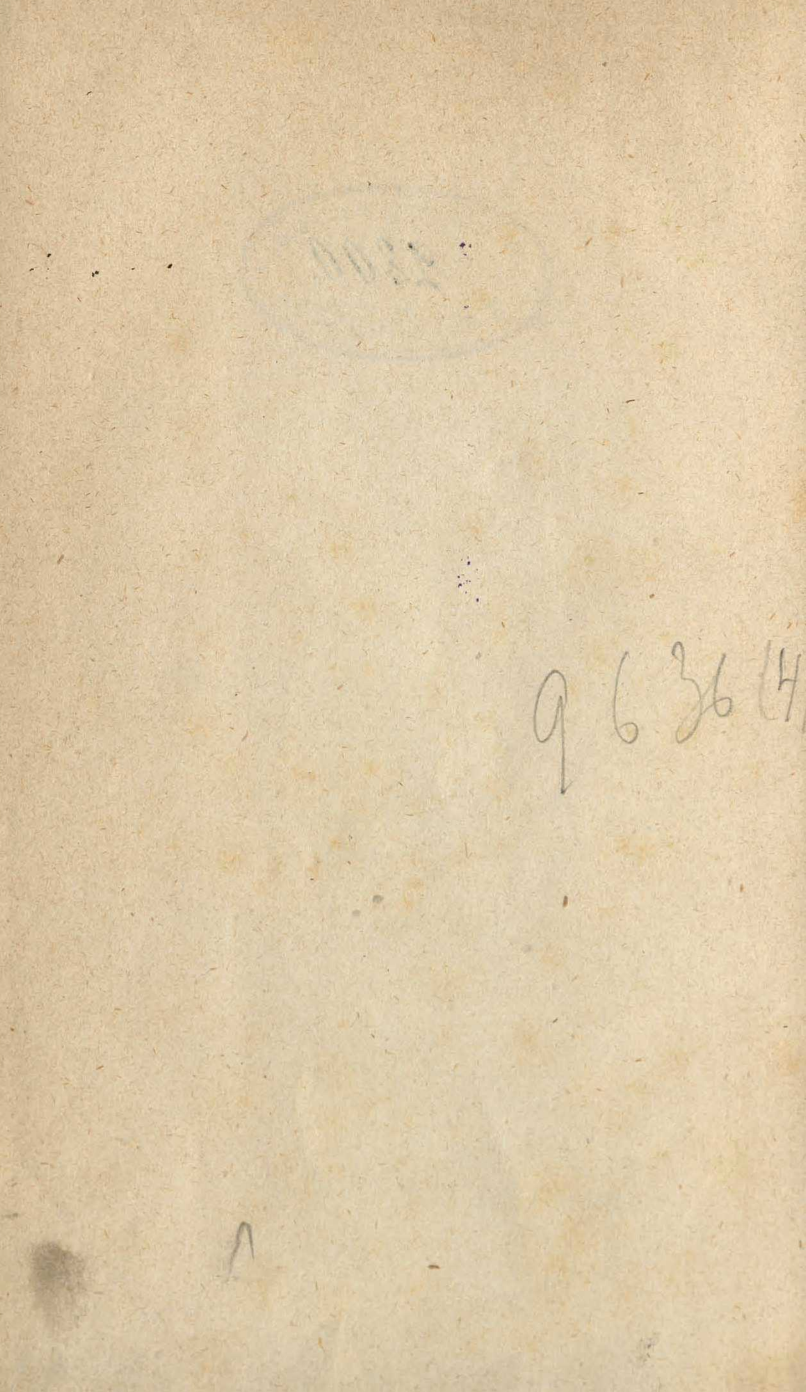


Beckford

отис.


9636(4

МК

КАЛИФЪ

ВАТЕКЪ.

АРАБСКАЯ СКАЗКА.

Переведена съ Французскаго.

Въ Санктпетербургѣ.

ВЪ Типографїи Горнаго Училища
1792 года.

КАЛИФЪ

ВАТЕКЪ.

АРАБСКАЯ СКАЗКА.

Ватекъ девятый Калифъ (1) порожденія Аббасидовъ, былъ сынъ Мотассемовъ, и внукъ Гаруна Аль-Рашида. Онъ взошелъ на престолъ въ цвѣтѣ его лѣтъ. Великія достоинства, коими онъ обладалъ уже, подавали надежду его подданнымъ, что правленіе его будетъ продолжительно и счастливо. Образъ его пріятный и величественный; но когда онъ былъ во гнѣвѣ, одинъ глазъ его дѣлался столь ужаснымъ,

(1) Сіи примѣчаніи были поставлены у Автора для изъясненія разныхъ Магометанскихъ басномовій, но какъ оныя почти всѣмъ извѣстны, для чего переводчикъ и отмѣтилъ.

что не могли выдерживать его взоровъ: несчастные, на кого онъ его устремлялъ, падали на взничь, и иногда даже умирали въ минуту (2). И такъ страшась обезнародовать его государство, и сдѣлать пустыню изъ его дворца, сей Государь не сердился какъ весьма рѣдко.

Онъ былъ весьма вдявшійся женщинамъ и удовольствіямъ стола. Щедрость его была не ограниченна, и пороки его безъ воздержанія. Онъ не думалъ такъ, какъ Омаръ Бенъ Абдалазизъ (3). Что долженствовало сдѣлать себѣ адъ изъ сего свѣта, чтобъ имѣть Рай въ другомъ.

Онъ превзошелъ въ великолѣпіи всѣхъ его предшественниковъ. Палаты Алкоремскія построенныя его отцемъ, въ долинѣ Пѣгихъ лошадей, и которыя повелѣвали всемъ городомъ Самаратомъ (4), не казались ему довольно пространными. Онъ прибавилъ пять крылъ, или лучше пять другихъ дворцовъ, и опредѣлилъ каждый ко удовольствію одного изъ его чувствъ.

Въ первомъ изъ сихъ дворцевъ столы были всегда накрыты наивкуснѣйшими

яствами. Оныя возобновляли день и ночь по мѣрѣ какъ оныя простывали. Вины наинѣжнѣйшія и наилучшайшія передвоеніи, текли великими ручьями изо ставиномѣтовъ, кои не изсякали никогда. Сіи палаты назывались Вѣчное празднество или не насытимыя.

Вторыя палаты назывались *Храмъ согласія звуковъ* или *нектаръ души*. Оныя были обитаемы первѣйшими музыкантами и стихотворцами сего времяни. Упражняя довольно ихъ дарованіи въ семъ мѣстѣ, они разсыпались толпами, и наполняли пѣніемъ и музыкою всѣ окрестныя мѣста. (5)

Палаты называемыя *Прелести глазъ* или *подпора памяти*, было безпрестанное восхищеніе. Рѣдкости собранныя изъ всѣхъ концевъ свѣта, находились во излишествѣ въ наипрекраснѣйшемъ порядкѣ. Тамъ видима галлерея картинъ знаменитаго Мани (6), и истуканы, кои казались возбужденными. Тамъ отдаленный видъ весьма хорошо устроенный прельщалъ взоръ; здѣсь волшебство оптики об-

манывало оный пріятно: въ другомъ мѣстѣ находили всѣ сокровищи натуры. Словомъ, Ватекъ, наилюбопытнѣйшій изъ человѣковъ, не упустилъ ничего въ сихъ палатахъ, что могло удовольствовать тѣхъ, кои оныя посвящали.

Палаты благоуханій, кои называли такъ же *Подвизаніе сладострастія*, были раздѣлены на многія залы. Свѣтильники и сосуды ароматическіе были тамъ возжены, даже въ полный день. Для разсыпанія пріятнаго упоенія, которое вдыхало сіе мѣсто, сходили въ пространнѣйшій садъ, гдѣ собраніе всѣхъ цвѣтовъ, подавало вдыхать благоуслажденный и укрѣпляющій воздухъ.

Въ пятыхъ палатахъ, называемыхъ *Убѣжище веселія* или *опасныя*, находились многія толпы дѣвицъ молодыхъ. Онѣ были прекрасны и предупреждающи какъ Гурисы, и никогда онѣ не утруждались принимая хорошо тѣхъ, которыхъ Калифъ хотѣлъ допустить въ ихъ сообщество.

Не взирая на всѣ роскоши, въ коихъ Ватекъ погружался, сей Государь не менѣе былъ любимъ его народами. Они думали что Самодержецъ, который вдается удовольствїямъ, покрайнѣй мѣрѣ столь же мало удобенъ правительствовать какъ и тотъ, который объявляетъ себя ихъ непрїятелемъ. Но горячїй и безпокойный его нравъ не позволилъ остаться при семъ. При жизни отца его, онъ столько учился отъ скуки, что онъ зналъ много; онъ хотѣлъ наконецъ знать все; даже науки, которыя не существуютъ. Онъ любилъ спорить съ учеными; но долженствовало, чтобъ они не далеко простирали противорѣчїе. Однимъ онъ запиралъ ротъ дарами; тѣ, коихъ упрямство сопротивлялось его щедростямъ, были отсылаемы въ темницы, для успокоенїя ихъ крови лѣкарство, которое часто успѣвало.

Ватекъ хотѣлъ такъ же мѣшаться въ богословскїя ссоры, и сїе не было для части вообще принимаемую за правовѣрную, что онъ себя объявилъ. Чрезъ сїе онъ возбудилъ всѣхъ набожныхъ противъ себя:

тогда онъ ихъ гналъ; потому, что каковою бы то цѣною не было, онъ хотѣлъ всегда быть правымъ.

Великій пророкъ Магомедъ, коего Калифы суть намѣстники, былъ въ негодованіи въ седьмомъ небѣ (7), за беззаконный поступокъ одного изъ его наслѣдниковъ, оставимъ его дѣлать, говорилъ онъ духамъ (8), кои всегда подлѣ его, для полученія его повелѣній посмотримъ, докуда будетъ простираться его дурачество и его безбожество; ежели онъ зайдетъ далеко, мы будемъ умѣть весьма его наказать. Помогайте ему дѣлать сію башню (9), которую по подражанію Нимвродову, онъ началъ возвышать; не такъ какъ сей великій воинъ, для спасенія себя отъ новаго потопа, но по грубому любопытству проникнуть въ тайны неба. Пусть его трудится, онъ не отгадаетъ никогда жребія, который его ожидаетъ.

Духи покорствовали; и когда работники возвышали башню, въ продолженіе дня локоть, они присовокупляли два ночью. Скорость, съ которою сіе зданіе было воз-

двигнуто, ласкало тщеславїе Ватеково. Онъ думалъ даже, что вещество не чувствительное само-споспѣшествовало его намѣренїямъ. Сей Государь не разсуждалъ, не взирая на всю его науку, что успѣхи безумнаго и злаго, есть первые бичи, коими они наказуются.

Высокомѣрїе его достигло до его верха. Когда онъ взошелъ въ первый разъ, одиннатцать тысячь ступеней его башни, онъ посмотрѣлъ въ низъ. Люди казались ему муравьями, горы раковинами, и города ульями пчелъ. Мысль, которую ему дало сїе возвышенїе о его великости собственной, окончала вскружить ему голову, онъ хотѣлъ обожать самъ самаго себя, когда поднявъ глаза онъ увидѣлъ, что звѣзды были столько же отъ него удалены, какъ отъ поверхности земной. Онъ утѣшился однако невольнымъ чувствїемъ его малости, мыслїю казаться великимъ въ глазахъ другихъ, въ прочемъ онъ ласкался, что свѣтъ его разума превзойдетъ его зрѣнїе, и что онъ повелитъ звѣздамъ дать отчетъ во опредѣленїяхъ его судьбины.

Для сего дѣйствія, онъ препровождалъ большую часть ночей на верьху его башни, и считалъ себя вникшимъ въ таинства Астрологическія, онъ воображалъ, что планеты предвозвѣщали ему удивительнѣйшія приключенія. Чрезвычайный человѣкъ долженствовалъ прибыть изъ земли, о которой никогда не слыхали, и быть провозвѣстникомъ. Тогда онъ удвоилъ вниманіе къ иностраннымъ, и приказалъ объявить при звукѣ трубъ въ улицахъ Самарата, чтобъ ни одинъ изъ его подданныхъ не удерживалъ, не давалъ жить путешественникамъ у себя; желая чтобъ всѣхъ ихъ приводили въ его дворецъ.

Нѣсколько времяни спустя послѣ сего объявленія, показался человѣкъ, коего образъ былъ столь страшенъ, что стражи, кои его схватили, были принуждены закрыть глаза препровождая его во дворецъ. Калифъ самъ показался удивленнымъ при ужасномъ его видѣ; но радость послѣдовала скоро сему невинному ужасу. Незнакомый разложилъ предъ Государемъ таковыя рѣдкости, каковыхъ онъ ни когда не

видалъ, и коихъ онъ не мнилъ даже возможность быть.

Ничего дѣйствительно не было чрезвычайнѣе, какъ товары иностранца. Большая часть его вещей были столькоже хорошо выработаны, какъ великолѣпны. Оныя исключая сего имѣли особенныя добродѣтели описанныя на сверткѣ паргамента привязаннаго къ каждой вещи. Тамъ видимы были туфли, кои помогали ногамъ ходить; ножи, которые рѣзали безъ движенія руки, сабли, которыя наносили ударъ при малѣйшемъ движеніи. Все сіе было обогащено наидрагоцѣннѣйшими каменьями, коихъ ни кто не зналъ.

Между всѣми сими любопытностями, находились сабли, которыхъ лезвеи испущали ослѣпляющій огонь, Калифъ хотѣлъ оныя имѣть, и ласкался разобрать на свободѣ неизвѣстныя буквы, кои были тамъ изображены. Не спрашивая у купца, какая имъ была цѣна, онъ приказалъ принести все золото въ деньгахъ изъ сокровищницъ, и повелѣлъ ему брать сколько онъ хочетъ. Сей взялъ малое число и наблюдая великое молчаніе.

Ватекъ несомнѣвался, чтобъ молчанїе иностранца не произходило отъ почтенїя, которое ему внушало его присудствїе. Онъ приказалъ ему подойтить съ милостїю, и спрашивалъ у него съ видомъ ласковымъ, кто онъ былъ, отколѣ прибылъ, и гдѣ онъ досталъ столь прекрасныя вещи? человѣкъ, или лутче чудовище, вмѣсто чтобъ отвѣтствовать, потеръ три раза его лобъ, который былъ гораздо черняе Гебена; ударилъ четыре раза по его брюху, коего окружность была чрезмѣрна; разнялилъ глаза, которые казались двумя горящими угольями, и началъ смѣяться съ ужаснымъ шумомъ, показывая широкїе зубы янтарнаго цвѣта съ зелеными полосами.

Калифъ нѣсколько тронутый, повторилъ его вопросъ; но не получилъ другаго отвѣта. Тогда сей Государь началъ выходить изъ терпѣнїя, и вскричалъ: знаешъ ли ты несчастный, кто я? и помышляешъ ли надъ кѣмъ ты шутишь? и обратясь къ его стражамъ, спрашивалъ, говорилъ ли онъ? они отвѣтствовали, что

онъ говорилъ, но весьма мало. Пусть говоритъ онъ еще, перехватилъ Ватекъ, пусть онъ говоритъ какъ можетъ, и чтобъ онъ мнѣ сказалъ кто онъ, отколѣ онъ прибылъ, и отколѣ принесъ странныя любопытности, кои онъ мнѣ представилъ? я клянусь осломъ Валаамовыхъ, что ежели онъ еще будетъ молчать болѣе, я заставлю его разкаяться въ его упрямствѣ. Сказавъ сіе, Калифъ не могъ удержаться, чтобъ не бросить на незнакомаго одинъ изъ его взоровъ столь опасныхъ: сей не перемѣнилъ даже положенія; ужасный и убивственный глазъ не сдѣлалъ надъ нимъ никакого дѣйствія.

Не возможно изъяснить удивленія придворныхъ, когда они увидѣли, что неучтивый купецъ выдержалъ таковый опытъ. Они бросились всѣ лицемъ на землю, и пребыли бы такъ, естьлибъ Калифъ не сказалъ имъ злобнымъ голосомъ: встаньте трусы, и схватите сего презрѣннаго! да влекутъ его въ темницу, и стрегутъ въ видѣ лучшими моими воинами! онъ можетъ взять съ собою деньги, которыя я

ему далъ; пусть онъ хранитъ ихъ, но чтобъ онъ говорилъ. При сихъ словахъ напали на иностранца; оковали его крѣпкими цѣпями, и свели въ темницу большой башни. Семь рѣшетокъ желѣзныхъ, утыканныхъ долгими острыми спицами, столь длинными и острыми на концахъ какъ вертель, окружали его со всѣхъ сторонъ.

Калифъ пребылъ однако въ жесточайшемъ движенїи: онъ не говорилъ ни мало; едва хотѣлъ сѣсть за столъ, и не ѣлъ какъ только съ тритцати двухъ блюдъ изъ трехъ сотъ, кои ему обыкновенно подавали каждый день. Сїе воздержанїе, къ которому онъ не привыкъ, воспрепятствовало бы одно ему спать. Каковое же дѣйствїе не должно было оно имѣть присоединенное къ беспокойству, которое имъ обладало! для чего, какъ скоро показался день, онъ бѣжалъ къ темницѣ дѣлать новыя усилїи надъ упрямымъ незнакомцемъ. Но бѣшенство его не можетъ быть описано, когда онъ увидѣлъ, что его тамъ не было, что желѣзныя рѣшетки были изломаны, и стражи умерщвлены. Наи-

страннѣйшее забвенїе возобладало имъ. Онъ принялся давать толчки ногами трупамъ, кои его окружали, и продолжалъ поражать ихъ во весь день такимъ же образомъ. Придворные его и его Визири дѣлали все, что могли, чтобъ его успокоить; но видя что они не могутъ успѣть, они вскричали всѣ вмѣстѣ: Калифъ сдѣлался дуракомъ! Калифъ сдѣлался дуракомъ!

Сей крикъ былъ скоро повторенъ во всѣхъ улицахъ Самарата. Онъ достигъ наконецъ до ушей Принцессы Катаратисъ, матери Ватековой. Она прибѣжала вся встревоженная, чтобъ испытать власть, которую она имѣла надъ разумомъ ея сына. Слезы ея и ея обьятїи успѣли утвердить Калифа на одномъ мѣстѣ; и уступя наконецъ ея прозьбамъ, онъ далъ себя отвести въ его дворецъ.

Катаратисъ остерегалась весьма оставить сына ея самому себѣ. Послѣ какъ она приказала его положить въ постелю, она сѣла подлѣ него, и старалась разговорами ея его утѣшить и успокоить. Никто немогъ лутче до сего достичь. Ватекъ лю-

билъ ее и почиталъ, не только какъ мать, но какъ женщину одаренную высочайшимъ духомъ. Она была Гречанка, и заставила его принять всѣ системы и науки сего народа, которыя ужасомъ между добрыми Музульманами.

Астрологія предвозвѣщательная была изъ ея любимѣйшихъ наукъ и Катарапписъ обладала оною совершенно. И такъ перьвое стараніе было напомнить сыну ея о томъ, что звѣзды ему обѣщали, и она предложила посовѣтовать еще съ ними. Увы! сказалъ ей Калифъ, какъ скоро онъ могъ говорить, я безумный, не тѣмъ, что далъ сорокъ тысячь толчковъ ногою моимъ стражамъ, кои дали себя глупо умертвить; но тѣмъ, что я не помыслилъ, что сей человѣкъ чрезвычайный былъ самый тотъ, о коемъ планеты мнѣ предсказали. Вмѣсто чтобъ поступать съ нимъ худо, я бы долженъ былъ испытать склонить его тихостію и ласками. Прошедшее не можетъ возвратиться, отвѣчала Катарапписъ; должно думать о будущемъ. Можетъ быть увидите вы еще

шого, о комЪ вы сожалѣете; можетЪ быть что сіи письма, которыя на лезвѣяхЪ саблей, вамЪ дадутЪ извѣстіе. Кушайте, и почивайте, мой дражайшій сынЪ; мы увидимЪ завтре, что надлежитЪ дѣлать.

ВатекЪ послѣдовалЪ сему мудрому совѣту, наилучше какЪ онЪ могЪ. На другой день, онЪ всталЪ вЪ лучшемЪ положеніи разума, и приказалЪ кЪ себѣ принести удивительныя сабли. Но чтобЪ не быть ослѣплену ихЪ блескомЪ, онЪ смотрѣлЪ на оныя сквозь цвѣтное стекло; однако сіе было тщетно: сколько онЪ не билЪ себя по лбу, не узналЪ ни единой буквы. Сіе противо-времянье ввело бы его опять вЪ первое его бѣшенство, естьлибЪ КатарантисЪ не вошла кЪ стати.

Имѣйте терпѣнье, сынЪ мой, сказала она ему; вы обладаете конечно всѣми науками. Знать языки есть бездѣлица принадлежащая до мнимо-ученыхЪ. Обѣщайте награжденія достойныя васЪ тѣмЪ, которые изЪяснятЪ сіи варварскія слова, коихЪ вы не разумѣете, и что ниже васЪ разумѣть оныя; вы скоро будете удоволь-

ствованы. Сїе быть можетъ, сказалъ Калифъ; но во ожиданїи я буду отягощенъ толпою полу-ученыхъ, которые сдѣлаютъ сей опытъ сколько для того, чтобъ имѣть удовольствїе болтать, столько для полученїя награжденїя. Послѣ минутнаго размышленїя, онъ примолвилъ, я хочу избѣжать сего случая. Приказавъ умерщвлять всѣхъ тѣхъ, которые меня не удовольствуютъ; потому, что благодаря небо, я имѣю довольно разсужденїя, чтобъ видѣть переводятъ ли, или выдумываютъ.

О! что до сего, я не сомнѣваюсь, отвѣчала Катаратисъ, но умерщвлять невѣждъ есть наказанїе не много строгое, и что можетъ имѣть опасныя слѣдствїи. Удовольствуйтесь приказавъ имъ сжигать бороды; бороды не столько нужны въ Государствѣ какъ люди. Калифъ согласился еще на разсужденїя его матери, и приказалъ призвать его перваго Визиря. Мораканабадъ, сказалъ онъ ему, прикажи возвѣстить чрезъ публичнаго крикуна, въ Самаратѣ, и во всѣхъ городахъ моей Имперїи, что тотъ, который разберетъ

писмена, которыя кажутся не разбираемы, будетъ имѣть опыты сей щедрости извѣстной всему свѣту; но что въ случаѣ неуспѣха, ему сожгутъ бороду до малѣйшаго волоска. Да возвѣстятъ такъ же, что я дамъ пятьдесятъ прекрасныхъ невольницъ, и пятьдесятъ ящиковъ абрикозовъ острова Кирмишь, тому, который дастъ мнѣ извѣстіе о семъ странномъ человѣкѣ, коего я хочу еще видѣть.

Подданные Калифовы, по примѣру ихъ Государя, любили весьма женщинъ и ящики съ абрикозами острова Кирмиша. Сіи обѣщаніи ихъ разлакомили, но они не отвѣдали ихъ; потому, что никто не зналъ, что сталось съ иностранцомъ. Но не такъ было о перьвомъ требованіи Калифовомъ. Ученые, полу-ученые, и всѣ тѣ, которые были ни то ни другое, но которые думали быть въ семъ, пришли бодрственно подвергнуть ихъ бороды, и всѣ ихъ потеряли. Евнухи не дѣлали ничего другаго, какъ жгли бороды, что сообщило имъ копченый запахъ, коимъ серальскія женщины были столько обезпокоены, что должно было поручить сіе дѣло другимъ.

Наконецъ, въ одинъ день предсталъ старикъ, коего борода превосходила полуторолоктемъ всѣ тѣ, кои видѣли. Служители палатъ, вводя его, говорили одинъ другому: какъ сожалѣтельно! Сколь много сожалѣтельно сожигать такъ прекрасную бороду! Калифъ думалъ такъ же; но онъ не имѣлъ сего огорченія. Старикъ прочелъ безъ труда письмена, и изъяснилъ ихъ слово въ слово слѣдующимъ образомъ: ,,мы здѣланы были тамъ, гдѣ все дѣлаютъ ,,хорошо; мы есть наималѣйшее удивле-,,ніе страны, гдѣ все удивительно и до-,,стойно величайшаго Государя на земли,,.

О! ты совершенно хорошо перевелъ, вскричалъ Ватекъ; я знаю того, коего хотятъ означить сіи письмена. Да дадутъ сему старцу столько же почетныхъ одеждъ и столько же тысячей секиновъ, сколько онъ произнесъ словъ: онъ очистилъ сердце мое отъ части омраченія, кое его окружало. Послѣ сихъ словъ, Ватекъ звалъ его обѣдать и даже препроводить нѣсколько часовъ или дней въ его палатахъ.

На другой день Калифъ приказалъ его

позвать, и сказалъ ему: перечитай мнѣ еще, что ты читалъ; я не могу довольно наслушаться сихъ словъ, кои мнѣ кажутся обѣщающими благо, о которомъ я воздыхаю. Старикъ надѣлъ тотчасъ его зеленые очки, но онѣ упали у него съ носа, когда онъ увидѣлъ что письмена бывшія на канунѣ уступили мѣсто другимъ. Что ты, спросилъ его Калифъ? что значатъ сіи знаки удивленія? Правитель свѣта, письмена сихъ саблей уже не тѣ. Что ты мнѣ сказываешъ, перехватилъ Ватекъ? но что нужды; ежели ты можешъ, изьясни мнѣ знаменованіе оныхъ. Вотъ оное, Государь, сказалъ старикъ: „нещастіе дерзостному, который хочетъ знать чегобъ онъ „не долженствовалъ вѣдать, и предпріять „то, что превышаетъ его могущество„. Несчастіе тебѣ самому! вскричалъ Калифъ, весь внѣ себя. Выйди изъ моего присудствія! Тебѣ сожгутъ только половину бороды, потому, что вчерась ты отгадалъ хорошо; что до моихъ даровъ, я не беру обратно никогда того, что я далъ однажды. Старикъ былъ довольно ра-

зуменъ чтобъ разсудить, что онъ отдѣлался весьма дешево за глупость, которую онъ сдѣлалъ сказавъ его Государю непрїятную истинну, удалился тотчасъ и не показывался болѣе.

Ватекъ не замѣшался раскаяться въ его запальчивости. Какъ онъ не преставалъ разсматривать сїи письмена, онъ увидѣлъ ясно, что оныя перемѣнялись каждый день; и никто не представлялся для изъясненїя. Сїе безпокойное упражненїе возжгло его кровь, и приключило ему родъ обмороковъ, помраченїе зрѣнїя, и столь великую слабость, что едва онъ могъ держаться: въ семъ состоянїи, онъ не оставлялъ себя приказывать носить на башню, надѣясь прочесть что ни есть прїятное въ свѣтилахъ; но онъ обманулся въ сей надеждѣ. Глаза его помраченные парами его головы, служили ему худо: онъ не видалъ болѣе какъ облакъ черный и густый; предвозвѣщанїе, которое казалось ему наизлосчастнѣйшимъ.

Изтощенный толиким и заботами, Калифъ потерялъ совершенно бодрость; онъ

получилъ горячку, потерялъ охоту къ кушанью, и вмѣсто что онъ былъ наивеличайшей прожора на земли, онъ сдѣлался наирѣшительнымъ пивцомъ. Чрезъестественная жажда сожигала его; и ротъ его, открытый какъ воронка принималъ день и ночь бездну жидкостей. Тогда сей несчастливый Государь не возмогая вкушать ни какого удовольствія, приказалъ запереть палаты пяти чувствъ, престалъ казаться въ публикѣ, показывать его великолѣпіе, дѣлать правосудіе его подданнымъ, и удалился во внутренность сераля. Онъ былъ всегда добрый мужъ; жены его были не утѣшимы его состояніемъ, не уставали приносить молитвы о его здоровьѣ, и давать ему пить.

Однако Принцесса Катаратисъ была въ наиживѣйшей горести. Она запиралась ежедневно съ Визиремъ Мораканабадъ, для исканія средствъ излѣчить его, или по крайнѣй мѣрѣ облегчить больнаго. Увѣренные, что въ семъ было чародѣйство, они перебирали по листу всѣ книги волшебства, и приказывали повсюду искать ужа-

снѣйшаго иностранца, коего они обвиняли быть творцемъ сего чародѣйства.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Самарата, была одна высокая гора покрытая всѣми наиблаговоннѣйшими цвѣтами, прелестнѣйшая долина увѣнчевала верхъ оныя; ее бы приняли за рай опредѣленный для правовѣрныхъ. Сто рощицъ благоухающихъ кустовъ, и столько же рощей гдѣ оранжевыя, кедровыя и лимонныя деревья сплетшись съ пальмами, виноградныя лозы и гранатныя деревья, представляли чемъ удовольствовать равно вкусъ и обонянїе. Земля была усѣяна вїолѣттами; и кустами гвоздикъ, кои наполняли наипрїятнѣйше воздухъ ихъ сладчайшимъ благовонїемъ. Четыре свѣтлыхъ источника, и столь изобильные, чтобъ оныя могли утолить жажду десяти Армїй, не казались текущими въ сихъ мѣстахъ, какъ для лучшаго подражанїя Едемскаго сада, орошаемаго священными рѣками. На зеленѣющихся ихъ берегахъ соловей воспѣвалъ рожденїе розы, его возлюбленной, и жаловался на малое продолженїе ея прелестей; горлица опла-

кивала потерю болѣе существительную удовольствій, между тѣмъ какъ перепелъ поздравлялъ его пѣніемъ свѣтило, которое возбуждаетъ естество: тамъ болѣе, нежели въ какомъ мѣстѣ въ свѣтѣ, пѣніе птицъ изъясняло различіе ихъ страстей; прелестнѣйшіе плоды, которые онѣ вкушали по ихъ желанію, казалось, придавало имъ двойную силу.

Ватека носили иногда на сію гору, чтобъ вкушать наконецъ чистоту воздуха, и пить по его произволенію изъ четырехъ источниковъ. Мать его, его жены и нѣсколько евнуховъ были однѣ особы, которыя его туда препровождали. Каждый поспѣшалъ наполнять большіе сосуды горнаго хрусталя, и представляли ему въ запуски; но ихъ ревность не отвѣтствовала его жадности; часто онъ ложился на землю, чтобъ лакать воду.

Въ одинъ день когда достойный оплакиванія Государь пребылъ довольно долгое время въ столь унизительномъ положеніи, голосъ глухій, но сильный, послышался, и произносилъ такъ: „почто дѣ-

„лаешъ ты упражненіе пса? о Калифъ „столь гордый твоимъ достоинствомъ и „твоимъ могуществомъ!„ Ватекъ поднялъ голову, и видитъ страшнаго иностранца, причину толикихъ прискорбій. При семъ видѣ онъ приходитъ въ замѣшательство, гнѣвъ наполняетъ его сердце; онъ вскричалъ: и ты проклятый Гіауръ! почто пришелъ ты сюда? не доволенъ ли ты содѣлавъ Государя легкаго и проворнаго, подобнаго бочкѣ. Не видишъ ли ты, что я умираю столько отъ того, что я много пилъ, какъ и отъ нужды еще пить?

Выпей же еще сей сосудъ, сказалъ ему иностранецъ, подавъ ему скляницу наполненную красноватою жидкостію; и познай для утоленія жажды души твоей, послѣ жажды тѣла твоего, что я Индѣецъ, но изъ страны, которая неизвѣстна никому.

Страна, которая неизвѣстна никому! .... Сіи слова были ударъ свѣта для Калифа. Сіе было исполненіе одной части его желаній; и ласкаясь, что оныя будутъ всѣ удовольствованы, онъ взялъ волшебное питіе и выпилъ его не-

колебаясь. Въ минуту онъ нашелся здоровымъ, жажда его была утолена, и тѣло его стало гибчае нежели когда. Радость его была тогда безмѣрна; онъ бросился на шею ужаснаго Индѣйца, и цѣловалъ скверныя его уста открытыя и пенящїяся съ таковымъ же жаромъ какъ бы онъ могъ цѣловать кораловыя уста одной изъ его женъ.

Сїи восторги не окончались бы, естьлибъ краснорѣчїе Катаратисъ не успокоило оные. Она принудила сына ея возвратиться въ Самаратъ, и онъ приказалъ предшествовать себѣ провозвѣстнику, который кричалъ изъ всѣхъ его силъ: удивительный иностранецъ показался опять, онъ излѣчилъ Калифа, и онъ говорилъ, онъ, онъ говорилъ!

Тотчасъ всѣ жители сего великаго города вышли изъ домовъ ихъ. Большїе и малые бѣжали, чтобъ видѣть Ватека проѣзжающаго и Индѣйца. Они не преставали повторять: онъ излѣчилъ нашего Государя, онъ говорилъ, онъ говорилъ! Сїи слова сдѣлались словами моды, и не были за-

быты въ публичныхъ празднествахъ, которыя даны были тогоже вечера въ знакъ радости; стихотворцы сдѣлали изъ сихъ словъ окончанїе ихъ пѣсенъ, кои они сдѣлали на сей превосходный случай.

Тогда Калифъ приказалъ отворить палаты чувствъ; и какъ онъ былъ болѣе принуждаемъ посѣтить дворецъ вкуса, нежели какїе другїе, онъ приказалъ чтобъ уготовлено было наибогатѣйшее празднество тамъ, къ коему наперстники и всѣ большїе чины были допущены. Индѣецъ помѣщенный подлѣ Калифа, притворялся мыслящимъ, что для заслуженїя толикой чести, что онъ не могъ довольно много ѣсть, пить, и говорить. Яствы сокрывались со стола какъ скоро оныя были поставляемы. Всѣ смотрѣли другъ на друга со удивленїемъ; но Индѣецъ не показывая что онъ сїи примѣчаетъ, пилъ большими стаканами за здоровье каждаго, пѣлъ во всю голову, разказывалъ сказки, коимъ онъ смѣялся во все горло, и дѣлалъ стихи не думавъ, кои бы конечно похвалили, естьлибъ онъ не выражалъ ихъ съ ужа-

сным коверканьем, онъ не преставалъ болтать столько, сколько бы могли дватцать Астрологовъ, ѣсть болѣе нежели сто носильщиковъ, и пить по мѣрѣ онаго.

Не взирая, что столъ накрывали тритцать два раза, Калифъ претерпѣлъ отъ прожорства его сосѣда. Присутствїе его становилось ему несноснымъ, и онъ могъ едва скрывать его досаду и его безпокойство; наконецъ онъ нашелъ минуту сказать на ухо начальнику его евнуховъ: ты видишъ, Бабалукъ, какъ сей человѣкъ дѣлаетъ все въ великомъ; чтожъ бы было, ежелибъ онъ могъ достичь до моихъ женъ! поди, удвой осторожность, и болѣе всего береги моихъ Черкашенокъ, кои ему понравятся болѣе нежели всѣ другїя.

Утренняя птица три раза возобновляла ея пѣнїе, когда ударилъ часъ Дивана: Ватекъ обѣщалъ присутствовать тамъ собственною его особою. Онъ всталъ изъ за стола, и оперся объ руку его Визиря, болѣе оглушенный крикомъ шумнаго его гостя нежели отъ вина, которое онъ пилъ; сей бѣдный Государь едва могъ держаться.

Визири, чины короны, законники стали всѣ во кругъ ихъ Самодержца полукружїемъ, и въ почтительномъ молчанїи; между тѣмъ какъ Индѣецъ, съ таковымъ же хладнокровїемъ какъ бы онъ былъ на тощакъ, помѣстился безъ чиновъ на одной ступенѣ трона, и смѣялся подъ носъ негодованїю, которое его смѣлость приключала всѣмъ находившимся тутъ зрителямъ.

Однако Калифъ, коего голова была замѣшена дѣлалъ правосудїе криво и ложно. Перьвый его Визирь увидѣлъ оное, и вздумалъ о средствѣ прервать присутствїе и спасти честь его Государя. Онъ сказалъ ему весьма тихо: Государь, Принцесса Катаратисъ препроводила всее ночь въ разсматриванїи планетъ; и приказала вамъ сказать, что вы угрожаемы скорою опасностїю. Остерегитесь, чтобъ сей иностранецъ, коему вы платите за нѣкоторыя волшебныя вещи таковымъ вниманїемъ, не покусился на вашу жизнь. Лѣкарство его казалось васъ излѣчившимъ; сїе не иначе можетъ быть какъ ядъ, ко-

его дѣйствіе будетъ скоро. Не отвергайте сего подозрѣнія; спросите его по крайней мѣрѣ какъ оно составлено, гдѣ онъ его взялъ и поговорите о сабляхъ, про которыя мнѣ кажется вы забыли.

Утружденный трубостями Индѣйца, Ватекъ отвѣчалъ его Визирю, качнувъ головою и обратясь къ сему чудовищу: встань, сказалъ онъ ему, и обьяви въ полномъ Диванѣ, изъ какихъ лѣкарствъ составлена жидкость, которую ты далъ мнѣ принять, и развяжи болѣе всего загадку твоихъ сабель, кои ты мнѣ продалъ: и возблагодари симъ за милости, которыми я тебя осыпалъ.

Калифъ замолчалъ послѣ сихъ словъ, кои онъ произнесъ голосомъ столько воздержнымъ, сколько ему было возможно. Но Индѣецъ не отвѣчая ни оставляя его мѣста, возобновилъ громкій его смѣхъ, и его ужасныя коверканья. Тогда Ватекъ не могъ воздержаться; однимъ ударомъ ноги, бросилъ его съ возвышенія, послѣдовалъ за нимъ, и поражалъ со скоростію, которая возбудила весь Диванъ подражать

ему. У всѣхъ ноги подымались; и не давали ему одного толчка, не чувствуя себя принужденными удвоить оные.

Индѣецъ игралъ хорошо, какъ онъ былъ малъ и толстъ, онъ свернулся клубомъ, и катался подъ ударами его нападчиковъ, кои преслѣдовали его съ неслыханнымъ остервенѣнїемъ. Катясь наконецъ изъ покоя въ покой, изъ комнаты въ комнату, клубъ притягалъ за нимъ всѣхъ кому онъ встрѣчался. Палаты въ замѣшательствѣ наполнялись наиужаснымъ шумомъ. Испуганныя Султанши глядѣли сквозь ихъ рѣшетки; и какъ скоро клубъ показался, онѣ не могли удержаться. Тщетно, чтобъ ихъ удержать, евнухи щипали ихъ до крови, онѣ вырвались изъ ихъ рукъ. И сїи вѣрные стражи, почти умирающїе со страха, не могли воздержать себя, чтобъ не слѣдовать дорогѣ злосчастнаго клуба.

Пробѣжавъ такимъ образомъ залы, комнаты, кухни, сады и конюшни придворныя, Индѣецъ принялъ наконецъ дорогу на дворы. Калифъ болѣе остервенѣнный, нежели другїе, слѣдовалъ за нимъ близко,

и давалъ ему столько толчковъ, сколько онъ могъ. Ревность его была причиною, что онъ самъ получилъ нѣсколько ударовъ обращенныхъ на клубъ.

Катаратисъ, Мораканабадъ, и два или три другїе Визиря, коихъ мудрость до сего возпротивилась привлеченїю клуба, желая воспрепятствовать Калифу давать себя позорищемъ, бросились къ его ногамъ, чтобъ его остановить; но онъ перепрыгнулъ чрезъ ихъ головы, и продолжалъ его бѣгъ. Тогда они приказали Муезинамъ сзывать народъ на молитву. Сколько для отнятїя дороги, какъ для обязанїя отвратить ихъ молитвами таковое бѣдствїе; все было безполезно. Долженствовало только было видѣть сей адскїй клубъ, чтобъ быть привлеченнымъ къ нему. Муезины сами, хотя они не видали его, какъ издалека, сошли съ ихъ Минаретъ, и присоединились къ толпѣ. Оная умножилась до такого степени, что скоро не осталось въ домахъ Самарата какъ разслабленные, безногїе, умирающїе и грудные дѣти, отъ коихъ кормилицы освобо-

дились, чтобъ бѣжать скоряе; даже Катарашисъ, Мораканабадъ и другіе, наконецъ сему послѣдовали. Крикъ женщинъ вырвавшихся изъ ихъ гаремовъ; Евнуховъ усиливающихся не потерять ихъ изъ вида; клятвы мужей, кои бѣжавъ грозили одинъ другому; толчки ногами данные и возвращенные; паденіи при каждомъ шагѣ, все наконецъ дѣлало Самаратъ подобнымъ городу взятому осадою, и преданному на грабительство. Напослѣдокъ, проклятый Индѣецъ, подъ симъ видомъ клуба, прокатясь улицами, публичными мѣстами, оставилъ городъ пустымъ, принявъ дорогу на долину Катулъ, и покатился скатомъ у подошвы горъ четырехъ источниковъ.

Одна сторона сего ската была ограничена довольнымъ возвышеніемъ; а съ другой была ужаснѣйшая пропасть произведенная паденіемъ водъ. Калифъ, и множество, которое ему послѣдовало, страшились, чтобъ клубъ не повергся туда, и удвоили усиліи достигнуть его, но сіе было тщетно; оный скатился въ пропасть, и сокрылся какъ молнія.

Ватекъ конечно бы повергся туда за злодѣйственнымъ Гіауромъ, естьлибъ онъ не былъ удержанъ какъ невидимою рукою. Толпа остановилась такъ же; все сдѣлалось спокойно. Взирали на себя со удивленнымъ видомъ; и не взирая смѣшной странности сего произшествія ни кто не смѣялся. Каждый, потупя глаза, съ видомъ смущеннымъ и молчаливымъ, принялъ дорогу къ Самарашу, и спряшался въ его домѣ, не думая, что непреоборимая сила одна могла привлечь къ безумію, коимъ себя укоряли; потому, что справедливо, чтобъ люди, кои славятся благомъ, коего они только орудіи, приписывали себѣ такъ же глупости, которыхъ они не могли избѣжать.

Калифъ одинъ не хотѣлъ оставить долины, онъ повелѣлъ, чтобъ тамъ были разбиты палатки; и не взирая на представленіи Катаратисы и Мораканабада, онъ занялъ его мѣсто на краю пропасти. Сколько ему ни представляли, что въ семъ мѣстѣ земля можетъ осыпаться, и что въ прочемъ онъ былъ весьма близко ча-

родѣя; ихъ представленіи были безполезны. Приказавъ засвѣтить тысячу пламенниковъ, и повелѣвъ чтобъ не преставали возжигать оные, онъ расположился на грязныхъ окраинахъ пропасти, и старался съ помощію сего свѣта, видѣть сквозь темноту, коей всѣ огни его Имперіи не могли бы проникнуть. То онъ думалъ слышать голоса, которые произходили изъ глубины пропасти, то воображалъ разбирать между оными произношеніе Индѣйца; но сіе былъ только ревъ водъ, и шумъ водопадовъ, кои низвергались съ горы въ великомъ количествѣ.

Ватекъ препроводилъ ночь въ семъ насильственномъ положеніи. Какъ скоро стало разсвѣтать, онъ удалился въ его ставку, и тамъ не ѣвъ ничего, заснулъ, и не проснулся прежде, какъ уже темнота покрыла Атмосферу. Тогда онъ занялъ мѣсто, которое онъ имѣлъ на канунѣ, и не оставлялъ его множество ночей. Его видѣли ходящаго большими шагами и взирающаго на звѣзды съ видомъ бѣшенства, такъ какъ бы онъ укорялъ ихъ, что они его обманули.

Вдругъ съ долины даже за Самаратъ, лазуревый цвѣтъ небесъ перемѣшался съ долгими кровавыми полосами; сіе ужасное явленіе казалось касающимся къ большой башнѣ. Калифъ хотѣлъ на оную взойтить; но силы его оставили: и пронзенный страхомъ, онъ покрылъ себѣ голову полою его одежды.

Всѣ сіи ужасающія чудеса возбуждали только его любопытство. И такъ вмѣсто чтобъ войтить въ самого себя, онъ упорствовалъ въ намѣреніи остаться тамъ, гдѣ Индѣецъ сокрылся.

Въ одну ночь когда онъ дѣлалъ уединенное его прогуливаніе въ долинѣ, луна и звѣзды помрачились скоропостижно; густая темнота послѣдовала свѣту, и онъ услышалъ выходящій изъ земли, которая дрожала, голосъ Гіауровъ, кричащій съ шумомъ болѣе сильнымъ нежели громъ: ,,хочешъ ли ты предаться мнѣ, обожать силы земныя, и отречся отъ Магомеда? на сихъ условіяхъ, я отверзу тебѣ палаты подземнаго огня, гдѣ подъ безсмертными сводами, ты увидишъ сокровищи,

которыя звѣзды тебѣ обѣщали; сïе оттолѣ я получилъ мои сабли; сïе тамъ, гдѣ Сулейманъ, сынъ Даудовъ, успокоевается окруженный Талисманами, которые покоряютъ свѣтъ.

Удивленный Калифъ отвѣчалъ дрожа, но однако голосомъ человѣка, коего не устрашаютъ чрезъестественныя приключенïи: гдѣ ты? покажись глазамъ моимъ! разсыпь сïю темноту, которою я утружденъ! сожегши толико пламенниковъ чтобъ открыть тебя, по крайней мѣрѣ, хотя покажи мнѣ ужасное лице твое. Отрекись же отъ Магомеда, перехватилъ Индѣецъ; подай мнѣ опыты твоей искренности, или никогда ты меня не увидишь.

Несчастный Калифъ обѣщалъ все, тотчасъ небо просвѣтилось, и при блескѣ планетъ, которыя казались возпламенными, Ватекъ увидѣлъ землю отверзшуюся, въ глубинѣ коей казалась превеликая изъ гебенова дерева дверь. Индѣецъ лежалъ протянувшись предъ оной, держалъ въ рукѣ его золотый ключь и стучалъ онымъ въ замокъ.

Ахъ! вскричалъ Ватекъ, какъ я могу сойтить къ тебѣ не сломя шеи? приди за мной, и отпирай твою дверь наискоряе. Потише, отвѣчалъ Индѣецъ: знай, что я имѣю великую жажду, и что я не могу отворить прежде, доколѣ она не будетъ утолена. Мнѣ должно крови пятидесять дѣтей (11). Возми оную между твоихъ Визирей, и великихъ твоего двора..... ни моя жажда ни твое любопытство не будутъ удовольствованы, возвратись же въ Самаратъ; принеси мнѣ что я желаю; бросай оныхъ самъ въ сїю пропасть, тогда ты увидишь.

Послѣ сихъ словъ Индѣецъ обратился спиною; и Калифъ, внушаемый злыми духами, вознамѣрился на ужасную жертву. И такъ онъ сдѣлалъ видъ возвратившимъ его спокойствїе, и пошелъ въ Самаратъ при восклицанїи народномъ, который любилъ его еще. Онъ скрылъ столь хорошо невольное смущенїе души его, что Катарапись и Мораканабадъ были онымъ обмануты какъ другїе. Не говорили болѣе какъ о празднествахъ и увеселенїяхъ. Го-

ворили даже о произшествїи съ клубомъ, о коемъ никто еще не осмѣлился открыть рта: вездѣ смѣялись; однако не всѣ имѣли причину смѣяться. Многїе были еще въ рукахъ врачей отъ слѣдствїя ранъ полученныхъ во время сего достопамятнаго произшествїя.

Ватекъ былъ весьма доволенъ, что его приняли за веселаго, потому, что онъ видѣлъ что сїе препроводитъ его къ гнуснѣйшему его предпрїятїю. Онъ имѣлъ видъ ласковый со всѣми, болѣе всего съ его Визирями и великими его двора. На другой день онъ позвалъ ихъ на великолѣпный обѣдъ, мало помалу онъ склонилъ разговоръ на дѣтей ихъ, и спрашивалъ съ видомъ благоволенїя, кто изъ нихъ имѣлъ наилутчихъ мальчиковъ? тотчасъ, каждый отецъ старался поставить его превыше другихъ. Споръ разгорячился; и дошелъ бы до рукъ конечно безъ присутствїя Калифова, который притворился, что онъ желаетъ судить самъ.

Весьма скоро увидѣли пришедшихъ толпою сихъ бѣдныхъ дѣтей. Нѣжность ма-

терняя украсила ихъ всемъ, что могло возвысить ихъ красоту. Но тогда, когда сія блестящая молодость привлекала глаза и сердца, Ватекъ разсматривалъ ихъ съ измѣнническою жадностію, и избралъ пятьдесятъ для пожертвованія Гіауру. Тогда съ видомъ простосердечнымъ, онъ предложилъ малымъ его любимцамъ, дать празднество на лугу. Они должны, сказалъ онъ, веселиться еще болѣе нежели другіе о возвращеніи его здоровья. Милость Калифова восхищаетъ. Оная скоро узнана во всемъ Самаратѣ; тотчасъ приготовлены были носилки, верблюды, лошади; женщины, дѣти, старики, молодые люди, каждый помѣстился по его вкусу. Сія толпа отправилась послѣдуема всѣми конфетчиками города и предмѣстій; народъ слѣдовалъ кучами пѣшкомъ; весь свѣтъ, и никто не помнитъ чего стоило многимъ, послѣдней разъ, когда бѣжали по сей дорогѣ.

Вечеръ былъ прекрасный, воздухъ свѣжій, небо ясное; цвѣты испускали ихъ благовоніи. Естество въ покоѣ казалось увеселяющимся при лучахъ заходящаго

солнца. Ихъ пріятный свѣтъ позлащалъ вершину горы четырехъ источниковъ; украшали сходъ и давали разные цвѣты играющимъ стадамъ. Не слышно было какъ только шумъ водомѣтовъ, звукъ волынокъ, и голосъ пастуховъ, которые перекликались на возвышеніяхъ.

Несчастныя жертвы, кои готовились быть закланными въ минуту, прибавляли еще къ симъ пріятнымъ зрѣлищамъ. Исполненныя невинности и безъопасности, сіи дѣти приближались къ лугу не преставая рѣзвиться; одинъ бѣгалъ за бабачкой, другой срывалъ цвѣты, или сбиралъ многіе малые блестящіе камешки; многіе удалялись легкимъ бѣгомъ, чтобъ имѣть удовольствіе достичь другъ друга, и дать взаимно тысячу поцѣлуевъ.

Уже видна была въ дали ужасная пропасть, во глубинѣ коей были гебеновыя врата, подобная черной полосѣ, она пресѣкала долину на двое. Мораканабадъ и его собратія, приняли оныя за сіи странныя зданіи, коими Калифъ увеселялся дѣлая; сіи несчастные! не знали на что оная

была опредѣлена. Ватекъ, который не хотѣлъ чтобъ разсматривали близко сїе злосчастное мѣсто, остановилъ ходъ, и приказалъ очертить великїй кругъ. Стража Евнуховъ отдѣлилась чтобъ смѣрять пространство опредѣленное для бѣга, и для изготовленїя колецъ, въ кои надлежало попадать стрѣлами. Пятьдесятъ молодыхъ мальчиковъ раздѣлись съ поспѣшностїю; удивляются гибкости и прїятнымъ оборотамъ нѣжныхъ ихъ членовъ. Глаза ихъ блистаютъ съ радости, которая повторяется во очахъ ихъ родителей. Каждый обращаетъ его желанїя на того изъ сихъ малыхъ спорющихся, который его трогаетъ болѣе: все вообще внимательны къ играмъ сихъ существъ любезныхъ и невинныхъ.

Калифъ воспользовался сею минутой, чтобъ удалиться изъ толпы. Онъ приближается къ краю пропасти и слышитъ не безъ содроганїя Индѣйца, который говорилъ скрежеща зубами: гдѣ они? гдѣ они? безжалостный Гїауръ! отвѣчалъ Ватекъ весь въ замѣшательствѣ, нѣтъ ли сред-

ства удовольствовать тебя безъ жертвы, которой ты требуешъ? Ахъ! еслибъ ты видѣлъ красоту сихъ младенцевъ, ихъ пріятности, ихъ искренность, ты бы былъ умягченъ. Язва да будетъ твое умягченіе, болтунъ, вскричалъ Индѣецъ; давай, давай скоряе! или дверь моя будетъ заперта навсегда. Не кричи же столь громко, перебилъ Калифъ краснѣясь, о! для сего я согласенъ, сказалъ Гіауръ, съ усмѣшкою огра; у тебя не недостаетъ присутствія разуму: я буду имѣть еще терпѣніе на минуту; но ты не мѣшкай.

Во время сего ужаснаго разговора, игры были во всей ихъ живости, и окончались наконецъ, когда сумерки покрыли горы. Тогда Калифъ стоя на краю отверстія, кричалъ изъ всѣхъ его силъ: да приближатся ко мнѣ пятдесятъ малыхъ моихъ любимцевъ, и чтобъ они приходили по порядку успѣховъ, кои онѣ имѣли въ играхъ! первому изъ побѣдителей я дамъ алмазное мое запястье, второму изумрудную съ шеи перевязку, третьему мой топазовый поясъ, и каждому изъ другихъ каковую

нибудь вещь изъ моего одѣянія, даже до моихъ туфель.

При сихъ словахъ восклицаніи умножились, превозносили до небесъ милость Государя, который раздѣвался до нага для увеселенія его подданныхъ и ободренія молодости. Однако Калифъ раздѣваясь мало по малу, и возвышая руки столь высоко сколько могъ, показывалъ каждаго цѣну; но тогда, когда одною рукою онъ давалъ младенцу, который спѣшилъ оную получить, другою онъ толкалъ его въ пропасть, гдѣ Гіауръ всегда ворча повторялъ еще! еще!

Сіе ужасное дѣло было такъ скоро, что дитя, который прибѣгалъ не могъ нимало сомнѣваться о жребіи того, который ему предшествовалъ, что же до зрителей, то темнота и разстояніе препятствовало имъ видѣть. Наконецъ, Ватекъ повергнувъ такимъ образомъ пятидесятую жертву, думалъ, что Гіауръ придетъ за нимъ и представитъ ему золотый ключь. Уже онъ воображалъ быть столь же великъ какъ Сулейманъ, и не имѣть давать

ни какого отчота, когда къ великому его удивленію трещина затворилась, и онъ почувствовалъ подъ его ногами землю бстоль же твердую какъ обыкновенно. Бѣшенство его и отчаяніе не могутъ быть изъяснены. Онъ проклиналъ измѣнничество Индѣйцево; называлъ его наигнуснѣйшими имянами, и топалъ ногами, какъ бы для того, чтобъ быть слышану. Онъ бился таковымъ образомъ до изтощенія силъ, упавъ на землю какъ бы онъ потерялъ чувствіи. Его Визири и великіе двора будучи ближе къ нему, думали сперва, что онъ сѣлъ на землю, чтобъ играть съ дѣтьми; но родъ безпокойства ихъ объялъ. Они приближились и увидѣли Калифа одного, который сказалъ имъ съ видомъ заблужденнымъ: чего вы хотите? нашихъ дѣтей! нашихъ дѣтей! вскричали они. Вы весьма смѣшны, отвѣчалъ онъ имъ, хотѣвъ сдѣлать меня отвѣтчикомъ въ несчастіяхъ жизни. Ваши дѣти упали играя въ пропасть, я самъ упалъ бы туда же естлибъ я не отскочилъ назадъ.

При сихъ словахъ отцы пятидесятъ дѣтей вскричали пронзительно, что матери повторили осмигласіемъ выше; между тѣмъ какъ всѣ другіе, не знавъ отъ чего кричали, превозвышали ихъ вытьемъ. Скоро зачали говорить со всѣхъ сторонъ: сіе есть оборотъ, который сыгралъ намъ Калифъ для угожденія проклятому его Гіауру; накажемъ его за его измѣну, отомстимъ за насъ! отомстимъ невинную кровь, повергнемъ сего жестокаго Государя въ пропасть, и да погибнетъ даже его память!

Катарапісъ устрашенная симъ волненіемъ, приближилась къ Мораканабаду. Визирь, сказала она ему, вы потеряли двухъ прекрасныхъ дѣтей, вы должны быть наинеутѣшимѣйшимъ изъ родителей: но вы добродѣтельны, спасите вашего Государя. Такъ, государыня, отвѣчалъ Визирь; я хочу испытать съ потеряніемъ моей жизни извлечь его изъ опасности, въ которой онъ есть; напослѣдокъ я оставлю его злосчастному его жребію. Бабалукъ, продолжала она, станьте при вашихъ евнухахъ;

удалимъ толпу; и возвратимъ естьли возможно сего несчастнаго Государя во дворецъ его. Бабалукъ и его сотоварищи радовались въ первый разъ, что ихъ привели въ несостоянїе быть отцами. Они покорствовали Визирю, и сей вспомоществуя имъ наилутче какъ могъ, достигъ до конца его великодушнаго предпрїятїя, и потомъ удалился плакать на свободѣ.

Какъ скоро Калифъ вошелъ, Катаратисъ приказала запереть ворота дворца. Но видя что бунтъ умножался, и что со всѣхъ сторонъ произносили тысячу клятвъ, она сказала ея сыну: правы ли вы или виноваты, нужды мало; должно спасать жизнь вашу. Удалимся въ ваши комнаты; отколѣ мы пройдемъ подземнымъ ходомъ, который неизвѣстенъ какъ вамъ и мнѣ, и уйдемъ въ башню, гдѣ съ помощїю нѣмыхъ, которые никогда не выходили, мы удержимъ остатокъ. Бабалукъ насъ будетъ еще считать въ палатахъ, и будетъ защищать входъ для собственныхъ его выгодъ; тогда не помышляя о совѣтахъ сето

плаксы Мораканабада, мы увидимъ тамъ что лутче будетъ дѣлать.

Ватекъ не отвѣчалъ ни единаго слова на все то, что ему говорила мать его, и далъ себя вести какъ она хотѣла; но шедчи, онъ повторялъ: гдѣ ты, ужасный Гіауръ, не пожралъ ли ты еще сихъ младенцевъ? гдѣ твои сабли, твой золотый ключь, твои Талисманы? сіи слова подали отгадать Катаратисѣ часть справедливости. Когда сынъ ея былъ нѣсколько успокоенъ въ башнѣ, она не имѣла труда извлечь ея всея изъ него. Весьма удаленная чтобъ имѣть укореніе совѣсти, она была столько зла, сколько женщина быть можетъ, и сіе не мало сказать; потому что сей полъ поставляетъ честію превосходить во всемъ тотъ, который оспориваетъ ему первенство. И такъ повѣствованіе Калифово не произвело въ Катаратисѣ ни удивленія ни ужасу; она была единственно поражена обѣщаніями Гіаура, и сказала ея сыну: должно признаться, что сей Гіауръ есть нѣсколько кровожаждущъ; однако могуществы зем-

ныя должны быть еще ужаснѣе; но обѣщанiи одного и дары другихъ стоятъ весьма труда здѣлать нѣкоторыя малыя усилiи; никаковое преступленiе не должно ничего стоить, когда таковыя сокровищи онымъ наградою. Престаньте же жаловаться на Индѣйца; мнѣ кажется что вы не исполнили всѣхъ условiй, которыя онъ полагаетъ его услугамъ. Я не сомнѣваюсь, чтобъ не должно было сдѣлать жертвы подземнымъ духамъ, и сiе, о чемъ намъ помышлять надлежитъ; когда возмущенiе будетъ утишено я хочу возставить спокойствiе, и не устрашусь изтощить ваши сокровищи, потому что мы будемъ весьма имѣть другiя. Сiя Государыня, которая обладала удивительно искуствомъ увѣренiя, прошла опять сквозь подземный ходъ, и пришедъ во дворецъ, показалась народу въ окно. Она говорила къ нему рѣчь, между тѣмъ какъ Бабалукъ бросалъ золото полными руками. Сiи два средства успѣли; волненiе было усмирено: каждый возвратился къ себѣ, а Катараписъ пошла въ башню.

Уже возвѣщали первую молитву дня (12), когда Катаратисъ и Ватекъ перешли безчисленныя ступени, которыя препровождали на верхъ башни, и хотя утро было печально и дождливо, они остались тамъ нѣсколько времяни. Сей темный свѣтъ нравился ихъ злобнымъ сердцамъ. Когда онѣ увидѣли, что солнце готовилось проницать облака, онѣ приказали разбить палатку чтобъ имѣть убѣжище отъ лучей его. Калифъ, изнеможенный отъ усталости, не помышлялъ какъ о успокоенiи, и въ надеждѣ имѣть видѣнiи означительныя, вдался сну. Съ ея стороны бодрствующая Катаратисъ, послѣдуемая частiю ея нѣмыхъ, сошла для приуготвленiя жертвы, которая долженствовала быть въ будущую ночь.

Чрезъ малыя ступени сдѣланныя въ толстотѣ стѣны, и которыя не были знаемы какъ ею и ея сыномъ, она сошла тотчасъ въ таинственные кладези, которые скрывали мумiи древнихъ Фараоновъ, исторгнутые изъ ихъ могилъ; она приказала взять довольное число оныхъ. Оттолѣ она

пошла въ одну галлерею, гдѣ подъ стражею пятидесятъ Африканокъ нѣмыхъ и кривыхъ правымъ глазомъ, сохранялись масло наиядовитѣйшихъ змѣй, единороговые рога (13), и дерево запаха удушающаго, рубленное волшебниками во внутренности Индїи; не говоря о другихъ ужаснѣйшихъ рѣдкостяхъ: Катарашисъ сама сдѣлала сїе собранїе; въ надеждѣ имѣть нѣкогда нѣкоторое сообщенїе съ адскими могуществами, коихъ она любила страстно, и которыхъ она знала вкусъ. Для привычки къ ужасамъ, о коихъ она помышляла, она осталась нѣсколько времени съ Арабками, которыя косились прелестнымъ образомъ однимъ глазомъ, которой онѣ имѣли, и взглядывали умилительно на мертвыя головы и остовы: по мѣрѣ какъ ихъ вынимали изъ поставцевъ, онѣ дѣлали коверканьи устрашительныя; и удивляясь Государынѣ, онѣ визжали до оглушенїя ея. Наконецъ задыхаясь отъ мерзскаго запаха, Катарашисъ принуждена была оставишь галлерею, опустоша ее частїю отъ ея чудовищныхъ сокровищъ.

Уже горящія капли пламянниковъ возжигали волшебное дерево, ядовитое масло производило тысячи огней синеватыхъ, мумїи изчезали и бросали тучи дыма чернаго и непрозрачнаго; наконецъ пламя коснулось рогамъ единороговымъ, разпростерло запахъ столь заразительной, что Калифъ проснулся вскоча, и обѣжалъ заблуждающимися глазами пламянное явленїе. Возженное масло текло большими ручьями и Африканки не преставали онаго приносить, присоединяя ихъ вытье къ крикамъ Катаратисъ. Пламя сдѣлалось столь жестоко, и гладкость стали повторяла ихъ съ такою живостїю, что Калифъ невозмогая болѣ переносить ни жара ни блеска, удалился подъ Императорскїй штандартъ.

Пораженные свѣтомъ, который освѣщалъ весь городъ, жители Самарата встали съ поспѣшностїю, взошли на ихъ крышки, увидѣли башню въ огнѣ, и собрались половина нагїе на площадь. Любовь ихъ къ Государю возбудилась еще въ сїю минуту, и думая что онъ сгоритъ въ его башнѣ,

не помышляли болѣе какъ о спасенiи его. Мораканабадъ вышелъ изъ его убѣжища отирая его слезы; крича пожаръ, какъ другiе. Бабалукъ, коего носъ болѣе привыкъ къ волшебнымъ запахамъ, не сомнѣвался что Катарашисъ работала въ ея дѣйствiяхъ, и совѣтовалъ всѣмъ быть покойными. Его называли старымъ трусомъ, и недостойнымъ измѣнникомъ, привели верблюдовъ и дромадеровъ обремененныхъ вьюками воды; но какъ войтить въ башню.

Въ то время какъ упорствовали разломать ворота, жесточайшей вѣтеръasсталъ отъ Сѣверо-запада и разпростеръ пламя въ даль, сперва народъ отступилъ, наконецъ онъ удвоилъ ревность. Адской смрадъ роговъ и мумiи распространился со всѣхъ сторонъ, и многiе люди были удушены, упавъ на взничь. Тѣ, которые пребыли на ногахъ, говорили ихъ сосѣдямъ: удалитесь, вы заразитесь ядомъ. Мораканабадъ, болѣе больный, былъ въ жалостномъ состоянiи; вездѣ затыкали носы: но ничто не останoвляло тѣхъ, которые отбивали двери. Сто сорокъ наисильнѣйшихъ и на-

крѣшительнѣйшихъ успѣли наконецъ. Они пошли по лѣстницѣ, и сдѣлали довольно дороги въ четверть часа.

Катарамисъ, которую знаки ея нѣмыхъ и ея Арабокъ возмущали, пошла къ лѣстницѣ, сошла нѣсколько ступеней, и услышала многїе голоса, которые кричали: вотъ вода! какъ она была не непроворна по ея лѣтамъ, она возвратилась тотъ часъ на площадку, и сказала ея сыну: на одну минуту остановите жертво-приношенїе; мы будемъ имѣть чемъ сдѣлать его прекраснѣе. Нѣкоторые скоты воображая, конечно что пожаръ былъ на башнѣ, имѣли дерзость разбить двери, доселѣ ненарушимыя, и пришли съ водою. Должно признаться, что они весьма добры, забывъ всѣ ваши обиды; но что нужды, оставимъ ихъ всходить, мы пожертвуемъ оными Гїауру; у нашикъ нѣмыхъ не недостаетъ ни опытовъ ни силы: они отправятъ скоро людей утружденныхъ. Хорошо, сказалъ Калифъ, только чтобъ скоряй окончали, и чтобъ я обѣдалъ.

Сіи несчастные не замѣшкались показаться. Задыхающіяся перешедъ такъ скоро одиннатцать тысячь ступеней, во отчаяніи, что ихъ ведра почти были пусты, они едва пришли, какъ блескъ пламяни и дымъ смрадный мумiи, помрачилъ вдругъ всѣ ихъ чувства. Сіе было сожалительно, потому, что они не видали пріятныхъ усмѣшекъ, съ коими Африканки и нѣмые надѣвали имъ петли на шеи; но не все было потеряно, потому, что сіи любезныя особы не менѣе радовались таковому явленію. Никогда не удавляли съ подобною легкостію; каждый упадалъ безъ сопротивленія и издыхалъ не произнося крика; такъ, что Ватекъ нашелся скоро окруженный тѣлами его наивѣрнѣйшихъ служителей, коихъ бросили на костеръ. Катаратисъ, которая помышляла обо всемъ, думала, что сего было довольно; она приказала закинуть цѣпи и запереть стальныя вороты, кои были на проходѣ.

Едва исполнили ея повелѣніе, какъ башня задрожала; трупы сокрылись, и пламя

изъ темно-краснаго, претворилось въ прекрасный розовый цвѣтъ. Пріятнѣйшій запахъ распростерся; мраморные столбы испустили согласнѣйшіе звуки, и рога превращенные въ жидкости произвели благовоніе восхитительное. Катаратисъ, въ восторгѣ, наслаждалась напередъ успѣхами ея заклинаній; между тѣмъ какъ нѣмые и Арабки, коимъ хорошій запахъ производилъ колотье удалились въ ихъ западни, ворча.

Какъ скоро они ушли, явленіе перемѣнилось. Костеръ, рога и муміи, уступили мѣсто столу великолѣпно пріуготовленному. Тамъ видно было по срединѣ тьмы вкуснѣйшихъ яствъ, стклянццы винъ, и сосуды изъ Фагфури, гдѣ наипревосходный сорбетъ устаевался на снѣгу (14). Калифъ напалъ на все сіе какъ коршунъ, и пожиралъ барашка начиненнаго писташами; но Катаратисъ, занятая со всемъ другимъ попеченіемъ, вынимала изъ одной урны плетеной изъ серебряной проволоки (15) паргаментъ свернутый, коего не видно было конца, и котораго сынъ ея даже не примѣтилъ. Окончевай же, про-

жора, сказала она ему голосомъ налагающимъ почтенiе, и внимай великолѣпнымъ обѣщанiямъ, которыя тебѣ сдѣланы; тогда она читала въ слухъ слѣдующее. ,,Ватекъ, ,,мой возлюбленный, ты превзошелъ мои ,,надежды; ноздри мои обоняли запахъ твоихъ мумiй, твоихъ превосходныхъ роговъ, ,,и болѣе всего сей крови Музульмановъ, ,,которую ты пролилъ на костеръ. Когда ,,луна будетъ въ полнотѣ ея, выйдь изъ ,,палатъ твоихъ, окруженный всѣми знаками твоего могущества; чтобъ толпы ,,твоихъ музыкантовъ, тебѣ предшествовали при звукѣ роговъ и шумѣ кимваловъ. ,,Повели послѣдовать тебѣ избраннымъ ,,твоимъ невольникамъ, твоими женами ,,наилюбимѣйшими, тысячью верблюдовъ ,,наибогатѣйше навьюченныхъ, и слѣдуй ,,по пути къ Истакгару (16). Сiе тамъ ,,я ожидаю тебя; тамъ увѣнчанный Дiадимою Джiанъ Бенъ Джiана (17), и плавая ,,во всѣхъ родахъ прелестей, Талисманы ,,Сулеймановы (18), сокровищи Султановъ ,,предшественниковъ Адамовыхъ (19) будутъ тебѣ отданы; но несчастiе тебѣ

,,естьли ты на пути примешЪ каковое ,,убѣжище.,,

КалифЪ не взирая на обыкновенную его роскошь, никогда такЪ хороше не обѣдывалЪ. ОнЪ вдался вЪ радость, которую ему производили столь пріятныя извѣстіи, и пилЪ сЪ нова. КатаратисЪ не ненавидѣла вина, и отвѣчала на всѣ возліяніи, кои онЪ выпивалЪ сЪ насмѣшкою за здоровье (20) Магомеда. Сія измѣнническая жидкость окончала исполнить его довѣренностію безбожною. Они богохульствовали понося осла Валаамова, пса семи спящихЪ, и другихЪ звѣрей, которые вЪ раю Святаго пророка (21), оные были причиною ихЪ соблазнительныхЪ шутокЪ. ВЪ семЪ прекрасномЪ состояніи, они сошли одиннатцать тысячь ступеней, смѣясь безпокойнымЪ лицамЪ, кои они видѣли на площади, сквозь отверстіи башни, дошли наконецЪ до подземнаго хода и прибыли вЪ ихЪ царскіе чертоги. БабалукЪ прохаживался тамЪ спокойнымЪ видомЪ раздавая повелѣніи евнухамЪ, кои счикали сЪ свѣчь и расписывали прекрасные глаза Чер-

кашенокъ (22). Онъ едва только увидѣлъ Калифа: ахъ! я весьма вижу, что вы не сгорѣли; я сомнѣвался о семъ. Что намъ нужды что ты думалъ, вскричала Каратисъ! поди, бѣги скажи Мораканабаду, что мы хотимъ съ нимъ говорить, и болѣе всего не останавляйся для дѣланія глупыхъ твоихъ размышленій.

Великій Визирь пришелъ не мѣшкавъ: Ватекъ и его мать приняли его съ великою важностію, сказавъ ему голосомъ жалующимся, что пожаръ на верху башни былъ утушенъ: но что по несчастію оный стоилъ жизни отважнымъ людямъ, кои пришли къ нимъ на помощь.

Еще несчастія! вскричалъ Мораканабадъ стеная; ахъ повелитель правовѣрныхъ; нашъ святый пророкъ конечно раздраженъ противу насъ; сіе вамъ умилостивлять его. Мы умилостивимъ его наконецъ, отвѣчалъ Калифъ, съ усмѣшкою, которая не предвѣщала ничего хорошаго. Вы довольно будете имѣть свободы упражняться въ вашихъ молитвахъ; сія страна раззоряетъ мое здоровье, я хочу перемѣнить

воздухъ; гора четырехъ источниковъ мнѣ наскучила, должно чтобъ я пилъ изъ источника Рокнабадскаго (23), и прохладился въ прекрасныхъ долинахъ, которыя онъ орошаетъ. Въ мое отсудствїе вы будете управлять моимъ Государствомъ, по совѣтамъ моей матери (24), и будете стараться доставлять ей все чего она будетъ желать для ея опытовъ; потому, что вы извѣстны, что башня наша наполнена наинеоцѣненными вещами для наукъ.

Башня была весьма не по вкусу Мораканабада, строенїе ее изтощило безмѣрныя сокровищи, и онъ невидалъ тамъ какъ Африканокъ, нѣмыхъ и мерзкихъ смѣсей; онъ не зналъ болѣе что мыслить о Катарафисѣ, которая принимала всѣ цвѣты какъ Хамелеонъ. Проклятое ея краснорѣчїе приводило часто бѣднаго Музульманина до конца; но ежели она не стоила много, то сынъ ея былъ еще хуже, и онъ радовался избавляяся его. И такъ онъ пошелъ успокоить народъ и приуготовить все къ путешествїю его Государя.

Ватекъ, въ надеждѣ болѣе угодить духамъ подземныхъ полатъ, желалъ чтобъ путешествїе его было неслыханнаго великолѣпїя. Для сего онъ захватывалъ на право и на лѣво имѣнїи его подданныхъ, между тѣмъ какъ достойная его мать посѣщала Гаремы, и ограбляла у нихъ драгоцѣнные каменья. Всѣ швеи, золотошвеи Самаратскїя и другихъ большихъ городовъ, работали безъ отдыха, надъ палатками, софами, канапе и носилками, которыя должны были украшать выѣздъ Монарха. Похищены были всѣ прекрасныя полотна Мазулипатанскїя, и употребили столько кисеи для украшенїя Бабалука и другихъ черныхъ невольниковъ, что не осталось ни одного аршина во всемъ Иракѣ Вавилонскомъ.

Во время, когда дѣлались сїи приуготовленїи, Катаратисъ давала малые ужины, чтобъ сдѣлаться прїятною могуществамъ тьмы. Женщины наиславнѣйшїя ихъ красотою были созываемы. Она выискивала болѣе всего наибѣлѣйшихъ и наинѣжнѣйшихъ. Ничего не было щеголеватѣе

какъ сіи ужины; но когда веселость дѣлалась общественною, евнухи ея подпускали подъ столъ ужей, и опрастывали горшки наполненные Скорпіоновъ (25); не сомнѣваются конечно, что все сіе кусало хорошо удивительно. Катаратисъ притворялась невидящею сего. Когда она видала что гостьи готовились умирать, она забавлялась перевязывая нѣкоторыя раны съ превосходнымъ Теріакомъ ея составленія; потому что сія добрая Принцесса имѣла въ ужасѣ праздность.

Ватекъ не былъ столько трудолюбивъ какъ его мать. Онъ препровождалъ его время наслаждаясь чувствами въ палатахъ, коимъ онѣ были посвящены. Его не видно было болѣе ни въ Диванѣ не въ мечетѣ; и въ то время какъ половина Самарата слѣдовала его примѣру, другая стѣнала горестно отъ успѣховъ поврежденія.

Между симъ пріѣхало посольство изъ Мекки, которое послано было туда во время болѣе набожное. Оно было составлено изъ двухъ наипочтеннѣйшихъ Муллагъ (26). Возложенное на нихъ было со-

вершенно исполнено, и они привезли одинЪ изЪ сихЪ неоцѣненнѣйшихЪ вениковЪ, который подмѣталЪ священную Кагабу (27): сїе былЪ дарЪ дѣйствительно достойный наивеличайшаго Государя вЪ свѣтѣ.

КалифЪ тогда случился вЪ мѣстѣ весьма мало пристойномЪ для принятїя посланниковЪ. ОнЪ услышалЪ голосЪ БабалуковЪ, который кричалЪ за дверью; вотЪ здѣсь превосходный ЕдрисЪ Аль Шафей, священный МугатшединЪ, кои привезли веникЪ изЪ Мекки, и которые сЪ радостными слезами и сЪ горячностїю желаютЪ представить оной Вашему Величеству. Пусть подадутЪ сей веникЪ сюда, сказалЪ ВатекЪ; онЪ можетЪ быть на что нибудь полезенЪ. КакЪ? отвѣчалЪ БабалукЪ весь внѣ себя (28). Покорствуй, перехватилЪ КалифЪ, потому, что сїе есть мое произволенїе высочайшее; здѣсь а ни вЪ какомЪ другомЪ мѣстѣ я хочу принять сихЪ добрыхЪ людей, кои тебя приводятЪ вЪ востоРгЪ.

ЕвнухЪ пошелЪ ропща, и сказалЪ святѣйшему посольству, чтобЪ слѣдовали

за нимъ. Святая радость распространилась между сими почтеннѣйшими старцами, и хотя утружденные долгимъ ихъ путешествïемъ, они послѣдовали Бабалуку съ проворствомъ, которое походило на чудо. Они прошли рядъ свѣтлѣйшихъ чертоговъ, и находили весьма лестнымъ, что Калифъ не принялъ ихъ, какъ людей обыкновенныхъ, въ прïемной залѣ. Скоро они достигли до внутренностей Сераля, гдѣ сквозь богатыя шелковыя завѣсы, они думали видѣть большïе голубые и черные глаза, кои ходили и проходили какъ молнïя. Пронзенные почтенïемъ и удивленïемъ, и исполненные ихъ небеснаго посланïя, они приближались съ почтенïемъ къ малымъ проходамъ, которые казались оканчевались ни на чемъ, и препроводили ихъ въ малый кабинетъ, гдѣ безбожный Калифъ ихъ ожидалъ.

Повелитель правовѣрныхъ не боленъ ли, говорилъ весьма тихо Едрисъ Аль Шафей его сотоварищу? онъ конечно въ его молитвенномъ покоѣ, отвѣчалъ Аль Мугаэединъ. Ватекъ, который слышалъ сей

разговорЪ, кричалЪ имЪ: что вамЪ нужды гдѣ я? ступайте впередЪ. Тогда онЪ протянулЪ руку изЪ подЪ завѣсы, и требовалЪ священнаго веника. Каждый простерся сЪ почтенїемЪ столько, сколько мѣсто позволяло, и даже довольно вЪ хорошемЪ полукружїи. Почтеннѣйшїй ЕдрисЪ Аль Шафей вынулЪ веникЪ изЪ шитой золотомЪ кисеи, и окуренной благовонїями, которая возпрещала видЪ онаго народу, отдѣлился отЪ его собратїи, и приближился сЪ пышностїю кЪ мнимой молитвенной комнатѣ. КакимЪ удивленїемЪ, какимЪ ужасомЪ не пораженЪ онЪ былЪ! ВатекЪ, сЪ язвительною усмѣшкою, отнялЪ у него веникЪ, который онЪ держалЪ дрожащею рукою, и устремя взорЪ на расписанныя лазурью перегородки, гдѣ висѣли нѣсколько паутинЪ, онЪ обмѣлЪ ихЪ и не оставилЪ ни одной.

Старики окаменѣвшїе отЪ ужаса не смѣли приподнять ихЪ бородЪ отЪ земли. Они видѣли все, потому что ВатекЪ не радиво отдернулЪ завѣсу, которая его отдѣляла отЪ нихЪ. Слезы ихЪ омывали мра-

моръ. Аль Мугатединъ упалъ въ обморокъ съ досады и утружденія. Между тѣмъ какъ Калифъ опрокинувшись на спину, смѣялся и хлопалъ руками безъ милосердія. Мой дражайшій чернякъ, сказалъ онъ наконецъ Бабалуку, поди попотчивай сихъ добрыхъ людей, Ширазскимъ моимъ виномъ (29), потому что они могутъ хвалиться знать мои палаты лучше, нежели кто нибудь, имъ не можно довольно сдѣлать чести. Сказавъ сіи слова, онъ бросилъ имъ веникъ въ носъ, и пошелъ смѣяться съ Катаратисъ. Бабалукъ употреблялъ всю его возможность ко утѣшенію стариковъ, но двое изъ слабѣйшихъ умерли на мѣстѣ; другіе же не желая видѣть свѣта, приказали отнести себя въ ихъ постели, отколѣ они не вышли болѣе никогда.

Въ слѣдующую ночь, Ватекъ и его мать взошли на высоту башни, совѣтовать съ свѣтилами о его путешествіи. Созвѣздіи были въ наиблагополучнѣйшемъ видѣ, Калифъ хотѣлъ наслаждаться столь лестнымъ зрѣлищемъ. Онъ ужиналъ съ весело-

стїю на площадкѣ, еще почерненной отъ ужаснаго жертвоприношенїя. Во время ужина слышны были громкїе смѣхи, кои раздавались въ Атмосферѣ, и онъ заключилъ изъ сего наиблагосклоннѣйшее предвозвѣщанїе.

Все было въ движенїи въ палатахъ. Свѣтъ не угасалъ во всю ночь; стукъ наковальней и молотовъ, голоса женщинъ и ихъ стражей, которые пѣли вышивая; все сїе прерывало молчанїе натуры, и нравилось безконечно Ватеку, который думалъ уже восходить въ торжествѣ на тронъ Сулеймановъ.

Народъ не менѣе его былъ доволенъ какъ и онъ. Каждый брался за дѣло, чтобъ поспѣшить минутою, которая долженствовала его освободить отъ тиранства Государя столь страннаго.

День, который предшествовалъ отъѣзду сего безумнаго Государя, Катаратисъ почитала должностїю возобновить ему ея совѣты. Она не преставала повторять опредѣленїи тайнаго Паргамента, который она вытвердила наизусть, и пору-

чала не входить къ кому бы то было во время путешествія. Я знаю весьма, говорила она ему, что ты лакомъ до хорошихъ блюдъ и молодыхъ дѣвицъ, но довольствуйся твоими старыми поварами, которые есть наилутчіе въ свѣтѣ, и помни то, что въ твоемъ походномъ сералѣ, есть покрайней мѣрѣ три дюжины хорошихъ лицъ, коимъ Бабалукъ не подымалъ еще покрова. Естлибъ мое присутствіе не было нужно здѣсь, я смотрѣла бы сама за твоимъ поступкомъ. Я буду имѣть великое жаланіе видѣть сіи подземныя палаты, наполненныя предметами важными для людей нашего рода; нѣтъ ничего чтобъ я столько любила какъ пещеры; вкусъ къ трупамъ и муміямъ рѣшенный, и я бьюсь объ закладъ, что ты найдешъ тончайшую силу оныхъ тамъ. Не забудь же меня, и какъ скоро ты будешъ обладать талисманами, которые должны тебѣ дать царство совершенныхъ металловъ, и открыть центръ земли, не преминуй послать сюда какого-нибудь довѣреннаго духа, чтобъ взять меня съ моимъ кабинетомъ. Масло

сихъ змѣй, которыхъ я защипала до смерти, будетъ весьма прекраснымъ даромъ для нашего Гіаура, который долженъ любить сего рода лакомства.

Когда Катаратисъ окончала сей прекрасной разговоръ, солнце закрылось за горою четырехъ источниковъ, и уступило мѣсто лунѣ. Сіе свѣтило было тогда въ его полнотѣ, казалось красоты и окружности чрезвычайной въ глазахъ женъ, евнуховъ и пажей, которые горѣли желаніемъ путешествовать. Городъ раздавался отъ радостнаго крику и звука роговъ. Повсюду видимы были развѣвающіеся перья на всѣхъ паланкинахъ, и блестящіе каменья при пріятной ясности луны. Большая площадь немало походила на лугъ украшенный наипрекраснѣйшими восточными тюльпанами.

Калифъ въ торжественной одеждѣ, опираясь на его Визиря и на Бабалука, сошелъ съ большой лѣстницы башни. Все множество народа было простерто на земли, и верблюды великолѣпно обремененные пали на колѣна передъ нимъ. Сіе

позорище было чрезвычайно, и Калифъ самъ остановился чтобъ оному удивляться. Все было въ почтительномъ молчанiи: оно было однако нарушено крикомъ евнуховъ задней стражи (30). Сiи бодрствующiе служители примѣтили, что нѣкоторыя женскiя клетки (31) наклонились очень на одну сторону: и нѣкоторые смѣльчаки влѣзли туда весьма проворно; но ихъ вынули изъ гнѣздъ скоро, съ хорошимъ приказанiемъ серальскимъ лѣкарямъ.

Столь малое произшествiе не прервало величества сего свѣтлѣйшаго явленiя. Ватекъ поздравилъ луну съ видомъ тѣснаго знакомства; и учители закона были соблазнены симъ идолопоклонствомъ, равно какъ Визири и великiе чиновники собранные наслаждаться послѣднимъ взоромъ ихъ Самодержца. Напослѣдокъ рога и трубы, дали сверху башни, знакъ къ отъѣзду. Хотя оный былъ совершенно учрежденъ, однако думали видѣть нѣкоторое неустройство; сiе была Катаратисъ, которая пѣла пѣсни въ честь Гiауру, и коей нѣмые и Арабки дѣлали продолженiе баса.

Добрые Музульмане думали слышать жужжанье сихъ насѣкомыхъ ночныхъ, кои всегда знакъ худаго предвозвѣщанія, просили Вашека имѣть попеченіе о его священной особѣ.

Выставленъ былъ большiй штандартъ Калифства и дватцать тысячь пикъ блистали препровождая его. Калифъ попирая величественно ногами золотыя ткани постланныя для шествованія его, взошелъ въ носилку при восклицаніи безчисленнаго множества его подданныхъ. Тогда открылось шествіе въ наипрекраснѣйшемъ порядкѣ, и съ столь великимъ молчаніемъ, что слышно было пѣніе соловьевъ въ кустахъ луга Капульскаго. Прежде возхожденія зари перешли пять добрыхъ миль, и утренняя звѣзда блистала еще на тверди небесной, когда сіе многочисленное собраніе путешественниковъ прибыло на берегъ Тигра, гдѣ разбили палатки для успокоенія во весь остатокъ дня.

Три дни прошли таковымъ же образомъ. Въ четвертый небо во гнѣвѣ освѣтилось тысячью огнями: молнія производила ужас-

ный блескъ, и дрожащія Черкашенки обнимали ихъ мерзкихъ стражей. Калифъ зачалъ сожалѣть о палатахъ чувствъ; онъ имѣлъ великое желаніе скрыться въ одно большое селеніе Глуширское, коего правитель предложилъ ему прохлажденіе. Но посмотрѣвъ записную его книжку, онъ далъ себя неустрашимо промачивать до костей, не взирая на неотступныя прозьбы его наперсниковъ. Предпріятіе его лежало у него весьма на сердцѣ, и великія его надежды поддерживали его бодрость. Скоро посемъ потеряли путь; приказано было позвать его Географовъ, чтобъ узнать гдѣ были; но ихъ замоченныя карты были въ столь же жалостномъ состояніи какъ ихъ особы. Въ прочемъ, не имѣли большихъ путешествій со времянъ Гаруна Аль Рашида: и такъ не знали, къ которой сторонѣ держаться. Ватекъ, который имѣлъ великое знаніе небесныхъ тѣлъ и ихъ положеній, не зналъ гдѣ онъ былъ на земли, онъ бранился еще сильняе нежели гремѣлъ громъ, и произносилъ иногда слово висѣлица, которое не

весьма ласкало ученыя уши. Наконецъ не хотя более слѣдовать какъ его мыслямъ, онъ приказалъ переходить крутыя каменныя горы, и взять дорогу, которая, думалъ онъ должна была его препроводить въ четыре дни въ Рохнадабъ: сколько ему не представляли, высочайшее его намѣренїе было взято.

Жены и евнухи, которые не видали ничего подобнаго, дрожали при зрѣлищѣ горлъ горъ, и произносили жалостный крикъ видя ужасныя пропасти, которыя ограничивали покатую стезю, на которой были. Ночь настала прежде нежели всѣ достигли верьху самой высокой горы. Тогда жестокїй вѣтръ изорвалъ въ куски завѣсы намѣтовъ и клѣтокъ, и оставилъ бѣдныхъ женщинъ подверженныхъ всей жестокости бури. Темнота небесъ умножала ужасъ сей несчастной ночи; для чего и не слышно было какъ визгъ пажей и слезы женщинъ.

Къ умноженїю несчастїй, слышны были страшные ревы, и скоро въ густотѣ лѣса увидѣли пламенные глаза, которые не

могли быть, какъ глаза дїаволовъ или тигровъ. Работники, кои прїуготовляли дорогу наилучше какъ могли, и часть передовой стражи, были пожраны прежде, нежели они могли опомниться. Замѣшательство было чрезвычайное; волки, тигры и другїе хищные звѣри, призванные ихъ товарищами, прибѣгали со всѣхъ сторонъ. Повсюду было слышно хрустенїе костей, и въ воздухѣ ужасное хлопанье крыльями; потому, что вороны, коршуны и филины, вознамѣрились взять въ семъ такъ же участїе.

Ужасъ достигъ наконецъ до главнаго войска, которое окружало Монарха и его Сераль, и кое было въ разстоянїи двухъ миль. Ватекъ качаемый его евнухами, не примѣтилъ еще ничего; онъ лежалъ роскошно на шелковыхъ подушкахъ въ пространной его носилкѣ; и въ то время, когда два пажа бѣлѣйшїе Франгистанской финифти обмахивали его отъ мухъ, онъ спалъ глубокимъ сномъ, и видѣлъ блистающими сокровищи Сулеймановы въ его сновидѣнїи. Крикъ его женъ возбудилъ

его, что онъ вскочилъ, и вмѣсто Гіаура съ золотымъ его ключемъ, онъ увидѣлъ Бабалука дрожащаго и пораженнаго ужасомъ: Государь, вскричалъ сей вѣрный рабъ наимогущественнаго Монарха, несчастіе достигло до его верьха; хищные звѣри, которые не почтутъ васъ болѣе, какъ осла мертваго, напали на вашихъ верблюдовъ. Тритцать два наибогатѣйше навьюченные были пожраны съ ихъ проводниками; ваши хлѣбники, повара, и тѣ, которые несли ваши съѣстные запасы, были подвержены тому же жребію, и ежели святый нашъ пророкъ не защититъ насъ, мы не будемъ болѣе ѣсть во всю нашу жизнь. При сихъ словахъ ѣсть, Калифъ потерялъ всю воздержность; онъ вылъ и билъ себя сильно. Бабалукъ видя, что его Государь совершенно помѣшался, заткнулъ уши, чтобъ избѣжать по крайнѣй мѣрѣ визгу сераля. Но какъ темнота умножалась, и замѣшательство становилось болѣе, онъ принялъ героическое намѣреніе. Пойдемте, государыни мои и собратіи мои, кричалъ онъ изо всѣхъ силъ, примемся

за дѣло, будемъ вырубать огонь наискоряе! чтобъ не сказали, что повелитель правовѣрныхъ былъ пищею невѣрнымъ звѣрямъ.

Хотя довольно было между сими красавицами самонравныхъ и упрямыхъ, всѣ были покорны въ семъ случаѣ. Въ одинъ ударъ ока, увидѣли показавшіяся огни во всѣхъ клѣткахъ. Десять тысячь пламянниковъ (32) были возжены тотъ часъ, каждый вооружился большою восковою свѣчею, и самъ Калифъ сдѣлалъ то же. Охлопки обмоченные въ масло и зазженные на концахъ долгихъ шестовъ, бросали таковый свѣтъ, что каменныя горы казались освѣщенными какъ въ полный день. Воздухъ былъ наполненъ тучею искръ, и вѣтеръ гоня повсюду огонь, который зажегъ траву и кусты. Въ малое время, пожаръ произвелъ наискорѣйшіе успѣхи; и вдругъ увидѣли со всѣхъ сторонъ ползущихъ змѣй въ отчаяніи, кои оставляли ихъ жилища съ ужаснымъ свистомъ. Лошади, поднявъ головы къ верьху, ржали, топали ногами, и брыкались безъ милосердія.

Кедровый лѣсъ, подлѣ коего тогда проѣзжали, загорѣлся, и сучья, которыя висѣли на дорогу, сообщили пламя тонкимъ кисѣямъ и прекраснымъ расписнымъ полотнамъ, которыя покрывали женскїя клѣтки, и онѣ принуждены были выйтить, отваживаясь сломать себѣ шеи. Ватекъ изблевающїй тысячу богохуленїй, былъ обязанъ такъ же какъ и другїе, поставить священныя его стопы на землю.

Ни когда подобнаго сему не случалось: госпожи, которыя не знали какъ поступать, падали въ грязь, исполненныя стыда, досады и бѣшенства. Мнѣ иттить пѣшкомъ! говорила одна; мнѣ мочить мои ноги! кричала другая; мнѣ марать мое платье! вопїяла третья: прегнуснѣйшїй Бабалукъ! кричали онѣ всѣ вдругъ, смрадъ ада! какую ты имѣлъ нужду въ пламянникахъ? лучше бы тигры насъ пожрали, какъ быть видимыми въ состоянїи, въ коемъ мы есмь! вотъ мы погибли навсегда. Не будетъ ни одного носильщика въ войскѣ, ниже чистильщика верблюдовъ, который бы не могъ хвалиться, что онъ ви-

дѣлъ нѣкоторую часть тѣла нашего, и что еще всего хуже, наши лица (33). Сказавъ сїе, наицѣломудреннѣйшїя бросились лицемъ въ грязь. Тѣ же, кои имѣли болѣе бодрости, хотѣли напасть на Бабалука; но онъ, который ихъ зналъ и былъ лукавъ, убѣжалъ что есть силы съ его товарищами, потрясая ихъ пламянниками и бья въ барабаны.

Пожаръ разпространилъ столь живый свѣтъ какъ солнце въ наипрекраснѣйшїе песьи дни. Сверхъ ужаса Калифъ виденъ былъ утопающїй въ грязи какъ простый смертный! чувства его зачали ослабѣвать; онъ немогъ уже ступить шага, какъ одна изъ его женъ Ефїопка (потому, что онъ имѣлъ всѣхъ разныхъ родовъ) сжалилась надъ нимъ, взвалила его къ себѣ на плѣча и видя огонь умножающїйся со всѣхъ сторонъ, она полетѣла какъ стрѣла, не взирая на тягость ея бремяни. Другїя госпожи, коимъ опасность возвратила употребленїе ихъ ногъ, послѣдовали ей изъ всѣхъ силъ, стражи прыгали за ними, и конюхи погоняли верблюдовъ кувыркаясь другъ чрезъ друга.

Наконецъ прибыли на мѣсто, гдѣ хищные звѣри начали кровопролитіе; но они имѣли болѣе разума чтобъ не удалиться при столь ужасномъ шумѣ, поужинавъ, въ прочемъ удивительно. Бабалукъ схватилъ однако двухъ или трехъ наижирнѣйшихъ, и которые столько нажрались, что немогли болѣе двинуться: онъ принялся ихъ обдирать чистенько; и какъ уже довольно были удалены отъ пожара такъ, что жаръ былъ посредствененъ и пріятенъ, то вознамѣрились остановиться на мѣстѣ гдѣ были. Лоскутки расписныхъ полотенъ были собраны; остатки ужина волковъ и тигровъ погребены: отомстили надъ нѣсколькими дюжинами коршуновъ, кои такъ же понапитались; и сдѣлали изчисленіе верблюдовъ, заперли въ клѣтки какъ попало женъ, и разбили Императорскій шатеръ на землѣ сколько возможно поровняе.

Ватекъ растянулся на его пуховикахъ, и началъ отдыхать отъ потрясеній Ефіопки; потому, что сіе была самый тряскій конь! покой возвратилъ обыкновенное

его желанїе къ пищѣ; онъ спросилъ ѣсть: но увы! сїи вкуснѣйшїе хлѣбы, кои пекли въ серебреныхъ печахъ (34) для его Калифскаго рта, сїи лакомыя лѣпешки, сїи заѣдки окуренныя янтаремъ, стклянницы вина Ширазскаго, сїи фарфоровые сосуды съ снѣгомъ (35), сей превосходнѣйшїй виноградъ, который росъ на берегахъ Тигра; все изчезло! Бабалукъ ничего не могъ представить болѣе, какъ жирнаго жареннаго волка, душеныхъ въ уксусѣ съ осокою и мандрагоромъ коршуновъ, которые воспламеняли горло, и рвали языкъ на части. Вмѣсто всѣхъ напитковъ нѣсколько стклянокъ мерзкой водки, кою ложкомои сокрывали въ ихъ широкихъ сапогахъ. Конечно понимаютъ, что столько гнусный обѣдъ долженъ былъ привести Ватека въ отчаянїе; онъ затыкалъ себѣ носъ и жевалъ съ страшнымъ коверканьемъ. Однако онъ ѣлъ не худо и заснулъ, чтобъ лучше дать силы варенїю желудка.

Въ сїе время всѣ облака сокрылись съ горизонта. Солнце было горящее, и его лучи, упираясь въ утѣсы каменныхъ горъ,

жарили Калифа, не взирая на завѣсы, коими онъ былъ окруженъ. Тьмы мухъ вонючихъ полыннаго цвѣта, уязвляли его до крови. Невозмогая болѣе сносить, онъ проснулся вскоча, и внѣ себя; не зналъ что дѣлать, и бился изъ всѣхъ его силъ, между тѣмъ какъ Бабалукъ продолжалъ храпѣть, покрытый сими мерзкими несѣкомыми, которыя вились вокругъ его носа. Маленькіе пажи бросили ихъ опахалы на землю. Они были полумертвые, и употребляли ихъ издыхающіе голоса, чтобъ дѣлать горькія укоризны Калифу, который въ первый разъ во всю его жизнь услышалъ правду.

Тогда онъ возобновилъ его проклятіи Гіауру, и зачалъ даже говорить нѣкоторыя ласковости Магомеду. Гдѣ я? вскричалъ онъ: какія сіи ужасныя каменныя горы! сіи долины темноты! достигли ли мы уже до ужаснаго Кафъ (36). Симоргъ (37) прилетаетъ ли, чтобъ выклевать у меня глаза, чтобъ отмстить мнѣ мое безбожное путешествіе! говоря такимъ образомъ, онъ выглянулъ въ отверзстіе намѣ-

та; но увы! каковые предмѣты представились его виду! съ одной стороны долина песку чернаго, коей не видно было края, съ другой, каменныя прямыя горы покрытыя сею проклятою осокою, которая еще ему рвала языкъ. Онъ думалъ видѣть, и однако между колючими кустами и репѣйникомъ, нѣкоторые безмѣрной величины цвѣты; онъ и въ семъ обманывался: сїе были отрывки писаннаго полотна (38), и лоскутки великолѣпныхъ его убранствъ. Какъ были нѣкоторыя разсѣлины въ горѣ, Ватекъ приклонилъ ухо въ надеждѣ, чтобъ услышать гдѣ водопадъ; но онъ не слыхалъ какъ глухїй ропотъ людей, кои проклиная ихъ путешествїе требовали воды. Были нѣкоторые даже, кои вопїяли противъ его: почто онъ завелъ насъ сюда? нашъ Калифъ не еще ли хочетъ строить башню, или немилосердые Африты (39), которыхъ Катаратисъ столько любитъ, имѣютъ здѣсь ихъ жилище?

При имяни Катаратисъ, Ватекъ воспомнилъ о нѣкоторой записной книжкѣ, которую она ему дала, совѣтуя имѣть къ ней

прибѣжище въ отчаянныхъ случаяхъ. Въ то время какъ онъ ее перебиралъ, услышалъ вдругъ радостные крики и хлопанїе руками; завѣсы намѣта отворились, и онъ увидѣлъ Бабалука послѣдуемаго толпою его любимцевъ. Онъ привелъ къ нему двухъ карловъ въ локоть высоты, несущихъ великую плетенку наполненную арбузами, дынями, апельсинами и гранатами, и которые пѣли голосомъ звучащаго серебра, слѣдующїя слова: „мы обитаемъ на верху „сихъ каменныхъ горъ, въ хижинахъ сопле„тенныхъ изъ мягкихъ сучьевъ и трости; „орлы завидуютъ нашему жилищу; малый „источникъ доставляетъ намъ чемъ сдѣ„лать абдестъ (40), и никогда не прохо„литъ день, чтобъ мы не повторяли мо„литвъ предписанныхъ святымъ нашимъ „пророкомъ. Мы васъ любимъ, о! повели„тель правовѣрныхъ! нашъ господинъ, „добрый Емиръ Факреддинъ васъ любитъ „такъ же; онъ почитаетъ въ васъ намѣст„ника Магомедова. Какъ малы мы ни есть, „онъ имѣетъ къ намъ довѣренность; онъ „знаетъ, что сердца наши столь добры,

„сколь тѣла наши презрѣнны; онъ помѣ-
„стилъ насъ здѣсь, чтобъ вспомоществo-
„вать тѣмъ, которые заблуждаются въ
„сихъ печальныхъ горахъ. Мы были по-
„слѣднюю ночь, заняты въ малой нашей
„кельѣ чтенiемъ святаго Корана, когда
„бурные вѣтры погасили наши свѣтиль-
„ники, и принудили трястись наше оби-
„талище. Два часа протекли въ наиглу-
„бочайшей темнотѣ; тогда услышали
„звуки, которые мы почли за звонки Ка-
„филы (41), который переходилъ сiи ка-
„менныя горы. Скоро крики, ревъ и звукъ
„кимваловъ поразили наши уши. Оледе-
„нѣвшiе отъ ужаса, мы думали, что Деж-
„жiалъ (42) съ его темными Аггелами ра-
„зрушителями, пришелъ излить мученiи
„его на землю. Посрединѣ сихъ размы-
„шленiй, кровавыя пламена возвысились
„на горизонтѣ, и нѣсколько минутъ спу-
„стя, мы покрыты были всѣ искрами. Внѣ
„себя отъ сего ужасающаго зрѣлища, мы
„приклонили колѣна, открыли книгу вдо-
„хновенную божественными повелѣнiями,
„и при свѣтѣ огня, который насъ озарялъ

„мы читали стихъ, который говоритъ:
„*не должно возлагать упованіе*
„*свое какъ на милосердіе неба;*
„*нѣтъ помощи другой какъ въ свя-*
„*томъ пророкѣ; самая гора Кафъ*
„*можетъ дрожать, могущество*
„*Божіе одно неподвижно.* Произнеся
„сіи слова, успокоеніе небесное обьяло
„души наши; сдѣлалась глубокая тишина,
„и уши наши ясно слышали въ воздухѣ
„гласъ, которой говорилъ: служители мо-
„его служителя вѣрнаго, обуйте санда-
„ліе ваше, и сойдите въ счастливую до-
„лину, въ коей обитаетъ Факреддинъ;
„скажите ему, что знаменитый пред-
„ставляется ему случай для удовольст-
„вія жажды страннопріимнаго его сердца:
„сіе повелитель правовѣрныхъ, заблуж-
„дается самъ въ сихъ горахъ; должно ему
„вспомоществовать. Радостно покорство-
„вали мы Ангельскому посланію; и нашъ
„господинъ исполненный набожныя ревно-
„сти, собиралъ его собственными руками
„сіи арбузы, дыни, померанцы и гранаты;
„онъ слѣдуетъ за нами со сто дромадера-

„ми навьюченными наипрозрачнѣйшею во-
„дою его водомѣтовъ; онъ придетъ поцѣ-
„ловать воскраїе священной одежды тво-
„ей, и просить васъ униженно, войтить
„въ тихое его жилище, которое между
„сихъ горящихъ степей вдѣлано какъ изу-
„мрудъ въ свинцѣ.„ Карлы проговоря та-
кимъ образомъ, пребыли стоя, имѣя ру-
ки сложенныя на желудкѣ и въ глубо-
комъ молчанїи.

Во время сей прекрасной рѣчи, Ватекъ схватилъ плетенку, и гораздо прежде нежели оная окончалась, плоды уже истаяли во рту его. По мѣрѣ какъ онъ ихъ ѣлъ, онъ становился набоженъ, повторялъ его молитвы, испрашивалъ вдругъ Алькоранъ и сахару.

Онъ былъ въ семъ расположенїи, когда записная книжка, которую онъ положилъ при видѣ Карловъ; поразила его зрѣнїе: но онъ едва не упалъ, видя большими красными буквами, писанными рукою Катарасисы, сїи слова, которыя были столько къ стати, чтобъ принудить трепетать: „*остерегай себя весьма отъ ста-*

рыхъ учителей и ихъ малыхъ посланныхъ, которые не имѣютъ болѣе какъ локоть роста; не довѣряй себя ихъ набожнымъ обманамъ; вмѣсто чтобъ ѣсть ихъ дыни, должно воткнуть ихъ самихъ на вертелъ, естьли ты будешь довольно слабъ, чтобъ войтить къ нимъ, дверь подземныхъ палатъ запрется, и движеніе ея изорветъ тебя въ клочки. На тѣло твое будутъ плевать, и летучїя мыши содѣлаютъ ихъ гнѣзда изъ твоего чрева.,,

Что значитъ сей ужасной вздоръ? вскричалъ Калифъ: должно ли чтобъ я умеръ отъ жажды въ сихъ пещаныхъ степяхъ, тогда, когда я могу прохладиться въ счастливой долинѣ дынь и огурцовъ? да будетъ проклятъ Гїауръ съ его вратами гебенова дерева! онъ заставилъ меня довольно надрываться; въ прочемъ, кто мнѣ дастъ законы? я не долженъ ни къ кому входить, сказываютъ мнѣ; и могу ли я

войтить въ каковое мѣсто, которое бы не принадлежало мнѣ? Бабалукъ, который не терялъ ни единаго слова изъ сего съ самимъ собою разговора, похвалялъ оный отъ всего его сердца, и всѣ госпожи были его мнѣнія; чего до сего никогда не случалось.

Карловъ угощали, ласкали, посадили ихъ весьма нѣжно на небольшія атласныя подушки, удивлялись правильному расположенію ихъ малыхъ тѣлъ, хотѣли всѣ видѣть, имъ представили игрушки и заѣдки; но они отказались ото всего съ удивительною важностію. Они всползли на естраду къ Калифу, и помѣстясь на плѣчахъ Калифовыхъ, жužжали ему молитвы въ оба уха. Ихъ малые языки уподоблялись листамъ дрожащаго дерева, и терпѣніе Ватеково доходило до конца, когда восклицаніи войскъ увѣдомили о пріѣздѣ Факреддиновомъ, со сто учителями, столькими же Алькоранами, и такимъ же числомъ дромадеровъ. Тотъ часъ принялись за омовеніе и повтореніе Безмиллагъ (43). Ватекъ освободился отъ его досад-

ныхЪ увѣщателей и сдѣлалЪ то же потому, что руки у него сгарали.

Добрый ЕмирЪ, который былЪ набоженЪ до безмѣрной крайности, и великій привѣтствователь, говорилЪ рѣчь пять разЪ долѣе, и пять разЪ менѣе привлекающую, нежели малыхЪ его преслѣдователей. КалифЪ не могши болѣе выдержать, вскричалЪ изЪ любви кЪ Магомеду! окончаемЪ мой дражайшій ФакреддинЪ, и поѣдемЪ вЪ вашу зеленѣющуюся долину, ѣсть прекрасные плоды, коими небо васЪ одарило. При сихЪ словахЪ поѣдемЪ, отправились вЪ путь; старики ѣхали нѣсколько тихо; но ВашекЪ, подЪ рукою, приказалЪ малымЪ пажамЪ тыкать шпорами дромадеровЪ. Прыжки, которые дѣлали сіи скоты, и замѣшательство ихЪ сѣдоковЪ осмидесятилѣтнихЪ, были столько забавны, что не слышно было кромѣ смѣха во всѣхЪ клѣткахЪ.

Однако спустились счастливо вЪ долину большими лѣстницами, которыя ЕмирЪ приказалЪ сдѣлать вЪ горѣ; и уже начали слышать жузжаніе источниковЪ и колеба-

ніе листьевъ. Послѣдованіе Калифово направилось скоро по стезѣ усаженной по сторонамъ цвѣтущими кустами, которая доходила до большаго пальмоваго лѣса, коего вѣтьви отѣняли обширнѣйшее зданіе изъ тѣсанаго камня, увѣнчанное девятью теремами, и украшенное толикимъ же числомъ воротъ мѣдныхъ, надъ которыми были изображены слѣдующія слова, на финифтѣ: *здѣсь убѣжище странствующихъ, прибѣжище путешественниковъ, и хранилище таинъ всѣхъ странъ свѣта.*

Девять Пажей прекрасныхъ какъ день и пристойно одѣтыхъ въ долгихъ одеждахъ Египетскаго льна, держали отверзтыми каждые врата. Они приняли шествіе съ видомъ открытымъ и ласковымъ. Четыре самыхъ любезнѣйшихъ посадили Калифа на тектраванъ (44) великолѣпнѣйшій; четверо менѣе пріятныхъ приняли Бабалука, который трепеталъ съ радости видя счастливое жилище, въ коемъ онъ долженъ успокоиться: остатки причета были наблюдаемы другими пажами.

Когда все что есть мужеское сокрылось, дверь одной большой преграды, повернулась съ прїятнымъ звукомъ на ея петляхъ, отколѣ вышла одна молодая особа легкаго стану и коей бѣло-пепловые волосы развѣвались по произволу вечернихъ зефировъ. Толпа молодыхъ дѣвицъ подобныхъ Плейядамъ, слѣдовали за нею на перстахъ. Онѣ прибѣжали всѣ въ партеръ, гдѣ были Султанши, и молодая госпожа поклонясь съ прїятностїю, сказала имъ: мои прекрасныя Принцессы! васъ ожидаютъ; мы приготовили вамъ покойныя постѣли, и усыпали ваши храмины ясминомъ: никакое насѣкомое не отгонитъ сонъ отъ зѣницъ вашихъ, мы изгонимъ ихъ миллїонами перьевъ. Подите же прекраснѣйшїя госпожи, прохладите ваши члены подобные бѣлизной слоновой кости въ водоемахъ розовой воды (45); и при прїятномъ свѣтѣ благовонныхъ возженныхъ сосудахъ, наши служительницы будутъ забавлять васъ сказками. Султанши приняли съ великою радостїю сїи обязательныя предложенїи, и послѣдовали молодой

госпожѣ въ гаремъ Емировъ; но должно ихъ оставить тамъ на часъ, чтобъ возвратиться къ Калифу.

Сей Государь былъ препровожденъ подъ одинъ великій сводъ освященный тысячью возженныхъ сосудовъ горнаго хрусталя. Столько же другихъ сосудовъ того же вещества, наполненныхъ наипріятнѣйшими сорбетами, блистали на великомъ столѣ, гдѣ находились со изобиліемъ наивкуснѣйшія яствы. Между прочими тамъ пшено Сарацынское вареное въ миндальномъ молокѣ, похлѣбки съ шафраномъ, и агнецъ въ сметанѣ, кои Калифъ любилъ весьма. Онъ ѣлъ со излишествомъ, оказывалъ много дружбы Емиру въ веселости его сердца, и принудилъ плясать Карловъ противо воли; потому, что сіи малыя набожныя творенія, не смѣли не послушаться повелителя правовѣрныхъ. Наконецъ, онъ протянулся на софѣ и спалъ гораздо покойнѣе какъ онъ не сыпалъ во всю его жизнь.

Подъ симъ сводомъ господствовало тишайшее молчаніе, коего ни что не пре-

рывало, исключая челюстей Бабалуковыхъ, который поправлялъ печальный постъ, къ коему онъ былъ осужденъ въ горахъ. Какъ онъ былъ весьма веселъ чтобы спать, и что онъ не любилъ быть праздными, онъ хотѣлъ тотъ часъ иттить въ гаремъ, пекщись о его государыняхъ, и посмотрѣть къ стати, что мазались ли онѣ Меккскимъ бальзамомъ, что брови ихъ и всѣ другія вещи были ли у нихъ въ порядкѣ; словомъ, чтобъ оказать имъ всѣ малыя услуги, въ коихъ онѣ имѣли нужду.

Онъ искалъ долгое время, но безъ успѣха дверь въ гаремъ. Страшась разбудить Калифа, онъ не смѣлъ кричать, и никто не ворошился въ палатахъ. Онъ зачиналъ отчаяваться достигнуть до конца его намѣренія, когда онъ услышалъ малый шопотъ; сіи были карлы, которые возвратились къ старинному ихъ упраждненію, и которые при девять сотъ девятомъ разѣ ихъ жизни, перечитывали Алькоранъ. Они пригласили весьма учтиво Бабалука ихъ послушать; но онъ имѣлъ весьма много другихъ дѣлъ. Карлы хотя

нѣсколько соблазненные, показали ему дорогу покоевъ; которыхъ онъ искалъ; долженствовало для достиженія туда пройтить чрезъ сто проходовъ весьма темныхъ. Онъ прошелъ ихъ всѣ ощупью, и напослѣдокъ при концѣ одной долгой дороги, онъ зачалъ слышать пріятные разговоры женщинъ, и сердце его наполнилось все радостію. А, а! вы еще не спите, вскричалъ онъ, дѣлая большіе прыжки; не думайте чтобъ я сложилъ съ себя мою должность; я замѣшкался только чтобъ, поѣсть остатки послѣ нашего Государя. Два черные евнуха, слыша такъ громко говорящаго, отдѣлились отъ прочихъ наскоро, съ обнаженными саблями въ рукахъ; но скоро зачали повторять со всѣхъ сторонъ: сіе Бабалукъ, сіе Бабалукъ. Дѣйствительно, сей бодрствующій стражъ приближился къ одной шелковой завѣсѣ жаркокраснаго цвѣта, сквозь которую блистала пріятная ясность, которая подала ему видѣть пространную мыльню темнаго порфира, кругло-продолговатаго вида, пространныя и полныя завѣсы большими сгибами, окру-

жали сїю мыльню, и давали видѣть толпы молодыхъ невольницъ, между коими Бабалукъ узналъ старинныхъ его питомицъ протягивающихъ роскошно руки, и оправляющихся отъ утружденій. Взоры томные и нѣжные, слова на ухо, восхитительныя усмѣшки, которыя препровождали малыя довѣренности, прїятный запахъ розъ, все вдыхало сладострастїе, противъ коего Бабалукъ самъ имѣлъ трудъ защищаться.

Онъ наблюдалъ однако великую важность, и повелѣлъ голосомъ судїи, принудить выйтить сихъ красавицъ изъ воды, и чесать ихъ хорошенько. Между тѣмъ, какъ онъ давалъ сїи повелѣнїи, молодая Нурунигаръ, дочь Емирова, проворная какъ Газель, и наполненная хитростныхъ шутокъ, дала знакъ одной изъ ея невольницъ спустить легонько большую качель, которая привязана была къ потолоку шелковыми веревками. Во время когда сїе исполняли, она говорила по пальцамъ съ женщинами, кои были въ мыльнѣ, и которыя весьма досадуя выходить изъ сего

пребыванія въ роскошествѣ, запутали ихъ волосы, чтобъ дать упражденіе Бабалуку, и дѣлали ему тысячу другихъ подъисковъ.

Когда Нурунигаръ видѣла его готоваго потерять терпѣніе, она приближилась къ нему съ притворнымъ почтеніемъ, и сказала ему: ,,государь! не пристойно чтобъ ,,начальникъ евнуховъ, Калифа, нашего ,,Государя, стоялъ такимъ образомъ; удостойте успокоить благородную вашу ,,особу на сей софѣ, которая изломается ,,съ досады, ежели она не будетъ имѣть ,,честь принять васъ.,, Восхищенный симъ пріятнымъ произношеніемъ, Бабалукъ отвѣчалъ съ учтивостію: ,,прелесть зѣницъ ,,моихъ, я принимаю предложеніе, кото- ,,рое проистекаетъ изъ вашихъ сахаро- ,,сладчайшихъ устъ; и сказать по спра- ,,ведливости, чувствіи мои ослаблены отъ ,,удивленія, которое мнѣ приключила яс- ,,ность лучезарная вашихъ прелестей.,, Успокойтесь же, перехватила красавица посадя его на мнимую софу. Вдругъ оная полетѣла какъ стрѣла. Всѣ женщины видя

тогда въ чемъ было дѣло, вышли нагія изъ мыльни, и принялись съ рѣзвостію приводить въ дѣйствіе качель. Въ малое время оная облетѣла пространство свода весьма возвышеннаго, и принуждала терять дыханіе несчастному Бабалуку, иногда онъ касался воды, а иногда ударялся носомъ въ окошки; тщетно онъ наполнялъ воздухъ его крикомъ, который походилъ на звукъ разбитаго горшка, громкій смѣхъ не позволялъ онаго слышать.

Нурунигаръ, упоенная молодостью и веселостью, была весьма привычна къ евнухамъ обыкновенныхъ гаремовъ; но она не видала никогда столь отвратительнаго ни столь государственнаго: для чего она и веселилась болѣе нежели всѣ другія. Наконецъ она начала пѣть Персидскіе стихи обращая ихъ въ шутку: ,,пріятная и бѣ-,,лая голубица летающая въ воздухѣ, брось ,,нѣкоторые взоры на твою вѣрную по-,,другу. Поющій соловей, я твоя роза (46); ,,пой же мнѣ нѣкоторыя твои пріятныя ,,пѣсни.,,

Султанши и невольницы возбужденныя сими шутками, качали столько сильно качель, что веревка лопнула, и бѣдный Бабалукъ упалъ какъ черепаха по срединѣ мыльни. Отъ чего сдѣлался общїй крикъ; двенатцать небольшихъ дверей, коихъ было не видно, отворились, и ушли все весьма скоро, побросавъ ему все бѣлье на голову, и погася свѣчи.

Достойный жалости скотъ въ водѣ по шею и въ темнотѣ, не могъ высвободиться отъ кучи бѣлья, которое на него побросали, и слышалъ къ великой его горести громкїй смѣхъ со всѣхъ сторонъ. Сїе было тщетно, что онъ выбивался выйтить изъ мыльни; края всѣ были облиты масломъ, которое текло изъ разбитыхъ сосудовъ, принуждало его скользить и упадать опять въ мыльню съ глухимъ стукомъ, который раздавался въ сводѣ. При каждомъ паденїи его, проклятый громкїй смѣхъ удвоялся. Думая сїе мѣсто обитаемое болѣе демонами нежели женщинами, онъ принялъ намѣренїе не ощупывать болѣе выхода, и остаться печально въ

мыльнѣ, гнѣвъ его изтощался въ разговорѣ съ самимъ собою преисполненномъ клятвъ, коихъ насмѣшливыя его сосѣдки, лежа не радиво не теряли ни единаго слова. Утро застало его въ семъ прекрасномъ состоянїи; наконецъ его вытащили изъ подъ кучи бѣлья въ половину удушеннаго, и промоченнаго до костей. Калифъ приказалъ его искать вездѣ, и онъ предсталъ предъ его Государя хромая и хлопая зубами. Ватекъ вскричалъ видя его въ семъ состоянїи? Кто тебя такъ вымочилъ? а васъ самихъ кто заставилъ войтить въ сїе проклятое жилище, спросилъ Бабалукъ съ его стороны? развѣ Государь таковый, какъ вы, долженъ забиться съ его сералемъ, къ бородачу Емиру, который не умѣетъ жить? прїятныя дѣвицы, коихъ онъ держитъ здѣсь! вообразите вы, что онѣ вымочили меня какъ хлѣбную корку, и принудили меня летать во всю ночь на проклятой качелѣ, какъ дурака. Вотъ прекрасный примѣръ для вашихъ Султаншъ, которымъ вы вдохнули столько благопристойности!

Ватекъ не разумѣя ничего въ семъ разговорѣ, велѣлъ ему изъяснить всее исторїю. Но вмѣсто чтобъ сожалѣть о бѣдномъ мученомъ, онъ началъ смѣяться изъ всѣхъ его силъ, которой онъ долженъ былъ имѣть на качелѣ. Бабалукъ былъ раздосадованъ, и мало не доставало чтобъ онъ не потерялъ всего почтенїя. Смѣйтесь, смѣйтесь Государь, говорилъ онъ; я бы желалъ чтобъ сїя Нурунигаръ съиграла съ вами такъ же шутку; она довольно бѣшена чтобъ не пощадить васъ самихъ. Сїи слова не сдѣлали сперьва никакого впечатлѣнїя надъ Калифомъ, но онъ вспомнилъ въ послѣдокъ.

Посрединѣ сего разговора пришелъ Факреддинъ чтобъ звать Калифа на торжественныя молитвы, и омовенїи, которыя происходили на пространнѣйшемъ лугу, орошаемомъ безконечнымъ множествомъ ручьевъ. Калифъ нашелъ воду прохладительною, но молитвы скучными до смерти. Онъ увеселялся однако множествомъ Календеровъ, Сантоновъ, и Дервишей, которые приходили и отходили въ долинѣ.

Браманы, Факиры, и другїе набожные пришедшїе изъ великихъ Индїй, и кои путешествуя остановились у Емира, увеселяли его болѣе всего. Они имѣли всѣ каковый нибудь избранный ими знакъ покаянїя: одни влачили великую цѣпь; другїе Урангъ-Оутанга; третьи вооружены были четками; все успѣвало удивительно въ ихъ различныхъ упражненїяхъ. Нѣкоторыхъ видѣли карабкающихся на деревья и державшихъ одну ногу на воздухѣ, качаясь надъ малымъ огнемъ, и щелкающихъ себя въ носъ безъ милосердїя. Были другїе, кои любили нечистыхъ несѣкомыхъ, и сїи не худо отвѣчали на ихъ ласки. Сїи бродящїе суевѣры производили тошноту Дервишамъ, Календерамъ и Сантоенамъ. Ихъ собрали въ надеждѣ что присутствїе Калифово изцѣлитъ ихъ отъ ихъ дурачествъ, и обратитъ къ закону правовѣрныхъ: но увы! обманулись весьма много. Вмѣсто чтобъ имъ проповѣдовать, Ватекъ поступалъ съ ними какъ съ шутами, сказавъ имъ чтобъ онѣ кланялись отъ него Висну и Иксорѣ (47), и понравился ему

одинъ толстый старикъ съ острова Серендиба, который былъ наистраннѣйшїй изъ всѣхъ, а! сказалъ онъ ему, изъ любви къ твоимъ богамъ, сдѣлай нѣсколько скачковъ, которые бы меня позабавили. Старикъ обиженный симъ зачалъ плакать; и какъ онъ былъ дурный плакса, Вашекъ пошелъ отъ него прочь. Бабалукъ, который слѣдовалъ за Калифомъ съ подсолнечникомъ, сказалъ ему тогда: Ваше Величество примѣтте сихъ нечестивцевъ, каковая дьявольская мысль собрать ихъ здѣсь! должно ли чтобы столь великїй Государь угощаемъ былъ таковымъ зрѣлищемъ, интермедїями Талапоинцевъ, кои шелудивѣе собакъ? естлибъ я былъ вы, я бы приказалъ здѣлать большой огонь и очистилъ бы землю отъ Емира, его гарема, и всѣхъ сихъ скотовъ. Молчи, отвѣчалъ ему Калифъ. Все сїе увеселяетъ меня до безконечности, и я не оставлю лугу, чтобъ я не посѣтилъ всѣхъ сихъ скотовъ.

По мѣрѣ какъ Калифъ шелъ впередъ, ему представляли всѣхъ родовъ жалостные предмѣты (48); слѣпыхъ, полуслѣ-

ныхъ, господъ безъ носовъ и госпожъ безъ ушей, и все сїе для возвышенїя великаго милосердїя Факреддинова, который съ его бородачами, раздавалъ вокругъ пластыри и лѣкарства. Въ полдень былъ великолѣпный входъ увѣчныхъ, и скоро увидѣли на лугу прекрасныя общества больныхъ. Слѣпые, ощупью, шли съ слѣпыми, хромые переваливались вмѣстѣ, и безрукїе дѣлали движенїе одною рукою, которая имъ оставалась. При великомъ водопадѣ были глухїе; особливо Пегуанцы имѣли наипрекраснѣйшїя большїя и широкїя уши, и наслаждались прїятностїю слышать еще менѣе нежели другїе. Сїе мѣсто было такъ же собранїемъ излишествъ во всѣхъ родахъ, какъ зобы, горбы, и даже рога, у коихъ оные удивительно свѣтились.

Емиръ хотѣлъ здѣлать празднество торжественнымъ, и здѣлать всевозможныя почести его знаменитому гостю; въ слѣдствїе чего, онъ приказалъ накрыть на травѣ множество кожъ и скатертей, на которыя поставили пилавы всѣхъ цвѣтовъ, и другїя правовѣрныя яства для добрыхъ

Музульмановъ. Ватекъ, который былъ постыдно терпѣливъ, приказалъ подать небольшія блюда запрещенныя (49), кои соблазняли правовѣрныхъ, скоро, все святое собраніе принялось ѣсть наилутче какъ могло. Калифъ имѣлъ желаніе дѣлать тоже; и не взирая на всѣ представленіи начальника евнуховъ, онъ хотѣлъ обѣдать на самомъ семъ мѣстѣ. Тотчасъ Емиръ приказалъ поставить столъ подъ тѣнію ивъ. При первомъ накрытіи подана была рыба ловленная въ рѣкѣ (50), которая тѣкла по позлащенному песку у подошвы одного большаго возвышенія. Сію рыбу жарили по мѣрѣ какъ вынимали оную изъ рѣки, и приправляли тонкими и вкусными травами горы Синая (51); потому что у Емира все было какъ набожно такъ и превосходно.

Уже были при заѣдкахъ празднества, когда вдругъ согласнѣйшій звукъ лютней, который ехо повторяло, послышался на возвышеніи. Калифъ, пораженный удовольствіемъ и веселостію, поднялъ голову, и ему упалъ на лице пучекъ ясминовъ.

Тысяча громкихъ смѣховъ послѣдовали сей шуткѣ невинной, и сквозь кусты видимы были прелестные виды молодыхъ дѣвицъ, кои прыгали какъ дикія козы. Благовонное окуреніе ихъ волосъ достигло до Ватека, онъ остановилъ его обозъ, и какъ восхищенный, сказалъ Бабалуку: не сошли ли Перицы (52) съ ихъ сферъ? видишъ ли ты сію, коей станъ столь свободенъ, и которая бѣгаетъ съ таковою неустрашимостію по закраинамъ пропастей, обращая ея голову кажется неимѣющею вниманія какъ къ прекраснымъ сгибамъ ея одежды? съ какою прелестною малою нетерпѣливостію она оспариваетъ покровъ ея у кустовъ! не она ли сіе, которая бросила мнѣ ясмины? О! сіе очень она, отвѣчалъ Бабалукъ, и она такая дѣвица, чтобъ сбросить васъ самого съ горы внизъ; я распознаю ее: сіе мой добрый другъ Нурунигаръ, которая меня столь прекрасно попотчивала ею качелью. Ахъ! мой дражайшій Государь и повелитель, продолжалъ онъ, сломя ивовую вѣтвь, позвольте мнѣ пойтить ее высѣчь за нарушеніе къ вамъ

почтенія. Емиръ не будетъ смѣть жаловаться; потому, что благодаря чемъ я долженъ набожности его, онъ весьма виновенъ держа толпу молодыхъ дѣвицъ на горахъ, живый воздухъ придаетъ много дѣйственности мыслямъ.

Молчи, богохульникъ, сказалъ Калифъ; не говори таковымъ образомъ о той, которая увлекаетъ сердце мое на сіи горы. Здѣлай лучше чтобъ глаза мои устремились на ее, и чтобъ я могъ вдыхать пріятное ея дыханіе. Съ каковою пріятностію и съ каковою легкостію она бѣгаетъ трепеща по симъ прекраснымъ мѣстамъ! сказавъ сіи слова, Ватекъ простеръ его руки къ пригорку, и поднявъ глаза съ движеніемъ, каковаго онъ никогда не чувствовалъ, онъ старался не потерять изъ вида тое, которая его уже покорила. Но бѣгу ея стольже было трудно слѣдовать, какъ полету сихъ прекрасныхъ лазоревыхъ бабочекъ Кашемира, столь рѣдкимъ и столь рѣзвымъ.

Ватекъ, недовольный видѣть Нурунигаръ, хотѣлъ такъ же ее слышать. Нако-

нецЪ онЪ услышалЪ что она говорила одной изЪ ея сотоварищей за малымЪ кустомЪ отколѣ она бросила пучекЪ ея цвѣтовЪ; должно признаться, что КалифЪ есть прекрасная вещь видѣть: но мой маленькій ГульшенруцЪ гораздо любезнѣе; плетенка мягкихЪ волосовЪ его стоитЪ лучше нежели наибогатѣйшее шитье золотомЪ Индіи; я лутче люблю чтобЪ его маленкіе зубки рѣзвясь сжимали мнѣ палецЪ нежели наипрекраснѣйшей перстень ИмператорскихЪ сокровищь. Гдѣ ты его оставила, Сутлемеме? почто онЪ не здѣсь?

Обезпокоенный КалифЪ хотѣлЪ весьма болѣе слышать; но она удалилась со всѣми ея невольницами. Влюбленный МонархЪ послѣдовалЪ за ней глазами доколѣ онЪ ее потерялЪ изЪ виду, и пребылЪ таковымЪ какЪ заблудшійся путешественникЪ во время ночи, когда облака закрываютЪ созвѣздіе, коего управляетЪ. Завѣса темноты казалось опустилась предЪ нимЪ; все казалось ему потерявшимЪ цвѣтЪ, все для него перемѣнило видЪ. ШумЪ

источника вливалъ задумчивость въ душу его, и слезы его упадали на ясмины, которые онъ положилъ на его горящую грудь, онъ подобралъ даже нѣкоторые малые камешки чтобъ воспоминать о мѣстѣ, гдѣ онъ почувствовалъ первое пораженïе страсти, которая до того была ему неизвѣстна. Тысячу разъ онъ старался удалиться, но сïе было тщетно. прïятное унынïе обымало душу его. Протянувшïйся на берегу источника, онъ не преставалъ обращать взоры его къ синеющемуся верьху горы. Что скрываешь ты отъ меня не жалостная каменная гора! вскричалъ онъ; что сталось съ нею? что произходитъ въ твоемъ уединенïи? небо! можетъ быть она въ сïи минуты заблуждается въ твоихъ разсѣлинахъ съ ея счастливѣйшимъ Гюльшенруцомъ!

Однако холодная роса зачала упадать. Емиръ, безпокоящïйся о здоровьѣ Калифовомъ, приказалъ поднести Императорскую носилку; Ватекъ далъ себя нести не примѣчая, и былъ введенъ въ великолѣпную залу, гдѣ онъ былъ принятъ во вчерашнïй день.

Но оставимъ Калифа вдавшагося въ его новую страсть, и последуемъ на каменныя горы за Нуринигарою, которая нашла наконецъ малаго ея Гюльшенруца. Сей Гюльшенруцъ былъ единородный сынъ Али Гассана, брата Емирова, и творенїе во вселенной наинежнейшее, и наилюбезнейшее. Уже десять летъ отецъ его отправился путешествовать на неизвестныя моря, и поручилъ его попеченїямъ Факреддиновымъ. Гюльшенруцъ зналъ писать разными почерками съ удивительною точностїю, и рисовалъ на паргаменте наипрекраснейшїе Арабески въ свете. Голосъ его былъ прїятенъ, и онъ смешивалъ его съ лютнею наиумягчительнейшимъ образомъ. Когда онъ воспевалъ любовь Мегнуина и Леилаги (53), или какихъ другихъ несчастныхъ любовниковъ сихъ древнихъ вековъ, слезы омывали глаза его слушателей. Стихи его (потому, что какъ Мегнуинъ былъ стихотворецъ) вдыхали томность и роскошества весьма опасныя для женщинъ. Все его любили до дурачества; и хотя уже онъ имелъ тринадцать летъ, его еще не

могли изторгнуть изъ гарема. Пляска его была такъ легка какъ пухъ, который возвѣваютъ на воздухѣ весеннїе зефиры. Но руки его, которыя сплетались столь прїятно съ руками молодыхъ дѣвицъ, когда онъ плясалъ, не могли бросать ни ручныхъ стрѣлъ ни копїй на охотѣ, ни усмирять непокоривыхъ лошадей, коихъ дядя его воскормливалъ на его паствахъ. Онъ стрѣлялъ однако изъ лука рукою вѣрною, и онъ бы обгонялъ всѣхъ молодыхъ людей на бѣгу, естьлибъ осмѣлились прервать шелковыя узы, кои привязывали его къ Нурунигаръ.

Два брата обручили взаимно дѣтей ихъ одного другой, и Нурунигаръ любила ея двоюроднаго брата еще болѣе, нежели собственные ея глаза, какъ они прекрасны не были. Онѣ обое имѣли одинаковые вкусы и одинаковыя упражненїи, одинаковые взоры долгїе и томные, волосы, бѣлизну; и когда Гюльшенруцъ надѣвалъ платье сестры его, онъ казался болѣе женщиною, нежели она. Ежели по случаю онъ выходилъ на одну минуту изъ гарема къ Фа-

креддину, сїе была робость молодаго оленя, который отлучался отъ его самки. Со всемъ симъ онъ имѣлъ довольно, чтобъ шутить надъ торжественными бородачами, для чего они и поступали иногда съ нимъ безъ жалости. Тогда онъ убѣгалъ съ восторгомъ во внутренность гарема, хлопалъ всѣми дверьми за нимъ, и прятался рыдая во объятїи Нурунигары. Она любила его проступки болѣе, нежели когда любили добродѣтели.

И такъ Нурунигаръ оставя Калифа на лугу, бѣжала съ Гюльшенруцомъ на горы покрытыя зеленью, которыя защищали долину, гдѣ жилъ Факреддинъ. Солнце оставляло уже горизонтъ, и сїи молодыя люди, коихъ воображенїе было живое и горячее, думали видѣть въ прекрасныхъ облакахъ запада, терема Сгаддукїана и Амбреабада (54), гдѣ Перицы имѣютъ ихъ жилище. Нурунигара сѣла на уклонности горы, и держала окуренную голову Гюльшенруца на ея коленяхъ. Но не предвидимой приходъ Калифовъ, и блескъ, который его окружалъ, смутили уже горячую ея

душу. Влекомая ея тщеславїемъ, она не могла удержаться, чтобъ не дать себя замѣтить сему Государю. Она весьма видѣла, что онъ поднялъ ясмины, коими она въ него бросила, и самолюбїе ея было симъ ласкаемо. Для чего и была въ замѣшательствѣ, когда Гюльшенруцъ вздумалъ спросить у ней, куда она дѣвала пучекъ цвѣтовъ, который онъ нарвалъ для ней. Вмѣсто отвѣта она повѣсила голову, и вскоча вдругъ прохаживалась большими шагами въ движенїи и безпокойствѣ, коего не возможно описать.

Однако ночь уже приближилась: чистое золото заходящаго солнца уступило мѣсто кровавой краснотѣ; цвѣты подобные разженной печи, упадали на воспламененныя щеки Нурунигары. Бѣдный маленькїй Гюльшенруцъ замѣтилъ оное. Онъ дрожалъ до глубины души о томъ, что его любезная сестра была въ таковомъ движенїи. Удалимся отселѣ, сказалъ онъ ей робкимъ голосомъ, есть нѣчто злосчастное въ небесахъ. Сїи листы дрожатъ болѣе обыкновеннаго, и сей вѣтеръ оледенѣваетъ у ме-

ня сердце, пойдемъ, удалимся; сей вечеръ очень печаленъ. Сказавъ сiи слова, онъ взялъ Нурунигаръ за руку, и тащилъ ее изъ всѣхъ его силъ. Она послѣдовала ему не зная что она дѣлала: тысяча странныхъ мыслей обращались въ ея разумѣ. Она прошла великое множество розъ, кои она любила весьма, не сдѣлавъ ни малаго вниманiя; Гюльшенруцъ одинъ, хотя онъ бѣжалъ какъ бы дикiй звѣрь гнался за нимъ, не удержался чтобъ не рвать нѣсколько цвѣтовъ.

Молодыя дѣвицы видя его такъ скоро бѣгущаго, думали, что по ихъ обыкновенiю онѣ хотѣли плясать. Тотъ часъ собрались въ кругъ и взялись за руки; но Гюльшенруцъ запыхавшись упалъ на траву. Тогда замѣшательство разпространилось между сей рѣзвой толпы; Нурунигаръ почти внѣ себя, и столько же утружденная смущенiемъ ея мыслей, какъ и бѣгомъ, который она сдѣлала, бросилась на него, она взяла малыя его руки, отогрѣла ихъ на груди ея, и терла ему виски благовонною мазью. Наконецъ онъ пришелъ въ себя,

и завернувши голову въ платье Нурунигары, просилъ ее не возвращаться еще въ гаремъ. Онъ страшился быть браненымъ Шабаномъ его надзирателемъ старымъ сморщившимся евнухомъ, и который не былъ изъ самыхъ ласковыхъ. Сей брюзгливой стражъ нашелъ бы непристойнымъ, что онъ разстроилъ такъ обыкновенное прогуливанïе Нурунигары. Вся толпа сѣла въ кругъ на муравѣ, и зачали тысячу дѣтскихъ игоръ. Евнухи сѣли въ нѣкоторомъ разстоянïи, и разговаривали вмѣстѣ. Всѣ были веселы, но Нурунигаръ одна оставалась задумчива и разстроена. Кормилица ея оное примѣтила, и зачала разсказывать смѣшныя сказки, коими Гюльшенруцъ, который уже забылъ всѣ его безпокойствы, былъ весьма доволенъ. Онъ смѣялся, хлопалъ руками, и дѣлалъ сто малыхъ шутокъ надъ всѣми, даже надъ евнухами, коихъ онъ хотѣлъ непремѣнно заставить бѣгать за собою, не взирая на ихъ старость и ихъ дряхлость.

Между симъ, луна взошла, вечеръ былъ прелестнѣйшïй, и всѣ находили себя столь-

ко хорошо, что вознамѣрились ужинать на открытомъ воздухѣ. Одинъ изъ евнуховъ побѣжалъ искать дынь, другїе осыпали ихъ свѣжимъ миндалемъ потрясая деревьями, кои отѣняли прїятную бесѣду. Сютлемеме, которая превосходствовала въ дѣланїи салата, наполнила большїя фарфоровыя чаши наивкуснѣйшими и прїятнѣйшими травами, яицами малыхъ птичекъ, кислымъ молокомъ, лимонным сокомъ и ломтями большихъ огурцовъ, кои она раздавала вокругъ, большею кокносовою ложкою (55). Но Гюльшенруцъ спрятавшейся по обыкновенїю на груди у Нурунигары, закрывалъ малыя его розовыя уста, когда Сютлемеме хотѣла ему подавать что нибудь. Онъ не хотѣлъ ничего принимать, какъ изъ рукъ его сестры, и прицѣплялся къ устамъ ея какъ пчела, которая упоевается сокомъ цвѣтовъ.

Во время радости, которая была общая, увидѣли свѣтъ на вершинѣ самой высокой горы. Сей свѣтъ разпространялъ прїятную ясность, и оный бы приняли за лунный въ полнотѣ ея, естьлибъ сїе свѣтило

не было на горизонтѣ. Сїе зрѣлище произвело общее смущенїе; всѣ истощались въ примѣчанїяхъ. Никогда не видывали таковаго явленїя на воздухѣ подобнаго цвѣта, ниже сей величины. На минуту сїя странная ясность становилась блѣдною; и минуту спустя оная возбуждалась. Сперьва ее считали утвержденною на острее горы; но вдругъ она оставила сїе мѣсто, и блистала въ густомъ пальмовомъ лѣсу; оттолѣ, несясь вдоль по водопаду, остановилась наконецъ при входѣ одной долины узкой и темной. Гюльшенруцъ, коего сердце дрожало при всемъ томъ, что было не предвидимо и чрезвычайно, дрожалъ со страха, дергая Нурунигаръ за платье и прося ее возвратиться въ гаремъ. Женщины дѣлали то же; но любопытство дочери Емировой было весьма сильно. Оное превысило. Отваживаясь на все, она хотѣла бѣжать за явленїемъ.

Въ то время когда спорили такъ, отъ сего освѣщенїя отдѣлился огонь столь освѣщающїй, что всѣ убѣжали произнося великой крикъ. Нурунигаръ здѣлала такъ же

нѣсколько шаговъ назадъ; потомъ скоро остановилась, и приближилась къ сторонѣ явленія. Клубъ свѣта утвердился въ долинѣ, и блисталъ въ величественномъ молчаніи. Нурунигаръ сложа тогда руки на груди, колебалась нѣсколько минутъ. Страхъ Гюльшенруцовъ, глубокое уединеніе, въ коемъ она находилась въ перьвый разъ въ ея жизни, тишина налагающая ужасъ ночи; все споспѣшествовало устрашить ее. Болѣе тысячи разъ она была на степени возвратиться; но блистающій клубъ находился всегда предъ нею. Понуждаемая непреоборимою силою, она приближилась сквозь колючіе и частые кусты, и невзирая на всѣ препятствіи, кои естественно должны были остановить ея стопы.

Когда она была при входѣ въ долину, густая темнота окружила ее вдругъ, и она не увидѣла какъ слабую искру, которая была весьма удалена. Шумъ паденія водъ, скрыпѣніе пальмовыхъ сучьевъ, и печальнѣйшіе крики птицъ, которые жили въ дуплахъ деревъ; все вливало трепетъ

въ ея душу. Каждую минуту она думала наступить на какое нибудь пресмыкающееся ядовитое. Сказки, кои ей разказывали о злыхъ дивахъ и темныхъ Гулахъ (56), пришли ей на мысль, но любопытство ея преодолѣло еще, и она пошла бодрственно по шероховатой стежкѣ, которая препровождала къ искрѣ. До того она знала гдѣ она была; но едва она вступила на стежку какъ она заблудилась. Увы! говорила она, почто я не въ сихъ безопасныхъ храминахъ и столь хорошо освѣщенныхъ, гдѣ вечера мои протекали съ Гюльшенруцомъ! дражайшее дитя; какъ бы ты дрожалъ естьлибъ ты заблуждался какъ я въ семъ глубокомъ уединенiи! говоря такимъ образомъ она шла всегда въ передъ. Скоро, представились ей ступени здѣланныя въ горѣ ея глазамъ. Она взошла дерзостно на сiи ступени. Когда она достигла до нѣкоторой высоты, свѣтъ показался ей выходящимъ изъ рода пещеры; гдѣ слышались жалостные и согласные голоса: сiе были какъ голоса составляющiе родъ пѣсни, подобной тѣмъ, кои

поютЪ при могилахЪ. ШумЪ таковый, каковый произходитЪ при наполненіи мыльни водою, поразилЪ вЪ тоже время ея уши. Она увидѣла великія возженныя свѣчи, разставленныя тамЪ, и вЪ другихЪ мѣстахЪ, вЪ разсѣлинахЪ горы. Сей видЪ охладилЪ ее ужасомЪ: однако она продолжала всходить; тонкій и жестокій запахЪ, который произходилЪ отЪ сихЪ свѣчь, возбудилЪ ее и она дошла до входа грота.

ВЪ семЪ родѣ восхищенія, она бросила глаза внутрь, и увидѣла великую золотую мыльню, наполненную водою, коей благовонный запахЪ пролилЪ на лице ея дождь наитончайшей розовой воды. Пріятная музыка слышалась и раздавалась вЪ пещерѣ, на краяхЪ мыльни находились Королевскія одежды, діадимы и перья Героновы, всѣ блистающія яхонтами (57). ВЪ то время какЪ она удивлялась сему великолѣпію, музыка престала, и послышался голосЪ говорящей: для какого Монарха возжгли сіи свѣщи, приуготовили сію мыльню и сіи одежды, которыя не приличны какЪ только ГосударямЪ, не только земнымЪ,

но могуществамъ Талисманическимъ? — сїе для прелестной дочери Емира Факреддина, отвѣчалъ другой голосъ. — Какъ! перехватилъ перьвый, для сей рѣзвой, которая тратитъ ея время съ вѣтренымъ дитятей, погруженнымъ въ роскоши, и который никогда не будетъ какъ мужъ достойный сожаленїя! — что ты мнѣ говоришь! перебилъ другой голосъ; можетъ ли она забавляться подобными глупостьми, когда Калифъ сгараетъ отъ любви къ ней, Государь свѣта, тотъ, который долженъ наслаждаться сокровищами Султановъ предшественниковъ Адамовыхъ, Государь, который шести стопъ высоты, и коего глазъ проникаетъ до мозгу костей молодыхъ дѣвицъ? нѣтъ, она не можетъ отвергнуть страсти, которая покрываетъ ее славою, и она презритъ дѣтскую ея игрушку: тогда всѣ богатства Джїамшидовы, которыя въ сихъ мѣстахъ, равно какъ и яхонтъ Джїамшидовъ (58), будутъ принадлежать ей. — Я думаю что ты правъ, сказалъ перьвой голосъ, и я отправлюсь въ Истакгаръ при-

уготовить палаты подземнаго огня для принятія двухъ супруговъ.

Голоса престали, свѣтильники погасли, густая темнота послѣдовала лучезарной свѣтлости, и Нурунигаръ нашлась протянувшеюся въ доль на софѣ въ гаремѣ ея родителя. Она захлопала руками (59), и тотъ часъ прибѣжалъ Гюльшенруцъ и ея женщины, которыя отчаявались потерявъ ее, и послали евнуховъ искать ее вездѣ. Шабанъ показался такъ же, и бранилъ ее весьма хорошо. Малинькая грубіянка, говорилъ онъ, или вы имѣете подложные ключи, или вы любимы какимъ Жиномъ, которой вамъ даетъ проходъ вездѣ: я посмотрю, каковое ваше могущество; подите въ комнату съ двумя въ верху окнами, и не считайте чтобъ Гюльшенруцъ васъ туда провожалъ: пойдемъ, ступайте, г. м. я запру васъ тамъ двойнымъ замкомъ. При сихъ угрозахъ Нурунигаръ приподняла гордую ея голову, и отворила на Шабана черные ея глаза, болѣе увеличенные со времяни разговору, которой она слышала въ удивительномъ гротѣ; поди,

сказала она ему, говори такЪ сЪ невольницами: но почитай тое, которая рождена для подаянія законовЪ, и покоренія всего ея власти.

Она хотѣла продолжать такимЪ же образомЪ, когда услышали крикЪ: ВотЪ КалифЪ! вотЪ КалифЪ! тотЪ часЪ всѣ завѣсы были отдернуты, невольницы простерлись на земли вЪ два ряда, и бѣдный маленькій ГюльшенруцЪ спрятался подЪ естраду. Сперва увидѣли рядЪ черныхЪ евнуховЪ, влачащихЪ за собой долгія ихЪ одѣяніи, кисейныя изтканія золотомЪ шитыя; они держали вЪ рукахЪ курильницы, которыя испускали пріятный запахЪ Алоеваго дерева. Напослѣдокъ шелЪ важно БабалукЪ, который не весьма былЪ доволенЪ посѣщеніемЪ, и качалЪ головою. ВатекЪ, одѣтый великолѣпно, слѣдовалЪ за нимЪ близко. Походка его была благородна и свободна; и удивлялись бы прекрасному его виду, хотябЪ онЪ не былЪ ГосударемЪ свѣта. ОнЪ приближился кЪ Нурунигарѣ, и когда онЪ увидѣлЪ лучезарные ея глаза, кои онЪ только прежде замѣтилЪ, онЪ

былъ весь внѣ себя, Нурунигара примѣтила оное, и опустила ихъ тотъ часъ; но ея смущенїе умножало ея красоту, и воспаляло болѣе сердце Ватека.

Бабалукъ, знатокъ въ подобныхъ дѣлахъ, видѣлъ, что при худой игрѣ должно имѣть хорошїй видъ, и сдѣлалъ знакъ всѣмъ удалиться. Онъ обѣгалъ всѣ концы залы, чтобъ увидѣть не спрятался ли кто нибудь, и увидѣлъ ноги, которыя выставились изъ подъ естрады. Бабалукъ потащилъ оныя къ себѣ безъ обрядовъ, и видя что сїе были Гюльшенруцовы, онъ взвалилъ его къ себѣ на плеча, и унесъ дѣлая ему тысячу ненавистныхъ ласокъ. Маленькой кричалъ и бился, щеки его покраснѣли какъ гранатный цвѣтъ, и омоченные его глаза блистали съ досады. Въ его отчаянїи онъ бросилъ на Нурунигару столь значащїй взоръ, что Калифъ оный примѣтилъ, и сказалъ: не сїе ли вашъ Гюльшенруцъ? Самодержецъ свѣта, отвѣчала она, пощадите моего брата, коего невинность и тихость недостойны вашего гнѣва. Успокойтесь, перехватилъ

Калифъ, усмѣхнувшись; онъ въ хорошихъ рукахъ; Бабалукъ любитъ дѣтей, и никогда не ходитъ безъ закусокъ. Дочь Емирова вся въ замѣшательствѣ, дала унести Гюльшенруца, не говоря ни слова. Однако движенїе груди Нурунигары, открывало движенїе сердца, Ватекъ былъ симъ восхищенъ, и вдавался всему забвенїю живѣйшей его страсти, ему не дѣлали уже болѣе какъ слабое сопротивленїе, когда Емиръ вошелъ поспѣшно, бросясь къ ногамъ Калифовымъ челомъ на землю. Повелитель вѣрныхъ, сказалъ онъ ему, не унижайтесь до вашей невольницы. Нѣтъ, Емиръ, перехватилъ Ватекъ, я возвышаю ее лучше до меня. Я объявляю ее моею супругою, и слава вашей фамилїи простренся отъ рода въ родъ. Увы! Государь, отвѣчалъ Факреддинъ, исторгая у себя нѣсколько волосовъ изъ бороды, прекратите дни вашего вѣрнаго служителя, прежде нежели онъ нарушитъ его слово. Нурунигаръ торжественно обѣщена Гюльшенруцу, сыну моего брата Али Гассана; сердца ихъ соединены; клятва дана взаимно: не воз-

можно будетъ нарушить обязательствъ столь священныхъ. Какъ! перебилъ грубо Калифъ, ты хочешь отдать сїю божественную красоту мужу еще больше женоподобному нежели она! ты думаешь что я оставлю помрачить ея прелести подъ руками подлыми и столь слабыми! нѣтъ, сїе въ моихъ объятїяхъ она должна препроводить жизнь ея; таковое мое удовольствїе! удались, и не возмущай сей ночи, которую я посвящаю обоженїю ея прелестей. Емиръ огорченный вынялъ тогда его саблю, подалъ ее Ватеку, и протяня его шею, сказалъ ему твердымъ голосомъ: Государь, поражайте вашего несчастнаго хозяина; онъ много жилъ, потому, что онъ имѣлъ несчастїе видѣть, что намѣстникъ пророковъ нарушаетъ священные законы страннопрїимства. Нурунигаръ, которая пребывала безмолвною во все время сего явленїя, не могла выдержать болѣе сраженїя различныхъ страстей, которыя возмущали ея душу. Она упала въ обморокъ, и Ватекъ, столько же устрашенной о ея жизни, какъ взбѣшен-

ный нашедъ сопротивленіе, сказалъ Факреддину, вспомоществуй твоей дочери! и удалился брося ему ужасный его взоръ. Несчастный Емиръ упалъ тотъ часъ навзничь омоченный смертельнымъ потомъ.

Гюльшенруцъ, съ его стороны, убѣжалъ изъ рукъ Бабалуковыхъ, и возвращался въ сію минуту, когда онъ увидѣлъ Факреддина и его дочь лежащихъ на земли. Онъ звалъ на помощь такъ какъ могъ. Сіе бѣдное дитя старалось возбудить Нурунигаръ его ласками, блѣдную и увядшую, онъ не переставалъ цѣловать устъ его любовницы. Наконецъ пріятный жаръ его устъ привелъ ее въ себя, и скоро она возвратила ея чувства.

Когда Факреддинъ оправился отъ взора Калифова, онъ сѣлъ, и глядѣлъ вокругъ его, вышелъ ли сей опасный государь, онъ приказалъ позвать Шабана и Сютлемеме, и отведя ихъ на сторону, сказалъ имъ: друзья мои, великимъ мученіямъ, потребны жестокія лѣкарства. Калифъ вводитъ ужасъ и отчаяніе въ мою фамилію; я не буду въ силахъ возпротивиться

его могуществу; другой его взоръ низвергнетъ меня во гробъ. Принесите мнѣ сей усыпляющей порошокъ К. . . . . я его дамъ симъ двумъ дѣтямъ прiемъ, коего дѣйствiе продолжается три дни. Калифъ почтетъ ихъ умершими. Тогда, притворяясь погребать ихъ, мы отнесемъ ихъ въ пещеру почтеннѣйшей Мемуины, при входѣ въ большую песчаную степь, подлѣ хижины моихъ карловъ, и когда всѣ удалятся, вы и Шабанъ, съ четырью избранными евнухами, вы перенесете ихъ къ озеру, куда прикажете заготовить запасу на мѣсяцъ. День на удивленiе, пять на слезы, пятнатцать на размышленiи, а остатокъ для изготовленiя къ вступленiю въ походъ; вотъ, по моему щету, все время, которое Ватекъ возметъ, и я буду освобожденъ отъ него.

Мысль хороша, сказала Сютлемеме, должно извлечь изъ оной всевозможныя выгоды, Нурунигаръ кажется не имѣющею вкуса къ Калифу. Будте увѣрены, что столь долгое время, что она будетъ

знать онѣ здѣсь еще, не взирая на всю ея привязанность къ Гюльшенруцу, мы не можемъ ее удержать въ сихъ горахъ. Увѣримъ ее, что она дѣйствительно умерла, равно и Гюльшенруцъ, и что онѣ обое были перенесены въ сïи каменныя горы, для заглажденïя не большихъ преступленïй, которыя любовь принудила ихъ здѣлать. Мы имъ скажемъ, что мы убились съ отчаянïя, и ваши малые карлы, коихъ онѣ никогда не видали, покажутся имъ особами чрезвычайными. Проповѣди, кои они будутъ имъ сказывать, произведутъ великое дѣйствïе надъ ними, и я бьюсь объ закладъ, что все произойдетъ наилучшимъ образомъ въ свѣтѣ. Я одобряю твою мысль, сказалъ Факреддинъ, теперь надлежитъ приняться за дѣло.

Тотъ часъ пошли сыскать порошекъ; положили его въ сорбетъ, и Нурунигаръ и Гюльшенруцъ, не сомнѣваясь ни о чемъ, выпили смѣшенïе. Часъ спустя, онѣ почувствовали тоску и бïенïе сердца. Отягощенïе во всемъ обьяло ихъ. Онѣ встали и съ трудомъ взошедъ на естраду, про-

тянулись на софѣ. Согрѣй меня, моя дражайшая Нурунигаръ, говорилъ Гюльшенруцъ, держа ее тѣсно обнятою; положи руку твою на мое сердце: оно какъ ледъ. Ахъ! ты такъ же холодна какъ я. Калифъ не умертвилъ ли насъ обоихъ, его ужаснымъ взоромъ? я умираю, перехватила Нурунигаръ угасающимъ голосомъ, прижми меня, чтобъ покрайней мѣрѣ я испустила душу мою на устахъ твоихъ. Нѣжный Гюльшенруцъ произвелъ глубокїй вздохъ, руки ихъ упали, и онѣ не сказали болѣе ничего; и обое пребыли какъ мертвые.

Тогда величайшїе крики раздались въ гаремѣ. Шабанъ и Сютлememe играли отчаянныхъ съ великимъ искуствомъ. Емиръ досадующїй дойтить до сей крайности, дѣлалъ въ первый разъ опытъ порошка, и не имѣлъ нужды притворяться печальнымъ. Всѣ свѣтильники были погашены. Двѣ лампады бросали печальный свѣтъ на лица сихъ прекрасныхъ цвѣтковъ, коихъ почитали увядшими въ веснѣ ихъ жизни; и невольницы, которыя собрались со всѣхъ

сторонъ, пребыли неподвижны при зрѣлищѣ, кое представлялось ихъ глазамъ. Принесены были погребательныя одежды; омыли тѣла ихъ розовою водою, одѣли ихъ въ ризы бѣлѣйшія алебастра, и ихъ прекрасные волосы связанны были, окурены наиблаговоннѣйшими ароматами, и связаны вмѣстѣ.

Хотѣли положить на головы ихъ два ясминные вѣнца любимыхъ ихъ цвѣтовъ, когда Калифъ, который узналъ печальнѣйшее сїе произшествїе, пришелъ. Онъ былъ столько же блѣденъ и заблужденъ, какъ гулы, кои бродятъ на могилахъ кладбищъ. Въ семъ обстоятельствѣ онъ позабылъ самаго себя и цѣлый свѣтъ; онъ бросился посрединѣ невольницъ, повергся предъ естрадою, и бїя себя въ грудь, называлъ себя звѣрскимъ убїйцею, и дѣлалъ тысячу проклятїй противу самаго себя. Но когда онъ дрожащею рукою приподнялъ покровъ, который покрывалъ помертвѣвшее лице Нурунигары, онъ произнесъ великїй крикъ, и упалъ какъ мертвый. Начальникъ евнуховъ дѣлалъ ужаснѣйшїя коверканьи, и

унесЪ его тотЪ часЪ, говоря: я весьма предвидѣлЪ, что НурунигарЪ сыграетЪ ему какую нибудь дурную шутку.

КакЪ скоро КалифЪ былЪ удаленЪ, ЕмирЪ положилЪ ихЪ вЪ гробы, и запретилЪ входЪ вЪ гаремЪ. Окны были все заперты; музыкальныя орудіи изломаны, и Иманы начали повторять ихЪ молитвы. Слезы и стенаніи удвоились ввечеру, который последовалЪ сему огорчительнѣйшему дню. Что до Ватека, онЪ стѣналЪ вЪ молчаніи, и принуждены были утишить судорожныя движеніи его бѣшенства, и его горести, давая ему успокояющія лѣкарства.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, отворены были большіе врата палатЪ, и погребательный обрядЪ пустился вЪ ходЪ кЪ горѣ. Печальные крики АеиллагЪ и АлеиллагЪ (60), достигли даже до Калифа. ОнЪ хотѣлЪ всею силою изрѣзать себя по обыкновенію народному, и слѣдовать за печальнымЪ проводомЪ; никогда не моглибЪ его отвратить, естьлибЪ великая его слабость позволила ему итти; но онЪ упалЪ при первомЪ шагѣ, и были обязаны

положить его въ постелю, гдѣ онъ пребылъ много дней въ состоянiи нечувственности, которое приводило въ жалость даже самаго Емира.

Когда шествiе достигло до пещеры Memуины, Шабанъ и Сютлемеме отпустили всѣхъ. Четыре довѣренные евнуха только остались съ ними; и успокоясь нѣсколько минутъ подлѣ гробовъ, они приказали ихъ перенести на берегъ озера, покрытаго сероватымъ мохомъ. Сiе мѣсто было собранiемъ цаплей и журавлей, которые ловили безпрестанно маленькихъ синихъ рыбъ. Карлы наставленные Емиромъ, не замѣшкали туда прибыть, и съ помощiю евнуховъ, они сдѣлали шалаши изъ тростнику и осоки; работа, въ коей они были весьма искусны. Они сдѣлали такъ же запасную для припасовъ, малый молитвенный шалашъ для себя самихъ, и деревянную пирамиду. Оная была сдѣлана изъ пней съ великимъ искуствомъ, и служила къ сохраненiю огня; потому, что было холодно въ пустотѣ сихъ горъ.

Къ вечеру возжгли два большіе огня на берегу озера; вынули два прекрасныя тѣла изъ ихъ гробовъ, и онѣ положены были тихо въ томъ же шалашѣ, на постеляхъ изъ сухихъ листьевъ. Двое карловъ начали повторять Алькоранъ, ихъ пріятными и звѣнящими какъ серебро голосами. Шабанъ и Сютлемеме стояли въ нѣкоторомъ разстояніи, и ожидали съ великимъ безпокойствомъ, чтобъ порошокъ окончалъ его дѣйствіе. Наконецъ, Нурунигара и Гюльшенруцъ протянули слабо ихъ руки, и открывъ глаза смотрѣли съ величайшимъ удивленіемъ на все то, что ихъ окружало. Они испытали даже встать; но силъ имъ недоставало, и они упали опять на лиственныя постели. Тотъ часъ Сютлемеме дала имъ принять нѣкотораго елексира, коимъ снабдилъ ее Емиръ.

Тогда Гюльшенруцъ проснулся совсемъ, чихнулъ весьма сильно и вскочилъ съ скоростію, которая показывала все его удивленіе. Когда онъ былъ внѣ шалаша, онъ вдыхалъ воздухъ съ безмѣрною жадностію: я дышу, слышу звуки, вижу твердь усы-

ванную звѣздами! я существую еще, при семъ дражайшемъ голосѣ, Нурунигаръ освободилась отъ листьевъ, и бѣжала сжать въ ея объятiяхъ Гюльшенруца. Долгiя одежды, коими онѣ были покровенны, вѣнцы изъ цвѣтовъ и босыя ихъ ноги, были первыя вещи, которыя поразили ея взоры. Она закрыла лице ея руками, чтобъ помыслить. Виденiе чародѣйной бани, отчаянiе ея родителя, и болѣе всего величественный Ватековъ видъ, обращались въ ея разумѣ. Она вспомнила, что она была больна и умирающа, равно какъ и Гюльшенруцъ; но всѣ сiи изображенiи были смѣшены въ головѣ ея. Сiе удивительное озеро; сiи печальные тростники колеблющiяся сами собою, журавли, коихъ унывный крикъ мѣшался съ голосами карловъ; все ее убѣждало, что ангелъ смерти отверзъ ей врата какого нибудь новаго существованiя.

Гюльшенруцъ, съ его стороны, въ смертельномъ страхѣ, прижался къ его сестрѣ. Онъ считалъ себя такъ же въ странѣ привидѣнiй, и страшился молчанiя, ко-

торое она наблюдала. Говори, сказалъ онъ ей наконецъ, гдѣ мы? видишь ли ты сихъ страшилищъ, которые движутъ сію горящую печь? не Монкиръ ли сіе и Некиръ (61), кои хотятъ насъ туда ввергнуть? злощастный мостъ (62) не чрезъ сіе ли озеро, коего тишина можетъ быть скрываетъ отъ насъ бездну водъ, въ кою мы не престанемъ упадать чрезъ многіе вѣки?

Нѣтъ, дѣти мои, сказала Сутлемеме, приближась къ нимъ, ободритесь; Ангелъ изтребитель, который препроводилъ наши души къ вамъ, увѣрилъ насъ что наказаніе вашей жизни праздной и роскошной будетъ ограничено долгимъ послѣдованіемъ лѣтъ въ семъ печальномъ мѣстѣ, гдѣ солнце едва показывается, гдѣ земля непроизводитъ ни цвѣтовъ ни плодовъ. Вотъ наши стражи, продолжала она, показуя карловъ; они будутъ намъ доставлять нуждное: потому, что души столь непросвѣщенныя, каковы наши еще придерживаются грубаго ихъ существованія. Вмѣсто всѣхъ яствъ вы не будете ѣсть кромѣ пшена; и хлѣбъ вашъ будетъ оро-

шенъ туманомъ, который покрываетъ безпрестанно сїе озеро.

При сихъ печальныхъ будущихъ видахъ, бѣдные дѣти утопали въ слезахъ. Онѣ простерлись предъ карлами, кои выдерживая совершенно ихъ лица, здѣлали имъ по обыкновенїю, рѣчь весьма прекрасную и весьма долгую, о священномъ верблюдѣ, который долженъ, чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, отвезти ихъ въ рай вѣрныхъ.

Окончавъ проповѣдь, здѣлали омовенїе, хвалили Алла и пророка, ужинали весьма постно, и возвратились на сухїя листвїи. Нурунигаръ и ея малинькїй братъ нашли весьма хорошимъ, что мертвые спали въ одномъ шалашѣ. Какъ онѣ довольно спали, онѣ разговаривали остатокъ ночи о томъ, что произошло, и сїе всегда обнимаясь, страшась злыхъ духовъ.

На другой день по утру, которое было весьма темно и дождливо, карлы взошли на разставленныя сошки вмѣсто Минаретовъ, и звали на молитву. Весь совѣтъ собрался; Сютлемеме, Шабанъ, четыре евнуха, нѣсколько журавлей, кои наску-

чили рыбною ловлею, и двое дѣтей. Сіи тащились съ унылостью изъ ихъ шалаша, и какъ разумы ихъ были наполнены задумчивостію и нѣжною печалію, то онѣ отправили ихъ набоженства съ усерднымъ жаромъ. Послѣ сего Гюльшенруцъ спрашивалъ у Сютлемеме и другихъ, какъ онѣ умерли такъ къ стати, для нихъ, мы убились отъ отчаянія о вашей смерти, отвѣчала Сютлемеме. Нурунигаръ, которая не взирала на все то, что произошло, не позабыла ея видѣнія, вскричала, и Калифъ не умеръ ли съ горести? не придетъ ли онъ сюда? Карлы въ семъ были наставлены и отвѣчали съ важностію: Вашекъ осужденъ безвозвратно. Я вѣрю весьма, отвѣчалъ Гюльшенруцъ, и я доволенъ, потому что я думаю, что сіе его ужасный взоръ, который препроводилъ насъ сюда ѣсть пшено и слушать проповѣди.

Недѣля протекла почти одинаковымъ образомъ на берегу озера. Нурунигара помышляла о великостяхъ, которыя скучная ея смерть заставила ее потерять; а Гюльшенруцъ дѣлалъ плетенки изъ тро-

стей съ карлами, которые нравились ему до безконечности.

Во время, какъ сїе произшествїе произходило во внутренности горъ, Калифъ давалъ другое явленїе у Емира. Едва онъ возвратилъ употребленїе его чувствъ, какъ голосомъ, который принудилъ задрожать Бабалука, онъ вскричалъ: злодѣйственный Гїауръ! сїе ты умертвилъ мою дражайшую Нурунигару; я отрекаюсь отъ тебя, и прошу прощенїя у Магомеда; онъ бы мнѣ сохранилъ ее естлибъ я былъ болѣе разуменъ. Подайте мнѣ воды для здѣланїя моихъ омовенїй, и чтобъ добрый Факреддинъ пришелъ сюда, чтобъ я примирился съ нимъ и здѣлали вмѣстѣ молитву. Послѣ сего мы поѣдемъ вмѣстѣ для посѣщенїя могилы нещастной Нурунигары. Я хочу здѣлаться пустынникомъ, и препроводить дни мои на сей горѣ для заглажденїя моихъ злодѣянїй. А что вы будете тамъ ѣсть, сказалъ ему Бабалукъ? я не знаю ничего, перехватилъ Ватекъ; я скажу тебѣ когда я буду имѣть желанїе: что со мною не случится, я думаю, долгое время.

Приходъ Факреддиновъ прервалъ сей разговоръ. Какъ скоро Ватекъ его увидѣлъ, онъ бросился ему на шею, но мысль его слезами, говоря ему о дѣлахъ столь набожныхъ, что Емиръ плакалъ съ радости, и поздравлялъ себя въ молчанiи о удивительномъ обращенiи, которое онъ произвелъ. Разумѣютъ, что онъ не смѣлъ воспротивиться въ путешествованiи къ горѣ: и они отправились обое въ ихъ носилкахъ.

Не взирая на вниманiе, съ коимъ стерегли Калифа, не могли возпрепятствовать чтобъ онъ не оцарапнулъ себя нѣсколько на мѣстѣ, гдѣ говорили, что Нурунигара была погребена, и имѣли великой трудъ отполѣ его исторгнуть, однако онъ клялся торжественно, что онъ будетъ приходить ежедневно туда, что не весьма нравилось Факреддину; но онъ ласкался что Калифъ не отважится итти далѣе и что онъ удовольствуется дѣлать его молитвы въ пещерѣ Мемуины; въ прочемъ озеро было столь сокрыто въ горахъ, что онъ не считалъ возможнымъ его найтить. Сiя безопасность Емирова

была умножена поступкомЪ Ватековымъ. ОнЪ держалЪ сЪ великою точностїю его намѣренїе, и возвращался отЪ горы столь набожнымЪ и столь пронзеннымЪ, что все бородачи были вЪ восхищенiи.

Нурунигара, сЪ ея стороны, не была стольже совершенно довольна. Хотя она любила Гюльшенруца, и хотя оставляли ее свободною сЪ нимЪ, чтобЪ наконецЪ умножить ея нѣжность, она взирала на него какЪ на игрушку, которая не препятствовала чтобЪ яхонтЪ ДжїамшидовЪ не былЪ весьма желателенЪ. Она имѣла даже сомнѣнїи иногда о ея состоянїи, и не могла разумѣть чтобЪ мертвые имѣли всѣ тѣже нужды и прихоти живущихЪ. ВЪ одно утро для изЪясненїя сего, она встала тихо отЪ Гюльшенруца, во время когда все еще спало, и давЪ ему поцѣлуй, она пошла берегомЪ озера, и видѣла что оно впадало подЪ одну каменную гору, коей вершина не казалась неприступной. ТотчасЪ она взлѣзла туда наилутче какЪ могла, и видя небо открытымЪ, она начала бѣгать какЪ оленица, коя убѣгаетЪ

охотника. Хотя она прыгала съ легкостїю Антелопы, она обязана была однако сѣсть на нѣкоторыхъ скалахъ, чтобъ собраться съ духомъ. Она дѣлала малыя ея размышленїи, и думала разпознать мѣста, когда вдругъ Ватекъ представился ея виду. Сей Государь обезпокоеваемый и терзаемый предупредилъ Аврору. Когда онъ увидѣлъ Нурунигару, онъ пребылъ неподвиженъ. Онъ не смѣлъ приближиться къ сему виду дрожащему и блѣдному; но однако еще прїятному зрѣть его. Наконецъ, Нурунигара, съ видомъ половиною довольнымъ и половиною печальнымъ, подняла прекрасные ея глаза на него, и сказала ему: Государь, и такъ вы пришли ѣсть пшено со мною, и слушать проповѣди? Дражайшая тѣнь! вскричалъ Ватекъ, вы говорите! вы имѣете всегда тотъ же прїятный видъ, тотъ же лучезарный взглядъ! и естли вы такъ же ощутительны? сказавъ сїи слова, онъ обнялъ ее изъ всей его силы, повторяя безпрестанно; но вотъ тѣло, оно возбуждено прїятнымъ жаромъ; что значитъ сїе чудо?

Нурунигара отвѣчала цѣломудренно; вы извѣстны Государь, что я умерла въ самую ту ночь, въ которую вы удостоили меня вашимъ посѣщенiемъ. Мой двоюродный братъ говоритъ, что сiе было отъ одного изъ вашихъ взоровъ, но я не вѣрю ничему; они мнѣ показались не столь ужасны. Гюльшенруцъ умеръ со мною, и мы были обое принесены въ страну весьма печальную, и гдѣ имѣютъ весьма постный столъ; естьли вы умерли такъ же, и что вы пришли соединиться съ нами, я сожалѣю о васъ, потому, что вы будете оглушены карлами и журавлями. Въ прочемъ, досадно для васъ и для меня, потерявъ сокровищи подземныхъ палатъ, кои намъ были обѣщены.

При имяни подземныхъ палатъ, Калифъ остановилъ его ласки, которыя были уже далеко довольно, чтобъ велѣть себѣ изъяснить, что хотѣла чрезъ сiе Нурунигара сказать. Тогда она разсказала ему ея видѣнiе, и исторiю мнимой ея смерти; она описала ему мѣсто очищенiя, отколѣ она ушла, такимъ образомъ, сiе бы заста-

вило его смѣяться, естьлибъ онъ не былъ весьма важно занятъ. Она едва престала говорить, какъ Ватекъ взявъ ее въ его руки, пойдемъ, свѣтъ очей моихъ, сказалъ онъ ей, все открыто: вашъ отецъ бездѣльникъ, который насъ обманулъ, чтобъ насъ разлучить, мы оба исполненны жизни: и Гіауръ, который какъ я разумѣю, хочетъ заставить путешествовать насъ вмѣстѣ, не лучше его стоитъ. Сіе будетъ покрайнѣй мѣрѣ не на долго, что онъ задержитъ насъ въ его палатахъ огня. Я цѣню гораздо болѣе вашу особу, нежели всѣ сокровищи Султановъ предшественниковъ Адамовыхъ; и я хочу оною обладать въ свободѣ, и на открытомъ воздухѣ, чрезъ множество лунъ, прежде, нежели погребстися подъ землю. Забудьте сего малинькаго глупца Гюльшенруца, и . . . . . Ахъ! Государь, не дѣлайте ему зла, прервала Нурунигара. Нѣтъ, нѣтъ, перехватилъ Ватекъ; я вамъ уже сказывалъ не страшиться ничего объ немъ, онъ весьма упитанъ молокомъ и сахаромъ, чтобъ мнѣ ревновать къ нему: мы оста-

вимъ его съ его карлами; (кои по сходству суть старинные мои знакомцы) сїе сотоварищество ему приличнѣе вашего. Въ прочемъ, я не возвращусь болѣе къ отцу вашему; я не хочу слышать его и его бородачей, кричащихъ мнѣ на уши, что я насильствую законы гостепрїимства, какъ бы сїя не была, гораздо болѣе великая честь для васъ, сочетаться съ Самодержцемъ свѣта, нежели съ малинькой дѣвчонкой, одѣтой въ мужеское платье.

Нурунигаръ остерегалась не одобрить столь краснорѣчивую рѣчь. Она бы только хотѣла, чтобъ влюбленный Монархъ показывалъ нѣсколько болѣе горячности къ большому яхонту Джїамшидову; но она думала, что сїе придетъ въ свое время, и пребыла согласною во всемъ, съ послушанїемъ наиобязательнымъ въ свѣтѣ.

Когда Калифъ разсудилъ за благо, онъ кликнулъ Бабалука, который спалъ въ пещерѣ Мемуины, и грѣзилъ, что привидѣнїе Нурунигары, посадило его опять на качель, и давало ему такое качанїе, что онъ то прелеталъ выше горъ, то касался

бездны. При голосѣ его Государя онъ проснулся вскоча, прибѣжалъ задыхаясь, и думалъ упасть на взничь, когда онъ думалъ видѣть страшилище, о коемъ онъ только грѣзилъ. Ахъ! Государь, вскричалъ онъ, отступя десять шаговъ, и положа руку на глаза: развѣ вы вырываете мертвыхъ? упражняетесь ли вы такъ въ дѣлахъ гулы? но не надѣйтесь съѣсть сію Нурунигаръ; послѣ того, какъ она заставила меня страдать, она будетъ столько зла, чтобъ съѣсть васъ самихъ.

Престань представлять безумца, сказалъ Ватекъ; ты будешъ скоро убѣжденъ, что та, которую я держу въ моихъ объятіяхъ, есть Нурунигара, весьма свѣжая и весьма живая. Поди, прикажи разбить мои шатры въ долинѣ, кою я примѣтилъ здѣсь близко; я хочу тамъ утвердить мое жилище съ симъ прекраснымъ тюльпаномъ, котораго я оживлю краски. Сдѣлай такъ, чтобъ доставить намъ все что нужно, чтобъ вести жизнь изобильную и роскошественную впредь до новаго повелѣнія.

Извѣстіе о столь огорчительномъ случаѣ скоро достигло до ушей Емировыхъ. Въ отчаяніи, что хитрость его не имѣла успѣха, онъ вдался въ горесть, и вымаралъ себѣ достойно лице пепломъ; вѣрные его бородачи сдѣлали то же, и палаты его впали въ ужасный безпорядокъ. Все было въ нерадѣніи; не принимали болѣе путешественниковъ, не дѣлали болѣе пластырей, и на мѣсто милосердой дѣйственности въ семъ убѣжищѣ, тѣ, кои въ ономъ жили, не показывали болѣе, какъ лица въ локоть долины; сіе былъ только стонъ и замѣшательство.

Однако Гюльшенруцъ пребылъ окаменѣннымъ, не нашедъ болѣе его сестры. Карлы не менѣе были удивлены какъ онъ. Сютлемеме одна будучи тонѣе, нежели они всѣ, подозрѣвала тотъ часъ что случилось. Гюльшенруца утѣшили прелестною надеждою, что онъ найдетъ Нурунитару въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горы, гдѣ земля усыпана оранжевыми цвѣтами и ясминами, представитъ постели болѣе пріятныя, нежели тѣ, которыя въ шалашѣ,

гдѣ будутъ пѣть при звукахъ лютенъ, и гдѣ будутъ ходить гоняться за бабочками.

Сютлемеме была во всей силѣ ея отчаянія, когда одинъ изъ четырехъ евнуховъ отвелъ ее на сторону, изъяснилъ ей исторію побѣга Нурунигары, и отдалъ ей повеленіи Емировы. Для чего она имѣла тотъ часъ совѣтъ съ Шабаномъ и съ карлами; убрали все; сѣли въ лодку, и поплыли покойно. Гюльшенруцъ доволенъ былъ всемъ; но когда приѣхали къ тому мѣсту, гдѣ озеро скрывалось подъ сводомъ горъ, когда судно туда вошло, и Гюльшенруцъ увидѣлъ себя въ совершенной темнотѣ, онъ былъ обьятъ ужаснымъ страхомъ, и произносилъ пронзительный крикъ; потому, что онъ видѣлъ, что готовились его осудить совершенно, за то, что онъ былъ весьма рѣзовъ съ его двоюродною сестрою.

Въ сіе время, Калифъ, и та, которая господствовала надъ его сердцемъ, проводили счастливые дни. Бабалукъ приказалъ разбить шатры, и запереть оба входа въ

долину великолѣпными завѣсами, подбитыми Индѣйскими полотнами, и стрегомыя Ефіопскими невольниками, со обнаженными саблями, чтобъ содержать сіе прекрасное огражденіе въ вѣчной свѣжести, евнухи не преставали ходить вокругъ съ позлащенными водо-изліятельницами. Воздухъ подлѣ шатра Императорскаго былъ безпрестанно движимъ опахалами; нѣжный свѣтъ, который проникалъ сквозь кисею, освѣщалъ сіе мѣсто сладострастія, и Калифъ наслаждался тамъ вполнѣ прелестьми Нурунигары. Упоенный прелестьми, онъ слушалъ съ восторгомъ прекрасный ея голосъ, и согласіи ея лютни. Съ ея стороны она восхищалась слушая описаніи, кои онъ ей дѣлалъ о Самаратѣ и его башнѣ, наполненной удивленіями. Ей нравилось болѣе всего повторять ей приключеніе клуба, и сей трещины, гдѣ Гіауръ былъ у вратъ гебеновыхъ.

День протекалъ въ сихъ разговорахъ, а ночью сіи любовники мылись вмѣстѣ въ великой мыльнѣ чернаго мрамора, которая

удивительно возвышала бѣлизну Нурунигары. Бабалукъ, у коего сія красавица вошла въ милость, старался чтобъ ихъ столы были услуживаемы съ наинѣжнѣйшимъ вкусомъ; сіе были всегда нѣкоторые блюды новые; и онъ приказалъ достать въ Ширазѣ вина кипящаго и пріятнѣйшаго, сокрытаго въ погребахъ прежде рожденія Магомедова (67). Въ небольшихъ печкахъ здѣланныхъ въ каменной горѣ, пекли хлѣбы на молокѣ, кои дѣлала сама Нурунигара нѣжными ея руками; что имъ давало пріятность столько по вкусу Ватекову, что онъ забывалъ всѣ рагу, которыя другія его жены ему дѣлали; отъ чего сіи бѣдныя оставленныя умирали отъ наивеличайшей скуки у Емира.

Султанша Дилара, которая до сего была наперсницей, собирала сіе нерадѣніе на сердце съ силою, которая была въ ея нравѣ. Въ теченіе ея счастія, она упоена была безумными мыслями Ватека, и сгарала видѣть могилы Истакгара, и палаты сорока столбовъ: воспитанная въ прочемъ между Магами, она радовалась

вида Калифа, готоваго предаться поклоненію огня: и такъ жизнь роскошественная и празднная, которую онъ велъ съ ея соперницей, опечаливала ее въ двое, преходящая набожность Ватека, здѣлала ей живѣйшія возмущеніи; а сія была еще хуже. И такъ она вознамѣрилась писать къ Принцессѣ Катарашисъ, чтобъ дать ей знать, что все шло худо, что весьма часто преступали условіи, что ѣли, спали и надѣлали шуму у стараго Емира, коего святость была весьма устрашительна, и что наконецъ не было болѣе видовъ, чтобъ имѣть сокровищи Султановъ, предшественниковъ Адамовыхъ. Сіе письмо было ввѣрено двумъ дровосѣкамъ, кои рубили дрова въ одномъ изъ большихъ лѣсѣ горы, и которые зная наикратчайшія дороги, прибыли въ десять дней въ Самаратъ.

Принцесса Катарашисъ играла въ шашки съ Мараканабадомъ, когда посланные прибыли. Уже нѣсколько недѣль она оставила высокія страны ея башни, потому, что все ей казалось въ замѣшательствѣ между свѣтилъ, когда она совѣтовала съ

ними о ея сынѣ. Сколько она не повторяла ея куреній, и простиралась на крышкахъ, въ надеждѣ имѣть таинственныя видѣніи; ей не грѣзилось болѣе какъ куски парчей, пучки цвѣтовъ и другія подобныя глупости. Все сіе ввергло ее во ослабленіе, изъ коихъ всѣ лѣкарства, которыя она составляла, не могли ее извлечь, и послѣднее ея прибѣжище было Мараканабадъ, добрый человѣкъ исполненный честныя довѣренности, но который, въ ея сообществѣ, не былъ на розахъ.

Какъ никто не зналъ о Ватекѣ, тысяча странныхъ исторій произходили на его щетъ. И такъ понимаютъ, съ каковою живостію разпечатала Катаратисъ письмо, и каковое было ея бѣшенство, когда она узнала малодушный поступокъ ея сына. А! а! сказала она, я погибну, или онъ проникнетъ въ палаты огня; чтобъ я умерла въ пламѣ, но чтобъ Ватекъ правительствовалъ на престолѣ Сулеймановомъ! говоря такимъ образомъ, она перевернулась столь чародѣйно и страшно, что Мораканабадъ отступилъ отъ ужаса,

она приказала изготовить большаго ея верблюда Альбуфаки, и привести ужасную Неркесъ и безжалостную Кафуръ: я не хочу имѣть другихъ провожатыхъ, сказала она Визирю; я ѣду для нужныхъ дѣлъ, и такъ оставимъ обряды; вы будете пещись объ народѣ; ощипывайте съ него хорошенько перья въ моемъ отсудствіи; потому что мы издерживаемъ много, и неизвѣстно что случится.

Ночь была весьма черная, и изъ Катульской долины дулъ весьма нездоровый вѣтеръ, который бы отвратилъ всякаго путешественника какъ бы онъ не спѣшилъ; но Катарапнсѣ нравилось весьма много то, что было злощастно и вредно: Неркесъ думала такъ же; а Кафуръ имѣла особенный вкусъ къ заразительному. По утру сей щеголеватый караванъ препровождаемый двумя дровосѣками, остановился на берегу болота довольно великаго, отколѣ происходили смертельные пары, которые бы умертвили всякое животное кромѣ Альбуфака, который естественно вдыхалъ съ великимъ удовольствіемъ сіи вредные

пары. Крестьяне просили униженно госпожѣ не спать въ сихъ мѣстахъ. Спать! вскричала Катаратисъ; прекрасная мысль! я не сплю никогда какъ только чтобъ имѣть видѣнія; а что до моихъ послѣдующихъ, онѣ имѣютъ другія упражденіи, чтобъ не затворять одного глаза, который онѣ имѣютъ. Бѣдные люди, коимъ сіе сообщество зачало ненравиться, остались съ разверстыми ртами.

Катаратисъ сошла на землю, равно и Арабки, кои сидѣли позади ея, и всѣ надѣвъ одни рубашки и порты, бѣжали на солнце для собранія ядовитыхъ травъ, коихъ было великое множество по берегу болота. Сей запасъ опредѣленъ былъ для семьи Емировой, и для всѣхъ тѣхъ, которые могли нанести малѣйшее препятствіе путешествію въ Истакгаръ, дровосѣки умирали со страха, видя бѣгающихъ сіи три ужасныя страшилища, и не были весьма довольны собесѣдованіемъ Альбуфака. Сіе было еще хуже, когда Катаратисъ приказала имъ отправиться въ дорогу, хотя были полдни и таковой жаръ,

чтобъ растоплять каменья; не взирая на все то, что они могли сказать; надлежало покорствовать.

Альбуфаки, которой весьма любилъ уединеніе, визжалъ когда онъ видѣлъ хотя малѣйшее жилище, и Катаратисъ портя его по ее обычаю, отвращала его отъ онаго тотчасъ. Отъ сего произошло, что крестьяне не могли имѣть никакой пищи на дорогѣ. Козы и овцы, коихъ провидѣніе казалось имъ посылающимъ, и коихъ молоко могло ихъ прохладить нѣсколько, убѣгали при видѣ сего страшнаго скота и его страннаго бремяни, она не имѣла никакой нужды въ сей общей пищѣ, выдумавъ уже долгое время опіатъ, котораго ей было довольно, и коего она удѣляла ея дражайшимъ нѣмымъ.

При упадающей ночи, Альбуфаки остановился вдругъ, и топнулъ ногою, Катаратисъ знала его поступокъ, и уразумѣла, что она должна была быть по близости кладбища. Дѣйствительно, луна бросала блѣдный свѣтъ, который подалъ ей видѣть длинную стѣну, и ворота до по-

ловины отворенныя, и столь высокую, что Альбуфаки могъ туда пройти. Бѣдные вожди, которые касались концу дней ихъ, просили тогда униженно Катарарисъ похоронить ихъ, потому, что она имѣла способность, и испустили души. Неркесъ и Кафуръ шутили по ихъ обыкновенiю надъ глупостью сихъ людей, нашли зрѣлище кладбища весьма по ихъ вкусу, и могилы весьма увеселительными; тамъ было по крайнѣй мѣрѣ двѣ тысячи на уклоненiи пригорка. Катарарисъ, весьма занятая большими ея видами, чтобъ остановиться при семъ зрѣлищѣ, какъ прiятно оное не было ея глазамъ, вздумала воспользоваться ея положенiемъ. Вѣрно, говорила она себѣ, столь прекрасное кладбище посѣщаемо гулами; сей родъ не имѣетъ недостатка въ разумѣнiи; какъ я дала умереть скотамъ моимъ вожатымъ, не дѣлавъ къ нимъ вниманiя, я спрошу о моемъ пути у Гулъ, и чтобъ ихъ приманить, я позову ихъ попотчивать сими свѣжими тѣлами. Послѣ сего мудраго съ самой собою разговора, она говорила пальцами съ

Черкесомъ и Кафуръ, сказывая имъ иттить стучаться у могилъ, и дать слышать ихъ прекраснѣйшїе визги.

Арабки весьма радующїяся сему повелѣнїю, и которыя обѣщали себѣ много удовольствїя въ бесѣдѣ Гулъ, пошли съ побѣдоноснымъ видомъ и принялись стучаться у могилъ. По мѣрѣ какъ онѣ стучались, слышенъ былъ въ землѣ глухїй шумъ, пески восколебались, и Гулы привлеченные запахомъ свѣжести новыхъ мертвыхъ тѣлъ, выходили со всѣхъ сторонъ поднявъ носы на воздухъ къ верьху. Все собрались предъ одинъ гробъ бѣлаго мрамора, гдѣ Катарафисъ сидѣла между двумя тѣлами ея несчастныхъ проводниковъ. Сїя государыня приняла ея гостей съ отличною учтивостїю, и поужинавъ, зачали говорить о дѣлахъ. Она узнала скоро, что она желала знать, и не теряя времяни, хотѣла пуститься въ путь: Арабки, кои начали сердечные союзы съ Гулами, просили ее нижайше подождать покрайнѣй мѣрѣ до зари; но Катарафисъ, которая была самая добродѣтель, и заклятый не-

пріятель любви, отвергла ихъ прозьбу и сѣла на Альбуфаки, приказала имъ помѣщаться наискорле. Чрезъ четыре дни и четыре ночи она продолжала ея путешествіе не останавляясь. Въ пятый она переѣхала горы и лѣса до половины сгорѣвшіе, и приѣхала въ шестый предъ сіи богатые щиты отъ вѣтра, которые скрывали отъ всѣхъ глазъ сладострастныя заблужденіи ея сына.

Сіе было на разсвѣтѣ дня: стражи храпѣли на ихъ мѣстахъ въ полной безопасности; сильная ступь Альбуфаки ихъ разбудила и принудила вскочить; думая видѣть выходящихъ страшилищъ изъ черной бездны, и убѣжали безъ всякаго обряда. Ватекъ былъ въ мыльнѣ съ Нуруннгарою; онъ слушалъ сказки и смѣялся надъ Бабалукомъ, который ихъ разсказывалъ. Возмущенный крикомъ его стражей, выскочилъ изъ воды; но онъ вошелъ весьма скоро опять, когда онъ увидѣлъ показавшуюся Катарапписъ: она приближалась съ ея Арабками, и раздирала кисеи въ куски и тонкія завѣсы шатра все ѣдучи на Аль-

буфаки; при семъ скоромъ привидѣніи, Нурунигара, которая не всегда была безъ укоренія совѣсти, думала что минута гнѣва небеснаго приближилась, прижалась влюбленно къ Калифу. Тогда Катаратисъ, несходя съ ея верблюда, и пѣнясь отъ бѣшенства при зрѣлищѣ, которое представлялось цѣломудренному ея виду, ругалась безъ пощады. Чудовище двуголовое и четвероногое, вскричала она, что значитъ вся сія прекрасная путаница? не стыдишся ли ты держать сію нѣжнужку вмѣсто скиптра Султановъ предшественниковъ Адамовыхъ? для сей то нищей ты преступилъ условіи наиглупѣйшимъ образомъ предъ Гіауромъ? съ нею то ты даешь изчезать минутамъ неоцѣненнымъ? сіе ли есть плоды прекрасныхъ знаній, которыя я тебѣ сообщила? здѣсь ли цѣль твоего путешествія? изторгни себя изъ объятій сей малинькой дуры; утопи ее въ водѣ и слѣдуй мнѣ.

Въ первомъ его бѣшенствѣ, Калифъ имѣлъ желаніе выпотрошить Альбуфаки, и начинить его Арабками, и даже Катарати-

сой; но мысли о Гїаурѣ, о палатахъ Истакгарскихъ, о сабляхъ и талисманахъ, поразили его разумъ со скоростїю молнїи. И такъ онъ сказалъ его матери учтивымъ голосомъ, хотя твердымъ; страшная госпожа, я вамъ покаряюсь; но не утоплю Нурунигары. Она прїятнѣе большихъ сливъ вареныхъ въ сахарѣ; она любитъ весьма яхонты, и болѣе всего Джїамшидовъ, который ей обѣщали, она поѣдетъ съ нами, потому что я хочу, чтобъ она спала на канапѣ Сулеймановъ; и я не могу спать безъ нее. Очень хорошо, отвѣчала Катаратисъ, сходя съ Альбуфаки, котораго она отдала въ руки ея Арабокъ.

Нурунигара, которая не отцѣплялась, ободрилась нѣсколько, и сказала нѣжно Калифу; дражайшїй повелитель моего сердца, я последую за вами даже за Кафъ и страны онаго, гдѣ обитаютъ Африты; я не устрашусь для васъ взлѣсть до гнѣзда Симорга, которой послѣ Принцессы Катаратисъ есть существо наипочтительнѣйшее, каковое было сотворено. Вотъ, сказала Катаратисъ, молодая дѣвица, ко-

торая имѣетъ бодрость и знаніи; но не взирая на всю ея твердость; она не могла воздерживаться, чтобъ не думать иногда о пріятностяхъ ея малаго Гюльтенруца, и о дняхъ нѣжности, которые она препроводила съ нимъ; нѣсколько слезъ омыли глаза ея и не скрылись отъ Калифа; она сказала даже громко по неосторожности: увы! мой пріятнѣйшій братъ, что съ тобою будетъ? при сихъ словахъ, Ватекъ нахмурилъ брови, и Катаратисъ вскричала; что значатъ сіи морщеньи, что она сказала? Калифъ отвѣчалъ; она не къ статѣ вздыхаетъ о малинькомъ мальчикѣ съ томными глазами, и заплетенными пріятно волосами, который ее любилъ. Гдѣ онъ? перехватила Катаратисъ, должно, чтобъ я познакомилась съ симъ прекраснымъ дитятей, потому, что продолжала она весьма тихо, я имѣю намѣреніе прежде, нежели отправиться примириться съ Гіауромъ; нѣтъ ничего вкуснѣе для него, какъ сердце дитяти нѣжнаго, который вдается первымъ вліяніямъ любви.

Ватекъ, вышедъ изъ мыльни, далъ повелѣніе Бабалуку собрать его войска, его женъ, и другіе приборы сераля, и изготовить все, чтобъ отправиться чрезъ три дни. Что до Катаратисы, она удалилась въ палатку одна, гдѣ Гіауръ забавлялъ ее ободрительными видѣніями. При ея пробужденіи, она увидѣла у ногъ ея Неркеса и Кафуръ, которыя, чрезъ ихъ знаки, увѣдомили ее, что поведя Альбуфаки на берега одного озера, чтобъ ѣсть траву нарочитно ядовитую сѣроватаго цвѣта, онѣ видѣли рыбъ синеватыхъ, какъ тѣ, которыя въ садкѣ на верьху башни Самаратской. А! а! сказала она, я хочу иттить на сіи мѣста въ сію самую минуту; посредствомъ небольшаго дѣйствія я могу сдѣлать сихъ рыбъ предвозвѣщательными; онѣ мнѣ изъяснятъ много дѣлъ, и дадутъ мнѣ знать, гдѣ сей Гюльшенруцъ, коего я хочу неотмѣнно принести на жертву. И тотъ часъ отправилась съ чернымъ ея приборомъ.

Какъ въ злыхъ предпріятіяхъ идутъ скоро, Катаратиръ и ея Арабки не за-

мѣшкались притти къ озеру. Онѣ зажгли волшебные составы, коими онѣ всегда были снабжены, и раздѣвшись со всемъ нагія, вошли въ воду по шею. Наркесъ и Кафуръ потрясали возженными пламянниками, между тѣмъ какъ Катаратисъ произносила варварскія слова. Тогда рыбы выставили головы внѣ воды, которую онѣ били сильно ихъ хвостами, и понуждаемыя силою волхвованія, онѣ отверзли жалкія ихъ уста, и сказали всѣ вмѣстѣ; мы преданы вамъ съ головы до хвоста: чего вы желаете отъ насъ? рыбы, сказала Катаратисъ, я васъ заклинаю вашею блестящею чешуею сказать мнѣ, гдѣ маленькій Гюльшенруцъ. На другой сторонѣ сей каменной горы, м. г. отвѣчали всѣ рыбы хоромъ: довольны ли вы? мы не можемъ ни какъ болѣе держать такимъ образомъ открытаго рта на воздухѣ. Такъ, перехватила Принцесса, я вижу, что вы не привычны къ большимъ разговорамъ, я оставлю васъ съ покоемъ, хотя я имѣю довольно другихъ вопросовъ вамъ сдѣлать; по семъ вода сдѣлалась тиха и рыбы скрылись.

Катаратисъ исполненная ядомъ ея предпріятій, перепрыгнула тотъ часъ черезъ гору, и видѣла подъ лиственницей любезнаго Гюльшенруца, который спалъ, между тѣмъ какъ два карла стерегли его, и бармотали молитвы. Сіи малыя особы имѣли даръ гаданія, когда каковый нибудь неприятель добрыхъ музульмановъ приближался; и такъ они почувствовали приходъ Катарапысы, которая остановясь вдругъ говорила самой себѣ; какъ роскошно онъ наклонилъ его голову! сіе точно дитя такой, какой мнѣ надобно. Карлы прервали сіе прекрасное размышленіе бросясь на нее и царапая изъ всѣхъ ихъ силъ. Наркесъ и Кафуръ принялись тотъ часъ ее защищать, и щипали карловъ столь сильно, что онѣ испустили души, прося Магомеда обратить его мщеніе на сію злую женщину, и на всее ея фамилію.

При шумѣ, который производило сіе странное сраженіе, Гюльшенруцъ, сдѣлалъ чрезвычайный скачокъ, вскарабкался на фиговое дерево, и достигши вершины горы, бѣжалъ не отдыхая; наконецъ онъ упалъ

какъ мертвый въ руки стараго добраго духа, который любилъ детей. Сей духъ былъ совершенно занятъ ихъ покровительствомъ. Некогда онъ облетая светъ, напалъ на сего жестокаго Гіаура когда онъ ворчалъ въ ужасной его трещине, и похитилъ у него пятьдесятъ мальчиковъ, коихъ Ватекъ имелъ безбожность ему пожертвовать. Онъ воспитывалъ сихъ любезныхъ твореній въ гнездахъ возвышенныхъ превыше облаковъ, и жилъ самъ гораздо въ большомъ гнезде нежели все другіе, изъ коихъ онъ изгналъ Роковъ, кои ихъ соорудили.

Сіи верныя убежищи были защищаемы противо Дивовъ и Аффритовъ возвевающимися въ воздухе знаменами, на которыхъ было изображено золотыми литерами, имяна Аллагъ и пророка. Тогда Гюльшенруцъ, который не выведенъ былъ еще изъ заблужденія о мнимой его смерти, щиталъ себя въ жилищахъ вечнаго мира. Онъ отдавался безъ страха ласками его малыхъ сотоварищей; все собирались въ гнезде почтеннаго духа, и на пере-

рывъ одинъ передъ другимъ, цѣловали чело, и прекрасныя ресницы ихъ новаго друга. Тамъ во удаленіи отъ сваръ земныхъ, отъ грубости гаремовъ, невѣжества евнуховъ и непостоянства женщинъ онъ нашелъ справедливое его мѣсто. Счастливый такъ же какъ и его сотоварищи, дни, мѣсяцы, годы протекали въ семъ тихомъ сообществѣ; потому что духъ вмѣсто чтобъ осыпать его воспитанниковъ тлѣнными богатствами и суетными знаніями, награждалъ ихъ даромъ вѣчнаго младенчества.

Катарасисъ мало привыкшая видѣть избѣгшую отъ нее добычь, пришла въ ужаснѣйшій гнѣвъ противъ Арабокъ, коихъ она обвиняла для чего онѣ вдругъ не схватили дитяти. И забавлялись защипывая до смерти карловъ, которые не значили ничего. Она возвратилась въ долину рощи, и нашедъ сына ея еще невставшаго отъ его красавицы, она обратила злобу ея на него и на Нунигару; однако утѣшилась мыслію отправиться черезъ день въ Истакаръ, и познакомиться съ самымъ Гебли-

сомъ (64), посредствомъ добрыхъ услугъ Гіауровыхъ; но рокъ опредѣлилъ иначе.

Навечеръ, когда сія Принцесса разговаривала съ Диларою, которую она приказала позвать, и коя была весьма по ея вкусу, Бабалукъ пришелъ ей сказать, что небо казалось весьма возженнымъ къ сторонѣ Самарата, и казалось предвозвѣщало что нибудь злощастное. Тотчасъ, она взяла ея Астролабіи, (65) и волшебныя ея орудіи, смѣрила высоту планетъ, здѣлала ея изчисленіи, и увидѣла, къ великому ея удивленію и досадѣ, что было ужасное возмущеніе въ Самаратѣ; что Моттакавель воспользуясь ужасомъ, который вдыхалъ его братъ, взволновалъ народъ, захватилъ палаты, и дѣлалъ осаду великой башнѣ, куда Мараканабадъ удалился съ малымъ числомъ тѣхъ, кои остались еще вѣрными. Какъ! вкричала она, я потеряю мою башню, моихъ нѣмыхъ, моихъ Арабокъ, мои муміи, и болѣе всего мой кабинетъ опытовъ, который мнѣ стоилъ толикихъ бдѣній, и сіе не зная, что вѣтреный мой сынъ достигнетъ ли до кон-

ца его предпріятія! нѣтъ я не дамъ себя обмануть; я ѣду въ минуту для вспомоществованія Мараканабаду ужаснымъ моимъ искуствомъ, и одождить заговорщиковъ, раскалеными гвоздями и мѣлкимъ желѣзомъ; я отворю мои хранилищи змѣй и пресмыкающихся, которые подъ большимъ сводомъ башни, и коихъ голодъ здѣлалъ бѣшеными, и мы увидимъ подержатся ли противу таковыхъ нападателей. Говоря такимъ образомъ, Катаратисъ бѣжала къ ея сыну, который праздновалъ покойно съ Нурунигарою, въ прекрасномъ его намѣтѣ тѣлеснаго цвѣта. Прожора, сказала она ему, безъ моей осторожности, ты бы не былъ скоро какъ повелитель лепѣшекъ; твои правовѣрные отверглись клятвы, коею они тебѣ клялись. Мотакавель твой братъ царствуетъ въ сію минуту надъ возвышеніемъ пегихъ лошадей; и естьлибъ я не имѣла нѣкоторыхъ малыхъ помощей въ нашей башнѣ, онъ бы не скоро оставилъ что онъ захватилъ, но наконецъ чтобъ нетерять времяни, я тебѣ скажу въ четырехъ словахъ; вели сбирать твои шатры, поѣзжай сейсамой

же вечерЪ, и не останавливайся нигдѣ болтать. Хотя ты нарушилЪ условіи свитка, мнѣ есть еще нѣкоторая надежда; потому что должно признаться, что ты весьма хорошо нарушилЪ законы гостепріимства, соблазня дочь Емирову, ѣвЪ его хлѣбЪ и соль. Сего рода поступки неиначе какЪ весьма могутЪ нравиться Гіауру; и ежели ты здѣлаешь на дорогѣ еще каковое нибудь малое злодѣяніе, все будетЪ хорошо, и ты войдешЪ вЪ торжествѣ вЪ палаты Сулеймановы. Прости! Албуфаки и мои Арабки дожидаются меня у воротЪ.

КалифЪ не имѣлЪ ни одного слова отвѣчать на все сіе, онЪ пожелалЪ добраго вечера и путешествія его матери, и окончалЪ его ужинЪ. ВЪ полночь онЪ снялЪ его станЪ при звукѣ роговЪ и трубЪ; носколько не били вЪ бубны, не могли воспрепятствовать чтобЪ не слыхать криковЪ Емира и его бородачей, кои отЪ усильныхЪ слезЪ здѣлались слѣпыми, и не имѣли болѣе ни одного волоса на бородѣ. НурунигарЪ, которой сія музыка дѣлала

прискорбїе, была весьма довольна когда она столько удалилась чтобЪ неслыхать ее. Она была сЪ КалифомЪ вЪ Императорской носилкѣ, и онѣ забавлялись представляя себѣ всѣ великолѣпїи, коими скоро они должны были быть окружены. Другїя женщины сидѣли весьма печально вЪ ихЪ клѣткахЪ, Дилара наблюдала терпѣнїе, помышляя что она готовилась торжествовать обряды поклоненїя огню на свѣтлѣйшихЪ возвышенїяхЪ Истакгара.

ВЪ четыре дни, были уже вЪ смѣющейся долинѣ РохнабадЪ. Весна была во всей ея силѣ; и странныя вѣтьви миндальнаго дерева вЪ цвѣтѣ, отдѣлялись отЪ лазуря блистающаго неба. Земля усыпанная Гїацинтами и Жонкилями, производила благовоннѣйшїй запахЪ; тысячи пчелЪ, и почти такое же число СантоновЪ, имѣли тамЪ ихЪ жилище. Попеременно видимы были на берегахЪ ручья ульи и молитвенныя храмины, коихЪ бѣлизна была возвышаема темною зеленью высокихЪ кедровЪ. Сїи набожные отшельники, забавлялись обработывая малые сады, наполненные

плодовъ а болѣе всего мускусоваго запаха дынь, наилутчихъ изо всей Персіи. Иногда видимы они были разсѣянные на лугахъ питающихъ молодыхъ оленей бѣлѣйшихъ снѣга, и лазуреваго цвѣта горлицъ. Они были въ такомъ упражненіи, когда передовые гонцы Императорскихъ войскъ кричали изъ всѣхъ силъ, жители Рохнабада, простритесь на берегахъ вашихъ прозрачныхъ ручьевъ, и благодарите небо, которое показываетъ вамъ лучь его славы; потому что здѣсь приближается скоро повѣлитель вѣрныхъ.

Бѣдные Сантоны исполненные святаго усердія, спѣшили засвѣтить свѣщи во всѣхъ молитвенныхъ храмахъ, разогнули ихъ Алькораны на столахъ чернаго гебена и пошли на встрѣчу Калифу съ небольшими плетенками наполненными фигами, медомъ и дынями. Между тѣмъ какъ они подходили въ порядкѣ и щетными шагами, лошади, верблюды и стражи дѣлали страшное опустошеніе тюльпанамъ, и другимъ цвѣтамъ долины, Сантоны не могли удержаться чтобъ не бросить взоръ со-

жалѣнія на сіе опустошеніе, между тѣмъ какъ съ другой стороны они взирали на небо и на Калифа. Нурунигара восхищенная сими прелестными мѣстами, кои ей воспоминали любезныя уединеніи ея дѣтства, просила Ватека остановиться; но сей Государь, думая что всѣ сіи малыя молитвенныя хижины могутъ почесться въ мысляхъ Гіаура за селеніе, приказалъ его работникамъ оныя разрушить. Сантоны пребыли окаменѣнными въ то время когда исполняли сіе варварское повелѣніе; они плакали горячими слезами и Ватекъ приказалъ ихъ прогнать въ толчки ногами. Тогда онъ вышелъ изъ его носилки съ Нурунигарою, и прогуливались на лугу срывая цвѣты и говоря скверныя шутки; но пчелы, которыя были добрые музульмане, щитали себя обязанными отмстить обиду ихъ дражайшихъ господъ, Сантоновъ, и остервенились столь ихъ жалить, что они весьма счастливы что шатры ихъ готовы были къ принятію ихъ.

Бабалукъ, у коего толстота молодыхъ оленей и горлицъ не скрылась, приказалъ

тотъ часъ нѣсколько дюжинъ взоткнуть на вертелъ, и столько же сдѣлать Фрикасе. По семъ пили, ѣли, смѣялись и богохульствовали со удовольствіемъ, когда всѣ Муллы, Шеики, Кади, и всѣ Иманы Шираза, кои конечно не встрѣтились съ Сантонами, приѣхали съ ослами украшенными связками цвѣтовъ, лентъ и серебреными колокольчиками, и обремененными всемъ тѣмъ, что было наилутчаго въ сей странѣ. Онѣ представили ихъ дары Калифу, прося нижайше почтить ихъ городъ и ихъ мечети его присудствіемъ. О! отъ сего я буду весьма остерегаться, сказалъ Ватекъ; я принимаю ваши дары, и прошу васъ оставить меня съ покоемъ, потому, что я не люблю сопротивляться искушенію; но какъ не пристойно, чтобъ люди столь почтенные какъ вы возвращались пѣшкомъ, и что вы имѣете видъ быть худыми ѣздоками, евнухи мои будутъ имѣть предосторожность привязать васъ на вашихъ ослахъ, и будутъ болѣе всего остерегаться, чтобъ вы не оборачивались ко мнѣ спиною; потому, что они знаютъ

обряды. Между ими были сильные Шейки, которые думая, что Ватекъ сошелъ съ ума, объявили въ слухъ ихъ мнѣнїе: Бабалукъ постарался связать ихъ двойными веревками; и коля всѣхъ ословъ терномъ, оные поскакали, и сталкивались наисмѣшнѣйшимъ образомъ въ свѣтѣ. Нурунигара и ея Калифъ наслаждались другъ предъ другомъ симъ недостойнымъ позорищемъ; они производили громкїй смѣхъ, когда старики падали съ ихъ ослами въ ручей, и что одни сдѣлались хромыми, другїе безрукими, иные беззубыми или еще хуже.

Два дни препроводили въ Рохнабадѣ наипрелестнѣйше, не будучи обезпокоеваемы новыми посольствами. Въ третїй пустились въ походъ; оставя Ширазъ въ правѣ, и выѣхали на великую долину, откол̂ѣ видны были къ концу горизонта, черные верхи горы Истакгара.

При семъ видѣ Калифъ и Нурунигара не могли выдерживать восторговъ души ихъ, выскочили изъ носилки на землю, и дѣлали восклицанїи, кои удивили всѣхъ тѣхъ, которые могли ихъ слышать. Ѣдемъ

ли мы въ палаты лучезарныя свѣтила, спрашивали они одна у другаго, или въ сады прелестнѣйшія Шеддадскихъ? бѣдные смертные! таковымъ то образомъ они разпространялись въ примѣчаніяхъ; бездна таинъ всемогущаго была отъ нихъ сокрыта.

Однако добрые духи, кои стерегли еще нѣсколько надъ поступкомъ Ватековымъ, собрались въ седьмое небо къ Магомеду, и сказали ему; милосердый пророкъ, простри благодѣтельныя твои руки къ твоему намѣстнику, или онъ впадетъ безвозвратно въ сѣти, кои Дивы наши враги ему разставили: Гіауръ ожидаетъ его въ проклятыхъ палатахъ подземнаго огня; естьли онъ поставитъ туда ногу, погибнетъ неизбѣжимо. Магомедъ отвѣчалъ съ негодованіемъ; онъ не иначе какъ весьма заслужилъ быть оставленнымъ самому себѣ; однако я согласуюсь, чтобъ вы сдѣлали еще усиліе отвратить его отъ сего предпріятія.

Тотчасъ добрый духъ принялъ видъ пастуха, болѣе знаменитаго его набожно-

стїю, нежели всѣ Дервиши и Сантоны сей земли; онъ сѣлъ на уклонности небольшаго пригорка подлѣ стада бѣлыхъ овецъ, и зачалъ играть на неизвѣстномъ орудїи, голоса, коихъ трогающее согласїе проницало душу, возбуждало угрызенїе совѣсти, и изгоняло всякую суетную мысль, при звукахъ столько чувствительныхъ, солнце покрылось темнымъ облакомъ, и хрустальныя воды малаго озера, сдѣлались красными какъ кровь. Всѣ тѣ, которые составляли пышное послѣдствїе Калифово были привлечены, какъ бы противъ себя, къ сторонѣ пригорка; всѣ потупили глаза и пребыли безмолвны; каждый укорялъ себя зломъ, которое онъ содѣлалъ: сердце билось у Дилары, и начальникъ евнуховъ, видомъ смутнымъ, просилъ прощенїя у женщинъ въ томъ, что онъ ихъ часто мучилъ для его собственнаго удовольствїя.

Ватекъ и Нурунигара блѣднѣли въ ихъ носилкахъ, и взирая на себя заблуждающимися глазами, укоряли сами себя одинъ въ тысячи злодѣянїи наичернѣйшихъ, въ тысячи намѣренїяхъ безбожнаго често-

любія; а другая, отчаяніе ея семьи, и потерю Гюльшенруцову. Нурунигара думала слышать въ сей злосчастной музыкѣ, крикъ издыхающаго ея отца, и Ватекъ рыданіи пятидесятъ дѣтей, коими онъ пожертвовалъ Гіауру. Въ сихъ тоскахъ, онѣ всегда были влекомы къ пастуху. Видъ его имѣлъ нѣчто столь налагающее почтеніе, что въ первый разъ въ жизни Ватекъ разстроился, между тѣмъ какъ Нурунигара скрывала лице ея руками, музыка престала; и духъ обратясь къ Калифу, сказалъ ему: безумный Государь! коему провидѣніе ввѣрило стараніе о народахъ! таковымъ ли ты образомъ исполняешь возложенное на тебя? ты содѣлалъ верхъ твоимъ злодѣяніямъ; поспѣшаешь ли ты теперь бѣжать къ твоему наказанію? ты знаешь что за сей горой, Геблисъ и его проклятые Дивы имѣютъ злощастное ихъ владычество, и прельщеный лукавымъ привидѣніемъ, ты идешъ предаться имъ! сіе здѣсь послѣдняя минута милосердія, которая тебѣ дана; оставь звѣрское твое намѣреніе, возвратись назадъ, возврати

Нурунигару ея родителю, который имѣетъ еще нѣкоторые остатки жизни, разрушь башню со всѣми ея гнусностьми, изгони Катарашисъ изъ твоихъ совѣтовъ, почитай служителей пророковыхъ, исправь твои безбожничества примѣрною жизнїю, и вмѣсто чтобъ препровождать дни твои въ роскошахъ, поди оплакивать твои злодѣянїи на могилахъ твоихъ предковъ набожнѣйшихъ! видишь ли ты сїи облака, которыя скрываютъ отъ тебя солнце? въ минуту когда сїе свѣтило покажется, естли сердце твое не премѣнится, время милосердїя будетъ прошедшимъ для тебя.

Ватекъ, объятый страхомъ и шатающийся, былъ на степени простертись предъ пастухомъ, коего онъ чувствовалъ быть естества весьма превосходнаго предъ человѣкомъ; но высокомѣрїе его преодолѣло, и поднявъ дерзостно голову, онъ бросилъ на него одинъ изъ его ужасныхъ взоровъ. Кто бы ты нибылъ, сказалъ онъ ему, престань давать мнѣ безполезные совѣты, или ты хочешь меня обмануть, или ты обманываешь самъ себя: естли

то что я столь злодѣйственно здѣлалъ какъ ты думаешь, не можетъ быть для меня минуты милосердія: я плавалъ въ морѣ крови, чтобъ достигнуть до могущества, которое принудитъ дрожать тебѣ подобныхъ; и такъ не ласкай себя, чтобъ я обратился назадъ при видѣ пристанища, ни чтобъ я оставилъ тое, которая мнѣ дороже жизни и твоего милосердія. Пусть солнце покажется; пусть оно освѣщаетъ мое теченіе, мало мнѣ нужды, гдѣ оно окончается! сказавъ сіи слова, которыя принудили задрожать духа самого, Ватекъ бросился во обьятіи Нурунигары, и повелѣлъ погонять скоряй лошадей, чтобъ выѣхать на большую дорогу.

Не имѣли труда исполнить сіе повелѣніе; привлеченіе не существовало болѣе, солнце воспріяло весь блескъ его свѣта, и пастухъ сокрылся испустя жалостный крикъ. Злощастное впечатлѣніе музыки духовной, осталось однако въ большой части сердецъ людей Ватековыхъ; они взирали другъ на друга съ ужасомъ. Въ самую тое же ночь почти всѣ ушли, и не

осталось отъ сего многочисленнаго послѣдованія, какъ нѣсколько невольниковъ идолопоклонцовъ, Бабалукъ, Дилара, и малое число другихъ женъ, которыя слѣдовали, какъ она, закону Маговъ.

Калифъ, пожираемый честолюбіемъ давать законы подземнымъ могуществамъ, помышлялъ мало о семъ побѣгѣ. Кипѣніе его крови препятствовало ему спать и онъ не разбивалъ стана какъ обыкновенно. Нурунитара, коей нетерпѣливость превосходила, ежели возможно, его, принуждала его поспѣшать ѣздою, и чтобъ ослѣпить его, осыпала тысячью нѣжнѣйшихъ ласкъ. Она думала уже себя быть болѣе могущественною нежели Балкисъ (66), и воображала видѣть духовъ простертыхъ предъ естрадою ея престола. Они приближались такимъ образомъ при свѣтѣ луны даже до вида двухъ выдавшихся горъ, которыя дѣлали родъ большихъ воротъ при входѣ въ долину, которая окончавалась пространными развалинами Истакгара. Почти на вершинѣ горы, видны были многіе наружные виды могилъ многихъ

Государей, коихъ ужасъ, темнота ночи еще болѣе умножала. Проѣхали чрезъ два селенія почти совершенно пустыя. Не оставалось тамъ болѣе какъ двое или трое слабыхъ стариковъ, которые видя лошадей и носилки, стали на колени, вскричавъ: небо! не еще ли сіи привидѣніи, которыя мучатъ насъ уже шесть мѣсяцовъ? увы! наши люди убоявшись сихъ странныхъ привидѣній и отъ шума, которой слышенъ подъ горою, оставили насъ на нападеніи отъ злыхъ духовъ! сіи жалобы казались худымъ предзнаменованіемъ Калифу; онъ приказалъ переѣхать его лошадьми по тѣламъ сихъ бѣдныхъ стариковъ, и пріѣхалъ къ большому возвышенію чернаго мрамора. Тамъ, онъ вышелъ изъ его носилки съ Нурунигарою. Сердцемъ трепещущимъ и обращая заблуждающіяся взоры на всѣ предмѣты, они дожидались съ противовольною робостію прихода Гіаурова; но ничего неувѣдомляло его еще о семъ. Печальное молчаніе господствовало въ воздухѣ и на горѣ. Луна отбрасывала свѣтъ на большую площадку изображая

высокіе столпы, кои восходили отъ возвышенія почти до облакъ. Сіи печальныя башни, или знаки свѣта бывшіе въ столь великомъ числѣ, что едва было возможно изчислить, не были ничемъ покрыты и ихъ возглавники, неизвѣстной Архитектуры въ лѣтописяхъ земли, служили убѣжищемъ ночнымъ птицамъ, кои будучи встревожены при приближеніи такого числа людей, отлетѣли крича.

Начальникъ евнуховъ пронзенный страхомъ, просилъ униженно Ватека чтобъ зажечь огонь, и чтобъ принять нѣсколько пищи. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Калифъ, нѣтъ уже болѣе времяни мыслить о сего рода вещахъ; будь тамъ гдѣ ты есть, и ожидай моихъ повелѣній, сказавъ сіи слова голосомъ твердымъ, онъ подалъ руку Нуруннигарѣ, и пошедъ вверьхъ по пространнымъ уступамъ, достигъ до возвышенія, которое укладено было четвероугольными мраморными плитами, и подобно ровному озеру, гдѣ никаковая трава не можетъ рости. По правую сторону, были поставлены башни или маяки

для свѣта предъ развалинами безмѣрныхъ палатъ, коихъ стѣны были покрыты различными образами; на переди видимы были Исполинскія статуи четырехъ звѣрей, кои были смѣшеніе Леопарда и Грифона, и внушали ужасъ; неподалеку отъ нихъ, отличали при свѣтѣ луны, которая ударяла особенно на сіе мѣсто, письмена, похожія на тѣ, которыя были на сабляхъ Гіаура. Они имѣли тоже свойство перемѣняться каждую минуту; наконецъ, онѣ остановились на Арабскихъ письменахъ, и Калифъ читалъ сіи слова: Ватекъ, ты преступилъ условіи моего свитка; ты заслуживалъ бы быть отосланъ назадъ; но изъ благосклонности къ твоей подругѣ, и всему тому что ты здѣлалъ для пріобрѣтенія ея, Геблисъ позволяетъ, чтобъ отворить для тебя врата его палатъ, и чтобъ подземный огнь числилъ тебя между многочисленными его обожателями.

Едва онъ прочелъ сіи слова, какъ гора, къ коей возвышеніе примыкалось, задрожала, и маяки казались валящимися на ихъ головы. Гора растворилась, и показала во

внутренности ея лѣстницу изъ гладкаго мрамора, которая казалась быть долженствующею касаться бездны. На каждой ступени поставлены были двѣ большія свѣчи, похожія на тѣ, кои Нурунигара видѣла въ ея видѣніи, и которыхъ канфорной запахъ возвышался столбомъ подъ сводъ.

Сіе зрѣлище, вмѣсто чтобъ устрашить дочь Факреддинову, подалъ ей новую бодрость; она не удостоила даже проститься съ луною и твердью небесною, и не колебаясь оставила чистый воздухъ Атмосферы, чтобъ погрузиться въ Адскія испаренія. Шествіе сихъ двухъ безбожныхъ, было гордо и рѣшительно. Снизходя при живомъ свѣтѣ сихъ свѣтильниковъ, онѣ любовались одинъ на другаго, и находили себя столь блестящими, что онѣ себя считали силами небесными. Одна вещь, которая дѣлала имъ безпокойство, что ступени не окончавались. Какъ онѣ спѣшили съ горячею нетерпѣливостію, шаги ихъ учащались такъ, что онѣ казались упадающими скоро въ бездну, болѣе не-

жели сходили; наконецъ онѣ были остановлены величайшими вратами гебеновыми, кои Калифъ не имѣлъ труда узнать. Сіе было тамъ, гдѣ Гіауръ дожидался ихъ съ золотымъ ключемъ въ рукѣ. Добро пожаловать въ досаду Магомеду, и всей его сволочи, сказалъ онъ имъ, съ ужасною его усмѣшкою; я желаю васъ ввести въ сіи палаты; гдѣ вы столь хорошо заслужили мѣсто. Сказавъ сіи слова, онъ тронулъ его ключемъ наведенный финифтью замокъ, и въ минуту обѣ половины отворились съ звукомъ сильнѣйшимъ среди лѣтняго грома, и затворились съ тѣмъ же стукомъ въ минуту какъ онѣ вошли.

Калифъ и Нурунигара посмотрѣли на себя со удивленіемъ, видя себя въ таковомъ мѣстѣ, которое хотя было со сводомъ, но столь пространно и столь возвышенно, что онѣ приняли его сперьва за наибезмѣрнѣйшую долину. Глаза ихъ привыкая наконецъ къ великости предмѣтовъ, онѣ увидѣли ряды столбовъ, и полукружіи, которыя шли уменьшаясь, и окончавались на точкѣ сіяющей какъ солн-

це. Полъ усыпанъ былъ золотымъ пескомъ и шафраномъ, испуская столь тонкїй запахъ, что онѣ были какъ упоенные, онѣ шли въ передъ однако, и примѣтили безконечность курительницъ, въ коихъ сгаралъ сѣрый янтарь и Алоевое дерево. Между столбами, были накрытые столы исполненные безчисленнымъ различїемъ блюдъ, и всѣхъ родовъ винами, кои кипѣли въ хрустальныхъ сосудахъ. Толпа Джиннъ и другихъ воздушныхъ духовъ обоего пола, плясали сладострастно кучами подъ музыкою, которая отзывалась изъ подъ ихъ ногъ.

По срединѣ сей безмѣрной залы, прохаживалось множество мужчинъ и женщинъ, которые всѣ держали правую руку на сердцѣ, не дѣлали вниманїя ни какому предмѣту, и ниблюдали глубокое молчанїе. Они были всѣ блѣдны какъ мертвые трупы, и ихъ впадшїе въ голову глаза, походили на сїи Фосфоры, кои видимы бываютъ ночью на кладбищахъ, одни погружены были въ глубочайшую задумчивость; другїе испущали пѣну отъ бѣшен-

стива, и бѣгали по всѣмъ сторонамъ какъ тигры уязвленные ядовитою стрѣлою; и хотя по срединѣ толпы, каждый бродилъ заблуждаясь, какъ бы онъ былъ одинъ.

При видѣ сего злосчастнаго сообщества, Ватекъ и Нурунигара почувствовали себя оледенѣлыми отъ ужаса. Они спрашивали съ неотвязностію у Гіаура, что все сіе значило, и почто всѣ сіи движущіяся страшилища не отымали никогда правой ихъ руки отъ поверхности ихъ сердца? не мѣшайтесь во столько дѣлъ на теперешній часъ, отвѣчалъ онъ имъ грубо, вы чрезъ малое время все узнаете; поспѣшимъ представить насъ Геблису. И такъ продолжали они итти между всѣми сими людьми; но не взирая на первую ихъ бодрость, они не имѣли твердости сдѣлать вниманіи на отдаленные виды залъ и галлерей; оныя были всѣ освѣщены горящими пламенниками и жаровнями, коихъ пламя возвышалось пирамидою, до средоточія свода. Они достигли наконецъ въ одно мѣсто, гдѣ длинныя парчевыя завѣсы краснаго яркаго цвѣта съ золотомъ, упадали со всѣхъ

сторонѣ въ смѣшенiи величественномъ. Тамъ не слышно болѣе ни хоровъ музыкъ ни плясокъ; свѣтъ, который туда проникалъ, казался произходящимъ изъ далека.

Ватекъ и Нурунигара прошли сквозь сiи украшенiи, и вошли въ пространную скинiю обитую леопардовыми кожами. Безчисленное множество стариковъ съ долгими бородами, Аффритовъ въ полномъ вооруженiи, были простерты предъ ступенями естрады, на высотѣ которой, на огненномъ шарѣ, казался сидящимъ ужасный Геблисъ. Образъ его былъ молодаго человѣка дватцати лѣтъ, коего благородныя и правильныя черты, казались увядшими отъ ядовитыхъ испаренiй. Отчаянiе и высокомѣрiе были изображены въ большихъ глазахъ его, и умащенные его волосы походили еще не много на волосы Ангела свѣта. Въ нѣжной рукѣ его, но очерненной отъ молнiи, онъ держалъ мѣдный скиптръ, который принуждаетъ трепетать чудовище Урабадъ (67), Аффритовъ, и всѣхъ могуществъ бездны.

При семъ видѣ Калифъ потерялъ всее бодрость, и простерся челомъ на землю. Нурунигара хотя устрашенная, не могла воздержаться, чтобъ не удивляться образу Геблисову, потому, что она ожидала видѣть нѣчто ужасное. Геблисъ, голосомъ болѣе прiятнымъ, нежели бы могли оный вообразить, но который вливалъ черную грусть въ душу, сказалъ имъ: творенiи земли и глины, я принимаю васъ въ мое владычество; вы изъ числа моихъ обожателей; наслаждайтесь всемъ, что представляютъ сiи палаты вашему виду, сокровищами Султановъ предшественниковъ Адамовыхъ, ихъ молнiеносными саблями, и талисманами, которые принудятъ Диковъ открыть вамъ подземельныя внутренности горы Кафа, кои сообщаются съ сими. Тамъ найдете вы чемъ удовольствовать ненасытное ваше любопытство. Отъ васъ будетъ зависѣть войтить въ крепость Агерманову (68), и въ залы Аржековы, гдѣ изображены всѣ разумныя творенiи, и звѣри, которые обитали землю, прежде сотворенiя сего презрѣннаго бы-

тія, котораго вы называете отцемъ человѣковъ.

Ватекъ и Нурунигара, почувствовали себя утѣшенными и ободренными сею рѣчью. Они сказали съ живостію Гіауру; препроводите насъ скоряе въ то мѣсто, гдѣ сіи неоцѣненныя талисманы. Пойдемъ, отвѣчалъ сей злой Дивъ, съ его измѣнническимъ коверканьемъ, пойдемъ, вы будете обладать всемъ, что господинъ нашъ вамъ обѣщалъ, и еще болѣе. Тогда онъ повелъ ихъ долгою дорогою, которая сообщалась съ сѣнію; онъ шелъ напередъ большими шагами, и его несчастные ученики слѣдовали за нимъ съ радостію. Они пришли въ одну обширную залу, покровенную весьма высокимъ сводомъ, и вокругъ коей было пятдесятъ большихъ мѣдныхъ воротъ, запертыхъ стальными замками. Въ семъ мѣстѣ царствовала печальная мрачность, и на одрахъ не гніющаго кедра, были простерты изсохшія тѣла знаменитыхъ Государей предшественниковъ Адамовыхъ, прежде владѣвшихъ вообще всею землею. Они имѣли еще довольно жизни,

чтобъ познавать ихъ достойное оплакиванія состояніе; глаза ихъ сохраняли печальное движеніе; они поглядывали томно другъ на друга, и держали всѣ правую руку на ихъ сердцахъ. Въ ногахъ ихъ видимы были надписи, которыя воспоминали произшествіи ихъ государствованія, ихъ могущество, высокомѣріе и ихъ злодѣяніи. Солиманъ Роадъ, Солиманъ Даки, и Солиманъ называемый Бенъ Джіанъ, кои оковавъ Дивовъ въ темныхъ пещерахъ Кафа, сдѣлались столько высокомѣрны, что усумнились о всевышнемъ могуществѣ, имѣли тамъ степень отличную; но не уподобляемую пророку Сулейману Бенъ Даудъ.

Сей Государь столь знаменитый его премудростію, былъ на самой высочайшей естрадѣ, и не посредственно подъ однимъ шатромъ. Онъ казалось имѣлъ болѣе жизни, нежели другія; и хотя онъ время отъ времяни произносилъ глубокіе вздохи, и держалъ правую его руку на сердцѣ какъ его товарищи, лице его было болѣе свѣтлѣе; и онъ казался быть внимательнымъ

при шумѣ одного водопада черной воды, который едва видѣнъ былъ сквозь однѣ двери, кои были рѣшетчатыя. Ни какой другой шумъ не прерывалъ молчанія сихъ мѣстъ ужасно печальныхъ. Рядъ мѣдныхъ сосудовъ, окружалъ естраду, отъими крышки сихъ хранилищъ Кабалистическихъ, сказалъ Гіауръ Ватеку; возьми талисманы, кои разрушатъ всѣ сіи двери мѣдныя, и сдѣлаютъ тебя господиномъ сокровищъ, кои онѣ замыкаютъ, и охраняющихъ оныя духовъ.

Калифъ, коего сей ужасный видъ со всемъ разстроилъ, приближился къ сосудамъ шатаясь, и думалъ умереть отъ ужаса, когда онъ услышалъ Сулеймана стенящаго, коего онъ въ его замѣшательствѣ принялъ за мертвый трупъ. Тогда голосъ выходящій изъ устъ посинѣвшихъ пророка, произнесъ сіи слова: во время жизни моей, я занималъ великолѣпный престолъ. По правую сторону меня были двенатцать тысячь золотыхъ сѣдалищъ, гдѣ патріархи и пророки слушали моего ученія; по лѣвую сторону мудрецы и

учители, на столькихъ же серебреныхъ престолахъ, присудствовали при моихъ судахъ. Тогда, какъ я дѣлалъ таковымъ образомъ правосудіе безчисленному множеству, птицы летали безпрестанно надъ главою моею, и служили мнѣ покровомъ отъ жара солнца. Народъ мой цвѣлъ; палаты мои возвышались даже до облакъ: я построилъ храмъ Всевышнему, который былъ удивленіемъ вселенной: но я далъ себя малодушно покорить любви женъ, и любопытству, которое не ограничивалось на вещахъ подлунныхъ. Я послушалъ совѣтовъ Агермановыхъ, и дщери Фараоновой; я обожалъ огонь и свѣтила; и оставя градъ священный, повелѣлъ духамъ построить палаты Истакгара, и возвышеніе маяковъ башенныхъ для освѣщенія, изъ коихъ каждый посвященъ былъ звѣздѣ. Тамъ чрезъ нѣкоторое время, я наслаждался въ полнотѣ блистаніемъ свѣта трона моего и сладострастіями; не только люди, но еще и духи были мнѣ покорены. Я зачалъ думать, такъ же какъ сіи несчастные Монархи, которые меня окру-

жаютЪ, что мщенїе небесное было усыплено, когда молнїя разрушила мои зданїи и низвергла меня вЪ сїи мѣста. Я однако же не такЪ, какЪ всѣ тѣ, кои обитаютЪ здѣсь, совершенно лишенный надежды. АнгелЪ свѣта далЪ знать мнѣ, что вЪ разсужденїи набожности моихЪ молодыхЪ лѣтЪ, мученїи мои окончаются, когда сей водопадЪ, коего я считаю капли, престанетЪ течь: но увы! когда придетЪ сїе время столь желаемое? я стражду, стражду, не милосердый огнь пожираетЪ мое сердце.

СказавЪ сїи слова СулейманЪ, поднялЪ обѣ его руки вЪ знакЪ нижайшаго прошенїя, и КалифЪ увидѣлЪ, что грудь его была прозрачнаго хрусталя, сквозь который было видимо сердце его горящее вЪ пламени. При семЪ ужасномЪ видѣ, Нурунигара упала какЪ окаменѣнная вЪ руки Ватека: о! ГїаурЪ! вскричалЪ сей несчастный Государь, вЪ каковое мѣсто ты насЪ завелЪ? позволь намЪ выйтить; я освобождаю тебя отЪ всѣхЪ твоихЪ обѣщанїй. О! МагомедЪ! нѣтЪ ли болѣе ми-

лосердія для насъ еще? нѣтъ, нѣтъ болѣе, отвѣчалъ сей злодѣйственный Дивъ; знай, что сіе здѣсь жилище отчаянія и мщенія, сердце твое будетъ сгарать какъ всѣхъ обожателей Геблисовыхъ; мало дней дано тебѣ прежде сего злосчастнаго времяни, употребляй ихъ какъ ты пожелаешъ; спи на кучахъ золота, повелѣвай могуществомъ Адскимъ; пробѣгай всѣ сіи подземныя храмины по твоему соизволенію, ни одна дверь не будетъ тебѣ заперта; что до меня, я исполнилъ мое посланіе, и оставляю тебя самому себѣ, сказавъ сіе, онъ изчезъ.

Калифъ и Нурунигара пребыли въ смертельномъ отягощеніи, слезы ихъ не могли течь, едва могли они держаться на ногахъ; наконецъ они взялись печально за руки, и вышли шатаясь изъ сей злосчастной залы, незная куда идутъ, всѣ двери отворялись при ихъ приближеніи, Дивы падали на землю предъ ними, хранилищи богатствъ отверзались въ ихъ глазахъ; но они не имѣли болѣе, ни высокомѣрія, ни любопытства, ни скупости. Съ

равнымъ же равнодушіемъ, они слышали хоры Жиннъ, и видѣли великолѣпные обѣды разставленные на всѣхъ мѣстахъ, они ходили заблуждаясь изъ комнаты въ комнату, изъ залы въ залу, изъ дороги въ дорогу, каждое мѣсто безъ преграды и границъ, всѣ освѣщенные темнымъ свѣтомъ, всѣ украшенные съ тѣмъ же печальнымъ великолѣпіемъ, всѣ обѣгаемые людми, которые искали покою и облегченія; но кои искали его тщетно; потому что они нашли повсюду сердца пожираемыя пламенемъ. Убѣгаемые отъ всѣхъ сихъ несчастныхъ, которые ихъ взорами, говорящими казались одни другимъ, сіе ты, который меня обольстилъ, сіе ты, который меня повредилъ, они удалялись въ сторону, и ожидали въ тоскѣ минуты, коя должна была ихъ здѣлать подобными симъ предмѣтамъ ужаса.

Какъ, говорила Нурунигара, не придетъ ли время, что я исторгну руку мою изъ твоей? Ахъ! говорилъ Ватекъ, не престанутъ ли глаза мои почерпать наисовершеннѣйшаго сладострастія въ твоихъ?

Сладчайшія минуты, кои мы препроводили вмѣстѣ, не будутъ ли мнѣ ужасомъ? нѣтъ, сіе не ты, которая привела меня въ сіе проклятое мѣсто, сіе безбожныя правила, которыми омерзила Катаратисъ мою молодость, кои сдѣлали мою и твою погибель: Ахъ! по крайней мѣрѣ пусть она страдаетъ съ нами! сказавъ сіи горестныя слова, онъ призвалъ Аффрита, который раскалялъ горнъ, и приказалъ ему похитить Принцессу Катаратисъ изъ палатъ Самарата и принести ему сюда.

Давъ сіе повелѣніе, Калифъ и Нурунигара продолжали ихъ шествіе въ молчаливой толпѣ, до минуты, когда они услышали говорящихъ на концѣ галлеріи. Угадывая что сіе были несчастные, которые какъ они, не получили ихъ окончательнаго опредѣленія еще, они направились на звукъ голосовъ, и нашли, что оные выходили изъ малой четвероугольной комнаты, гдѣ на софахъ сидѣли четыре молодые человѣка хорошаго вида, и одна прекрасная женщина, кои разговаривали печально при свѣтѣ одной лампады, они имѣли всѣ

видъ прискорбный и отягощенный, и двое изъ нихъ обнимались съ великимъ умягченіемъ. Видя вошедшаго Калифа и дочь Факреддинову, они встали учтиво, поклонились имъ и дали имъ мѣсто. Напослѣдокъ тотъ, который казался отличнѣйшимъ изъ сообщества, обратясь къ Калифу, сказалъ ему: незнакомецъ, который конечно въ томъ же ужасномъ ожиданіи какъ мы, потому, что вы не носите еще правой вашей руки на сердцѣ; естьли вы пришли препроводить съ нами ужасныя минуты, которыя должны протечь до общаго нашего наказанія, удостойте насъ разсказать ваши приключеніи, кои препроводили васъ въ сіе злосчастное мѣсто, и мы дадимъ вамъ знать о нашихъ, кои весьма достойны быть слышаны. Воспоминать себѣ свои злодѣяніи, хотя уже нѣтъ болѣе времяни на раскаяніе, есть одно упражненіе, которое пристойно несчастнымъ таковымъ какъ мы.

Калифъ и Нурунигара согласились на сіе предложеніе, и Ватекъ начавъ, сдѣлалъ имъ не безъ стенанія, искренное по-

вѣствованіе всего что съ нимъ случилось. Когда онъ окончалъ тягостное его разсказываніе, молодый человѣкъ, который съ нимъ говорилъ, началъ его слѣдующимъ образомъ:

Исторія двухъ принцевъ друзей, Алази и Фирукса, заключенныхъ въ подземныхъ палатахъ.

Исторія Принца Боркіарокъ, заключеннаго въ подземныхъ палатахъ.

Исторія Принца Калилатъ и Принцессы Зулкаисъ, заключенныхъ въ подземныхъ палатахъ.

Трешій Принцъ былъ въ половинѣ его повѣствованія, когда оный былъ прерванъ шумомъ, который принудилъ дрожать и отверзъ сводъ, скоро послѣ сего дымъ изчезая мало по малу, далъ видѣть Катарашисъ на спинѣ Аффриша, который жаловался на его бремя ужасно. Она скочила на землю, и приближаясь къ ея сыну сказала; что ты дѣлаешъ здѣсь въ малой комнатѣ? видя что Дивы тебѣ покорствуютъ, я думала, что ты сидѣлъ на престолѣ Царей предшественниковъ Адамовыхъ.

Женщина гнуснѣйшая, отвѣчалъ Калифъ, да буди проклятъ день, въ который ты меня произвела на свѣтъ! поди слѣдуя сему Аффриту, чтобъ онъ отвелъ тебя въ залу пророка Сулеймана; тамъ, познаешъ ты на что опредѣлены сіи палаты, кои казались тебѣ столь желательными, и сколь я долженъ ужасаться безбожныхъ знаній, кои ты мнѣ преподала! могущество, до котораго ты достигъ не помѣшало ли тебѣ голову, перехватила Катарата, я не требую лучше какъ принести мое почтеніе пророку Сулейману. Должно однако, чтобъ ты зналъ, что Аффритъ мнѣ сказалъ, что ни ты ни я не возвратимся болѣе въ Самаратъ, я просила его оставить меня на нѣсколько времяни привести дѣла мои въ порядокъ, и что онъ имѣлъ учтивость согласиться, я не преминула воспользоваться сими минутами; зажгла нашу башню, гдѣ я сожгла живыхъ нѣмыхъ, Арабокъ, пресмыкающихся ядовитыхъ и змѣй, которыя однако сдѣлали мнѣ много услугъ, и сдѣлала бы то же съ великимъ Визиремъ, естьлибъ

онъ не оставилъ насъ для Мотавекеля. Что до Бабалука, который имѣлъ глупость возвратиться въ Самарапъ, и весьма честно находить женамъ твоимъ мужей, я бы его отдала въ пытку, естьлибъ имѣла время, я только приказала его повѣсить, разставя ему сѣти, чтобъ привлечь ко мнѣ, такъ же какъ и женщинъ; я зарыла ихъ живыхъ въ землю чрезъ моихъ Арабокъ, которыя употребили послѣднія ихъ минуты съ великимъ удовольствіемъ. Что до Дилары, коя мнѣ всегда нравилась, она показала ея разумъ, пошедъ отселѣ не далеко въ службу одного Мага, и я думаю, что она весьма скоро будетъ наша. Ватекъ былъ весьма пораженъ, чтобъ могъ изъяснить его негодованіе, которое ему приключалъ подобный разговоръ; онъ приказалъ Аффриту удалить Катараписъ отъ его присудствія, и пребылъ въ черной задумчивости, которую его товарищи не смѣли возмутить.

Однако Катараписъ достигла грубо до шатра Сулейманова, и не дѣлая ни малѣйшаго вниманія къ вздыханіямъ пророка,

она отняла дерзко крышки съ сосудовъ, и захватила талисманы. Тогда возвыся голосъ, каковаго никогда не слыхали въ сихъ мѣстахъ, она принудила Дивовъ показать ей наисокровеннѣйшія сокровищи, хранилищи наиглубочайшія, коихъ Афритъ самъ никогда не видалъ. Она прошла сходами крутыми, кои не были извѣстны какъ Геблисомъ и наимогущественными его наперсниками, и проникла посредствомъ сихъ талисмановъ даже до самыхъ глубочайшихъ внутренностей земли откол҃ дуетъ Сансаръ, оледеняющій вѣтеръ смерти: ни что не устрашало неукротимое ея сердце. Она находила однако у всѣхъ сихъ людей, которые носили правую ихъ руку на сердцѣ, странность, коя ей не нравилась.

Какъ она выходила изъ одной изъ сихъ безднъ, Геблисъ представился ея взорамъ. Но не взирая на всю важность его величества, налагающаго ужасъ и почтеніе, она не потеряла твердости, и даже сдѣлала ему ея привѣтствіе съ великимъ присудствіемъ разума: сей гордый Мо-

нархъ отвѣчалъ ей; Принцесса, коей знанїи и злодѣянїи достойны возвышеннаго мѣста въ моей Имперїи, вы дѣлаете хорошо употребляя свободное время, кое вамъ остается; потому, что пламя и мученїи, которыя обовладаютъ вашимъ сердцемъ скоро, вамъ дадутъ довольно упражненїя. Сказавъ сїи слова, онъ скрылся въ завѣсахъ сѣни его.

Катаратисъ пребыла нѣсколько замѣшена; но вознамѣрясь слѣдовать даже до конца, по совѣту Геблисову, она собрала всѣ хоры Джиннъ, и всѣхъ Дивъ, для принятїя отъ нихъ почтенїя. И такъ шла она въ торжествѣ сквозь дымъ благовонныхъ куренїй, и при восклицанїяхъ всѣхъ злыхъ духовъ, коихъ большая часть была ея знакомыхъ. Она готовилась даже свергнуть съ престола одного изъ Солимановъ, чтобъ занять его мѣсто, когда голосъ выходящїй изъ бездны смерти, кричалъ: все совершилось! тотъ часъ горделивое чело неустрашимой Принцессы покрылось морщинами тоски; она произнесла горестный крикъ, и сердце ея стало горящимъ

углемъ: она положила на оное руку, чтобъ не отымать никогда.

Въ семъ состоянiи забвенiя, она забыла честолюбивые ея виды и жадность къ наукамъ, кои должны были быть сокрыты отъ смертныхъ. Она опровергла приношенiи, кои Жинны принесли къ ногамъ ея; и проклиная часъ ея рожденiя, и чрево, кое ее носило, она начала бѣгать, чтобъ не остановляться никогда, ниже вкушать одной минуты покою.

Почти въ сiе же время, тотъ же голосъ возвѣстилъ Калифу, Нуруниарѣ, четыремъ Принцамъ и Принцессѣ, ненарушимое опредѣленiе. Сердца ихъ воспламенились; и сiе было тогда, что они потеряли наинеоцѣненнѣйшiй даръ Неба, *Надежду!* сiи несчастные разстались бросая другъ на друга злобные взоры. Ватекъ не видалъ болѣе въ глазахъ Нуруниары, какъ бѣшенство и мщенiе, она не видала въ его какъ отвращенiе и отчаянiе. Два Принца друзья, кои до сего держались нѣжно обнявшись, удалились одинъ отъ другаго содрогаясь. Калiалагъ и его

сестра, сдѣлали себѣ взаимно движенiи проклятiя. Другiе два Принца показывали коверканiями ужасными и удушаемыми криками, ужасъ, который они имѣли отъ самихъ себя. Всѣ смѣшались въ толпу проклятую, чтобъ бродить въ вѣчности скорбей.

Таковое было, и таковое быть должно наказанiе не воздержныхъ страстей, и звѣрскихъ дѣйствiй; таковое будетъ наказанiе слѣпаго любопытства, которое хочетъ проникнуть за границы, которыя творецъ положилъ знанiямъ человѣческимъ; честолюбiе, которое желая прiобрѣсть науки предоставленныя наичистѣйшимъ силамъ, не прiобрѣтаетъ какъ высокомѣрiе безумное, и не видитъ, что состоянiе человѣка есть быть кроткимъ и не вѣдущимъ.

Таковымъ образомъ Калифъ Ватекъ, который для достиженiя суетной пышности, и запрещеннаго могущества, очернилъ себя тысячiю злодѣянiями, видѣлъ себя пищею угрызенiя совѣсти, и горести

безконечной и безпредѣльной; а презираемый Гюльшенруцъ и униженный препроводилъ вѣки въ пріятномъ спокойствіи, и счастіи младенчества.

КОНЕЦЪ.

Coci